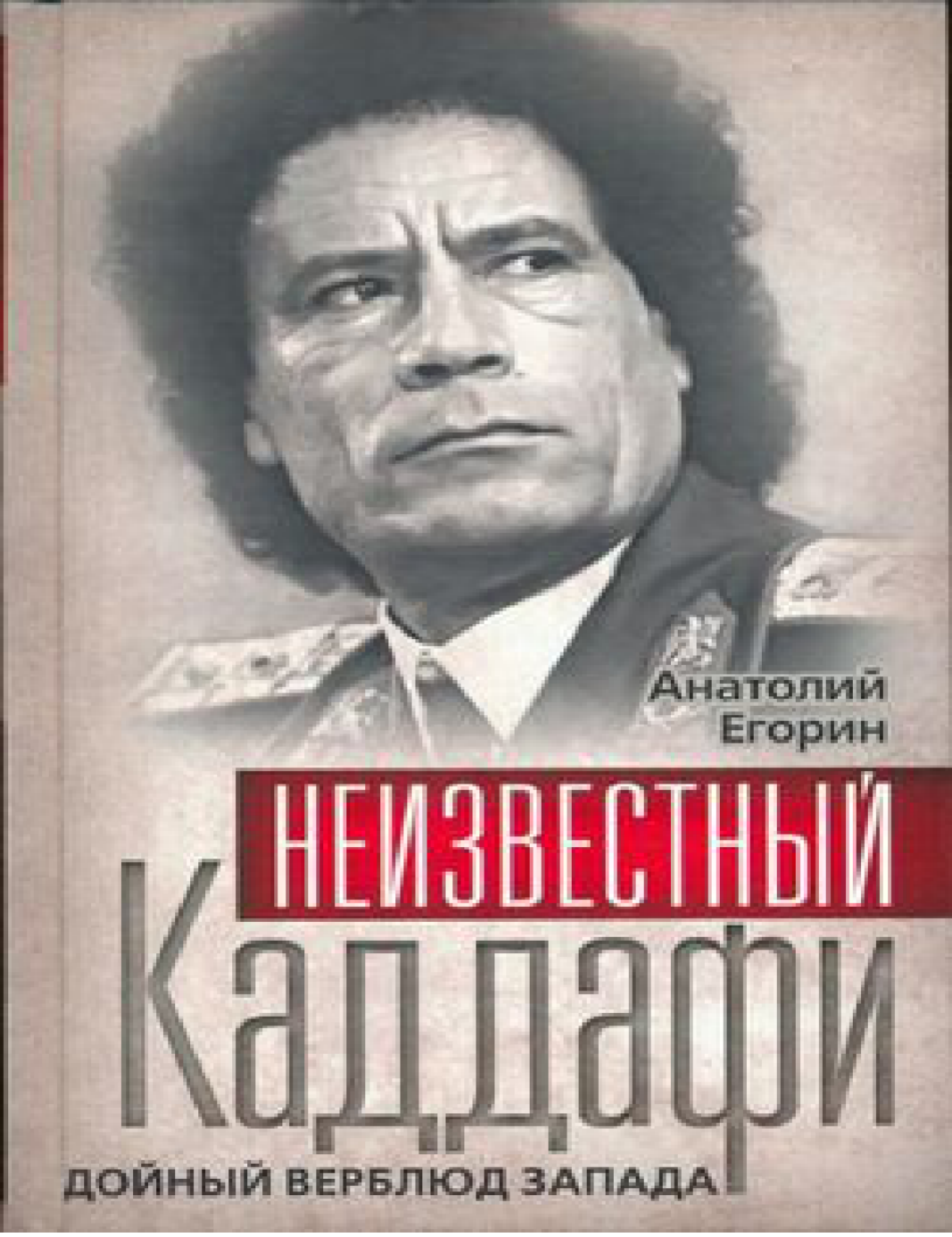

Анатолий Егорин

Неизвестный Каддафи

Дойный верблюд Запада

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трагические события в Ливии, вооруженное вмешательство стран НАТО в гражданскую войну всколыхнуло во всем мире интерес к фигуре ливийского вождя Муаммара Каддафи. Книга академика РАЕН, профессора Института востоковедения РАН А. З. Егорина — портрет и одновременно рассказ о деятельности Муаммара Каддафи — «бедуина Ливийской пустыни», как он сам себя называет, лидера арабского государства нового типа — Социалистическая Джамахирия. До мятежа противников Каддафи и натовских бомбардировок Ливия была одной из процветающих стран Северной Африки. Каддафи — не просто харизматичный народный лидер, он является автором так называемой «третьей мировой теории», изложенной в его «Зеленой книге». Она предусматривает осуществление прямого народовластия — участие народа в управлении политикой и экономикой без традиционных институтов власти.

Почему на Каддафи ополчились страны НАТО и элиты арабских стран, находящихся в зависимости от Запада? Ответ мы найдем в книге А. З. Егорина. Автор хорошо знает Ливию, работал шесть лет (1974–1980) в Джамахирии советником посольства СССР. Это — первое в России фундаментальное издание о Муаммаре Каддафи и современной политической ситуации в Северной Африке.

- Содержание
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Эпилог
  - Постскриптум

Содержание

Анатолий Егорин
Неизвестный Каддафи: братский вождь

Пролог

В доисторические времена Ливией называлась вся территория Северной Африки западнее Египта — якобы по имени царицы, прославившейся умелым управлением этой обширной территорией, тогда еще не засыпанной песками. Так утверждает ливийский исследователь, ссылаясь на одну из греческих легенд.

Издавна здесь выделялось три района. Первый — густонаселенные области на морском Побережье и связанная с ними каменистая пустыня на западе, составившие позднее Триполитанию. Второй — пепельно-песчаная восточная пустыня с прибрежным горным районом — назывался Киренаикой. Вся центральная часть Сахары и ее южные просторы, вплоть до саванны, входили в третий район — Феззан. Эти три района испытали влияние как египетской, так и средиземноморской цивилизаций.

До середины III тысячелетия до н. э. на территории нынешней Ливии не существовало политических объединений, во всяком случае пока не найдено письменных источников или свидетельств археологии. Древнейшей исторический период начинается со второй половины III тысячелетия до н. э. и в какой-то Мере освещен древнеегипетскими источниками. Они упоминают о наличии на востоке и юго-востоке нынешней Ливии ранних государственных объединений Темех, Маджаи (вариант Мазиг — известный этноним берберов) и Иам. Народы последних двух доходили до левого берега Нила в районе I и II порогов. Эти объединения вели войны между собой и с египтянами. Судя по археологическим материалам, темеху и маджаи занимались разведением крупного рогатого скота и овец, а также мотыжным земледелием.

Во II тысячелетии до н. э. на территории нынешней Ливии и к западу от нее жили различные берберские племена. В Киренаике в то время образовалось политическое объединение Ребу (вариант Либу), по имени которого и эта земля, и вся Африка позднее получили название «Ливия». Во второй половине II тысячелетия до н. э. на побережье Киренаики поселились «народы моря» — выходцы с берегов Эгейского моря, которые принесли с собой элементы малоазийско-эгейской культуры. В середине XIII в. до н. э. «народы моря» в союзе с ливийцами-ребу вторглись в Египет. Однако египетские войска отразили это нашествие.

В XI в. до н. э. в Киренаику из Греции прибыли первые греческие (ахейские) колонисты (возможно/ заставшие здесь потомков переселенцев из Эгеиды XIV–XII вв. до н. э.). Вслед за

первой волной колонистов последовали другие. В VII в. до н. э. сюда переселилась большая группа греков-дорийцев— выходцев с острова Крит, основавших г. Гурена. Они подчинили себе более ранних греческих колонистов и своих давнишних соперников финикийцев, а также отдельные берберские общины, составив вместе с ними эллино-ливийский город-государство Кирена. Весьма примечательно, что его наследственный правитель по имени Аристей (или Аристотель) принял ливийский титул «батт» (баттос). Уже сам по себе этот факт свидетельствует о важной роли берберов-ливийцев в новообразованном государстве.

В середине VI в. до н. э. часть жителей Кирены во главе с братьями тогдашнего царя переселилась на запад. Они основали города Барка, Аполлония, Евгесперидис и др.

В это же время финикияне основали в Триполитании г. Лептис (Лептис Магна), на запад от него — г. Эя (позднейший г. Триполи) и еще далее на запад от него — г. Сабрата. Область, где располагались эти три города (по-гречески Триполис), получила поэтому название «Триполитания».

Позднее Триполитания стала частью могущественной Карфагенской державы.

На севере Ливии в то время существовало два очага средиземноморских цивилизаций: полугреческая Киренаика и полуафриканская Триполитания. Но параллельно им возникли и развивались очаги самобытной цивилизации в Сахаре. Один из них— оазис Сива на нынешней границе Ливии с Египтом, известный в древности как оазис Амона. Оазис был важным узлом караванных путей из Египта в Сахару в страны Тропической Африки.

Ближайшей из этих стран была Гарамантида, или царство гарамантов. Его бывшая столица — знаменитый своим богатством г. Гарама (Джерма) до сих пор хранит следы самобытной цивилизации. Царство гарамантов включало в себя весь современный Феззан с его оазисами и городами-оазисами, включая Гадамес (античный Кидамус), а также горные массивы и оазисы к югу и западу от него. Северными соседями гарамантов были берберские племена маков (в VI–V вв. до н. э.) и феззанцев (в I в. до н. э.), по имени которых получил свое название Феззан. Их южными соседями были темнокожие племена эфиопов.

Во второй половине VI в. до н. э. сюда дошли войска могущественной персидской державы Ахеменидов. Завоевав в 525 г. до н. э. Египет, персы не сумели продвинуться на запад, но греки, финикийцы и ливийцы Киренаики были вынуждены признать над собой верховную власть персидского царя.

Распад Римской империи привел к политическому

разделению Ливии. С конца III в. до н. э. Триполитания, выделенная в особую провинцию, вошла в Западную Римскую империю, а с 445 г. — в Вандальско-Аланское королевство, Киренаика — в Восточную Римскую империю.

Особое значение имело распространение в Ливии римского и ранневизантийского периодов монотеистических религий. Со II–III вв. в Триполитании и Киренаике начало распространяться христианство. Как и в других странах Северной Африки, оно выступало здесь в качестве идейной основы народных движений. В VI в. христианство стало официальной религией царства гарамантов и было вытеснено исламом лишь к X–XI вв.

Завоевав Египет, арабы-мусульмане уже в 642 г. совершили первый поход на Киренаику. Барка, тогдашний главный город провинции, сдался им без боя, уплатив большую дань золотом. В следующем году его участь разделил и г. Аджабия. Отсюда арабы двинулись на Триполи, Феззан и Га-раму, которых они разорили и обложили данью. Правитель Гарамы был взят в плен, а само царство гарамантов, просуществовавшее полтора тысячелетия, прекратило свое существование. Власть халифов и их наместников постепенно распространилась на все районы нынешней Ливии. В дальнейшем вплоть до конца X в. Триполитания, Киренаика и Феззан {до начала X в.) входили в состав одного государства: сначала Омейядского, затем Аббасидского, включавшего вассальное государство на территории нынешней Ливии (Аглабидов), и, наконец, Фатимидского халифатов. Но арабские географы и тогда четко различали три провинции Тараблюс (Триполитанию), Барку (Киренаику) и Феззан.

В середине XI в. арабские бедуинские племена из Аравии через Египет двинулись на запад. Пользуясь раздорами между феодальными династиями и берберскими племенами, они заняли весь Магриб от Триполитании до Мавритании, превратив пашни в пастбища, а города в крепости. Захиревшее земледелие все более оттеснялось в горы и на морское побережье. Все три части Ливии сравнительно скоро (к XII–XIII вв.) арабизировались: лишь Джебель-Нефуса и некоторые оазисы остались берберскими и ибадитскими. Большую часть населения Триполитании и Киренаики составляли кочевники-бедуины.

В эпоху великих географических открытий XV–XVI вв. европейские державы начали наступление на страны Магриба. В 1510 г. Триполи был захвачен испанцами. В городе, где обосновалась пятитысячная испанская армия, оставалось не более 60 местных мусульманских семей. В 1530 г. этот город был передан испанцами рыцарям Мальтийского ордена. В союзе с

ними действовал правитель Туниса от имени династии Хафсидов. С его помощью мальтийцы захватили западную часть побережья Триполитании.

Не будучи в состоянии освободить Триполи от христиан-мальтийцев собственными силами, триполитанцы обратились за помощью к османскому султану.

Турки-османы, установив свою власть в Сирии, Египте, Алжире и Тунисе, в 1531 г. начали борьбу за Триполи. В 1551 г. они заставили капитулировать мальтийский местный гарнизон и присоединили Триполитанию и Барку к своей империи. Позднее они завоевали и Феззан.

Вся новая и новейшая история Ливии неразрывно связана с борьбой ее народа против ига Османской империи, а также с историей сопротивления колониальной экспансии Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов Америки.

Время правления турецких султанов в Ливии с начала ее завоевания до 30-х годов XIX в. в исторической литературе принято называть первым прямым турецким управлением. Последующий период (1835–1911) совпадает с утверждением на территории Западного Триполи феодальной династии Караманли. Она лишь номинально зависела от Высокой Порты и проводила в значительной мере самостоятельную не только внутреннюю, но и внешнюю политику. Этот период, относящийся ко второму турецкому прямому управлению, характеризовался усилением массовых выступлений местного населения Ливии против чужеземного, главным образом турецкого, господства.

Национально-освободительная борьба ливийского народа развивалась в особых, специфических условиях. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, она развертывалась на фоне разразившейся тогда итало-турецкой войны (1911–1912). Впоследствии она вылилась в массовое сопротивление ливийского народа итальянскому колониализму, пик которого пришелся на 1920-е годы, когда борьбу ливийцев возглавлял легендарный Омар аль-Мухтар, казненный итальянцами в 1930 г.

Новый подъем борьбы за становление государственности и политической независимости Ливии развернулся в ходе Второй мировой войны. Поражение итало-немецких войск в Северной Африке, казалось, давало возможность обрести свободу, но ливийцы столкнулись с упорным противодействием новых колонизаторов в лице Англии и Франции, которые установили в стране режим оккупации, отказавшись от обещаний предоставить ей независимость после окончания Второй мировой войны. Прочно обосновались в Ливии и США, развернувшие там не только филиалы своих компаний, но и военные базы. Хотя страна

и стала первым независимым арабским государством на Севере Африки, тем не менее при монархическом режиме (1951–1969) фактическими хозяевами оставались вчерашние колонизаторы, что вызывало недовольство местного населения, переросшее в революцию под руководством молодых офицеров.

Постмонархический период ливийской истории ассоциируется в первую очередь с лидером революции Муаммаром Каддафи и с его поисками форм так называемого прямого народовластия и самобытного пути развития Ливийской Джамахирии, отличающегося как от западного либерализма, так и от марксистского социализма.

Исторический путь этого революционного самодержца, сына пустыни, и его безудержная деятельность и будет предметом нашего пристального внимания и анализа.

Глава I
Муаммар Каддафи как личность

Сын пустыни

Ливийского лидера зовут Муаммар. В переводе с арабского его имя символично — «Живущий долго». Он родился весной 1942-го в палатке бедуина близ Сирта, в 30 км от Средиземного моря. Ко дню его рождения в семье Каддафи (так называлось «кабиля»— племя на араб, яз., к которому она принадлежала), уже было три дочери. Вообразите радость отца, когда Муаммар появился на свет. Бедность вокруг кричала о себе так, что все возвышенные надежды главы семьи теперь связывались с единственным сыном. Конечно, если пожелает Аллах! Без упоминания Всевышнего в семье Муаммара не проходило ни минуты. Ни на кого другого уповать или надеяться было немыслимо…

В детстве безжалостная нищета окружала Муаммара. С ранних лет в сознании мальчика, «сына пустыни», формировалось непоколебимое представление о бедности как о вечной неизбежности. И ненависть к «избранным». В его голове вызревал непростой вопрос: до каких пор? В самом деле, когда же наступит новое время и отцу, матери, сестрам, ему станет доступным то, что стремительно мчалось мимо…

Когда Муаммару исполнилось девять, а может, десять лет, даже родители точно не помнят, его отдали в медресе в Сирте. Где он там жил? Спать было негде. Родственники далеко. Поэтому на ночь Муаммар устраивался вместе с другими бездомными правоверными в мечети. Всегда под аккомпанемент рассуждений о милосердии Аллаха, великого и всемогущего!

Да и в школе все начиналось с Аллаха, с воздания единственному и неповторимому нескончаемой благодарности за несравненное благо, каким молодому мусульманину представлялось просвещение. И мальчишка учился, зубрил наизусть Коран. По четвергам, в самом крайнем случае утром в пятницу, он отправлялся домой в пустыню, к отцу. На попутной машине? Нет, пешком! А это — 30 километров!

Медленно шло время, быстро проходили годы. К Муаммару пришли решимость познать и сдержанность. Чтобы заставить его разговориться, собеседнику приходилось задавать ему откровенные вопросы. На них он откликался и в ответ, что

называется, «резал правду-матку». Прямота и вера в то, что правда одолеет зло, выделяли подростка, за что он снискал симпатии и антипатии одновременно.

Муаммар Каддафи — ученик средней школы в Себхе. В ней он тоже больше впитывал, чем говорил вслух. Лишь иногда, когда положение в Ливии звало на улицу, он вместе со сверстниками отправлялся на демонстрации. Иногда попадал в полицейский участок. Там, в камере для «политических», пришел к выводу, что добиться желанной свободы для родины, разрушить монархию, обрекающую на вечную зависимость от Великобритании и Америки, можно только силой. А она тогда сосредоточивалась в королевской армии. Смог же Гамаль Абдель Насер вместе со своими офицерами свергнуть короля Фарука. Египетский революционный лидер стал для юного Каддафи живым богом!

Политическая активность Каддафи едва не стоила ему будущего. Муаммара исключили из школы в Себхе, и он продолжал образование в Мисурате. Вот там-то вместе с несколькими друзьями по школе, среди которых был Абдель Салям Джеллуд, не раз попадавший с ним в полицию за участие в демонстрациях, было решено стать офицерами — профессиональными военными, чтобы обрести силу, способную смести короля Идриса и его окружение… Решили и до поры до времени делали вид, что политика больше их не интересует. Уход в себя помог им по окончании школы в 1963 г. поступить в военный колледж в Бенгази, второй после Триполи столице Ливии. Там Каддафи уже не стеснялся высказывать свои взгляды, тем более, что среди слушателей шли бесконечные дискуссии о будущем Ливии и всех арабов. И он быстро стал признанным авторитетом. Посещая одновременно вечерние курсы университета в Бенгази, Каддафи прослушал в нем курс истории, что не только прибавило ему знаний, но и позволило более глубоко подумать о своем будущем.

Затем в звании лейтенанта он на полгода выезжал в Великобританию, где учился на курсах офицеров-связистов. Вернувшись домой, приступил к созданию подпольной организации. Каддафи назвал ее «Свободные офицеры-юнионисты». Ему очень хотелось, следуя примеру президента Египта Насера, способствовать объединению арабов.

Что могла Ливия в то время? Решительно ничего. Все, что происходило в арабском мире, тогда предопределялось в Каире. Кто там обращал внимание пусть на большую по территории, но слишком маленькую по населению Ливию, хоть она и занимала важное стратегическое положение в Южном Средиземноморье…

Каддафи остро чувствовал это. Свои надежды он возлагал на

Насера, не будучи с ним даже знаком. Положение офицера связи очень помогло Каддафи. Он довольно легко передвигался по стране, устанавливая нужные контакты с офицерами — командирами рот и батальонов, могущими помочь в предстоящем перевороте…

1 сентября 1969 г. Радио Бенгази голосом главного заговорщика Муаммара Каддафи известило страну и арабский мир, что король Идрис низложен.

Сообщение о событиях в Бенгази повергло политический Каир в шок. Переворота не только не ожидали — в Каире даже не подозревали о существовании и действиях неких офицеров-сторонников Насера. В Бенгази немедленно вылетел Мухаммед Х. Хейкал, главный редактор газеты «Аль-Ахрам», друг и доверенное лицо президента Египта. Там, в здании египетского консульства, один из членов будущего Совета революционного командования — Мустафа Харруби, вместе с Каддафи захватывавший Бенгази в ночь на 1 сентября, выпалил Хейкалу:

— Мы все последователи Насера!

— Кто ваш лидер? — нетерпеливо спросил Хейкал.

— Ты его увидишь сегодня ночью…

— В каком он чине?

— Он был, как и я, капитаном, но понижен в звании до старшего лейтенанта за политические убеждения.

В два часа ночи в здание консульства прибыл Каддафи. Хейкала поразила его молодость — всего 27 лет! Ответив на все вопросы египтянина, Каддафи сказал:

— Возвращайся в Каир и скажи президенту Насеру, что мы не хотим править Ливией. Все, что мы сделали, — наш долг арабских националистов. Теперь дело за президентом Насером. Пусть он выведет Ливию из реакционного лагеря и приведет ее и весь арабский мир в прогрессивный лагерь…

Хейкал вернулся в Каир и попросил Насера принять его немедленно. Президент начал свои расспросы с изучения фотографии Каддафи. Очень молодое лицо настораживало. Присвоенное ему звание «полковника» тоже…

— Каддафи и его друзья — форменная катастрофа! — начал Хейкал. — Они такие наивные! Аскеты, полны решимости действовать…

Вот так все и началось.

Став верховным правителем страны, Каддафи предпринял чрезвычайные меры для достижения полного единства арабов. 27 декабря 1969 г. появилась Триполийская хартия, провозгласившая союз Египта, Ливии и Сирии. Новое объединенное государство должно было называться «Федерация

арабских республик». Дальше слов не пошли.

2 августа 1972 г. было провозглашено полное объединение Ливии с Египтом. Даже подписано соглашение. До объединения так и не дошло.

Джерба, 11 января 1974 г. Объединение Ливии с Тунисом. Это объединение тоже не состоялось.

В последующие годы не раз возникали новые варианты союзов Ливии с другими арабскими государствами. Однако и они остались на словах…

Потерпев неудачу с арабским юнионизмом, Каддафи сосредоточил свои усилия на реформах в стране. Каким путем идти, как развиваться дальше? Обычные вопросы, зато очень трудно искать ответы. Неразвитая экономика (только добыча нефти прогрессировала неукротимо и приносила немалые доходы), отсталая социальная структура, нежелание воспринимать революцию со стороны так называемых «средних слоев».

15 апреля 1973 г. Каддафи провозгласил «народную культурную революцию». Чтобы сокрушить сопротивление бюрократии и побороть апатию масс, он призвал народ взять власть в свои руки. Все законы, действовавшие в стране, он отменил. Только наказания за уголовные преступления остались в силе. Основным законом страны стал шариат — мусульманское право. Все, кто поддерживал прежний, свергнутый режим, объявлялись вне закона и должны были покинуть Ливию. Началась борьба «против демагогии» в университетах и организациях — «проводниках западного влияния». Провозглашенные Каддафи меры должны были стать органической частью его «третьего пути», или «третьей международной теории», противопоставленной и «капиталистическому прагматизму», и «коммунистическому материализму». Появление «Зеленой книги» Каддафи, опубликованной по частям в 1975-м, 1978-м и 1979-м годах было названо джамахирийским Кораном XX века. На автостраде Триполи — Бенгази, а это 1050 км пути, на глазах путников суры из священного Корана, выбитые на каменных щитах, стоящих как часовые у дороги, начали меняться на цитаты из «Зеленой книги». В честь 10-летия революции столица страны Триполи была выкрашена в этот цвет. Все дома и заборы. Сбруи верблюдов тоже… В стране создали 2209 народных комитетов — в университетах, городах, на предприятиях, в административных учреждениях, в деревнях.

5 октября 1974 г. на съезде Арабского социалистического союза полковник объявил, что эта организация должна быть

реконструирована, поскольку в Ливии, по его мнению, нет места ни политическим партиям, ни господству какого-либо класса, как нет эксплуататоров и эксплуатируемых, а есть соучастники труда («иштирак» по-арабски — это и есть «соучастие в труде», отсюда и «иштиракия», слово, переводимое на русский язык как «социализм», ничего общего не имеющее с его марксистским или советским понятиями). Но как-то все мало менялось… И где же крылись истоки неудач?

В то время Каддафи довольно часто задавал себе этот вопрос. Самому себе, прежде всего. И вдали от всех, где-нибудь в пустыне. Ъ действительности, какой бы заманчивой ни казалась идея объединения арабов, она настораживала даже Насера. При жизни президента Египта уж слишком горек был опыт объединения Египта и Сирии (1958–1963). Каддафи же казалось, что любое объединение, даже с тунисским лидером Х. Бургибой, принесет гигантский выигрыш. Никто не хотел соглашаться с Каддафи. В арабском мире серьезные политики при упоминании неудач ливийского лидера обычно сдержанно улыбались: слишком горяч, слишком спешит…

Каддафи хотел не просто объединиться с той или иной страной. Провозглашая союз с любой из них, полковник претендовал на ключевой пост. Он не доверял Садату. А все те, от кого реально зависело объединение, страшились его будущих действий.

Садат на словах угождал Каддафи в его страсти объединиться с Египтом, не посвящая ливийского лидера в свою политику. Так, он ни словом не обмолвился Каддафи о готовившейся войне с Израилем, намеченной на октябрь 1973 г. Каддафи узнал о ней из сообщений по радио. И… назвал ее «опереточной».

С того времени пути Ливии и Египта разошлись решительно. Поняв, что Садат отдал Египет американцам, Каддафи принял решение сблизиться с Советским Союзом…

Не думайте, что «поворот к Москве» дался ливийскому лидеру легко. Каддафи дальновидно просчитал, что его курс на улучшение ливийско-советских отношений принесет ему очевидные выгоды. Да, политические прежде всего. Большая политика всегда арифметика. Исчезновение большой опоры в ней не может продолжаться долго.

6 декабря 1976 г. Муаммар Каддафи в Москве. Ливийский лидер не только перешагнул через свои предубеждения, но и сумел непредвзято взглянуть советским людям в глаза. В результате для него открылись новые горизонты сотрудничества.

Каддафи не стал «просоветским». Зато стал еще более твердым арабским политиком. Своей настойчивостью он

раздражал многих, даже в Советском Союзе. Его речи казались оторванными от реальностей Ближнего Востока. Ему же так не казалось. Может быть, Каддафи обгонял время?

Когда в 1979 г., разразилась иранская революция, ливийский лидер поддержал ее от «а» до «я». Даже тогда, когда Хомейни настаивал на продолжении войны с Ираком, Каддафи вместе с сирийским президентом Асадом был на стороне Ирана. В последний год войны ливийский лидер выступил против нее. И против Ирана. Все, как видим, было в динамичном движении…

В 1977 г. полковник провозгласил «Джамахирию» — абсолютное народовластие в Ливии. Вся исполнительная власть с тех пор сосредоточилась в руках «народных» и «революционных» комитетов. Ушли в небытие министерства, другие государственные учреждения. Вместо парламента законодательным органом стал Всеобщий Народный конгресс. Что только не сокрушали тогда в Ливии — частную торговлю и частную собственность на землю и средства производства. Все и вся передавалось народу. И вот тут-то страна познала всевозраставшие трудности и несчастья, объяснимые лишь одним — неподготовленностью к опережающим развитие радикальным реформам. Государственные и кооперативные магазины и предприятия пустовали. Народ роптал. Следившим за неожиданными реформами экономической и политической системы в Ливии становилось все яснее, что торопливость в их осуществлении — признак грядущих осложнений. Оппозиционно настроенные элементы не устрашились предпринять атаку на резиденцию Каддафи в военном лагере Баб аль-Азизия близ Триполи. Полковник понял, что терпение народа не беспредельно. В 1987 г. Каддафи отступил. Он вернул частных торговцев в их лавки, пытался наладить экономику, но снова удивил ливийцев и весь мир. Полковник вдруг распустил «революционные комитеты», армию и полицию, ликвидировал государственные предприятия. Кто же теперь будет защищать страну, какие институты будут регулировать экономику? Отвечая на этот вопрос, Каддафи подчеркнул, что место вооруженных сил займет вооруженный народ. Рискованно? Конечно. Но это был очередной революционный поиск!

В 1986 г. руководитель Ливии подвергся рассчитанной мести администрации Рейгана. Специально выделенное подразделение бомбардировщиков (пятнадцать F-111, базировавшихся на Британских островах!) бомбило его резиденцию. Целью строго засекреченной операции было убить Каддафи. Рейган, выступая тогда по телесети США с сообщением о рейде на Ливию, умолчал о ней. За что же ливийский лидер попал у американцев в

немилость? Его обвинили в поддержке «международного терроризма». И одновременно в подрывном «просоветизме». Вот это, наверное, и было основополагающем аргументом, когда принималось решение бомбить Ливию, хотя право каждого политического лидера той или иной страны избирать себе партнеров или попутчиков незыблемо. Каддафи не раз бывал в Москве и здесь находил понимание. Ливия была выгодным торговым партнером Советского Союза. Однако обвинения ливийского лидера в «просоветизме» — сущий вздор…

На голову Каддафи слишком часто, даже до последнего времени, как из рога изобилия сыплются обвинения в его неуживчивости и даже вздорности… Своими политическими решениями он не без успеха их парировал. Политическая изоляция, конечно, не импонирует Каддафи, но это может сыграть и позитивную роль в подходе Ливии, например, и к арабо-израильскому конфликту, если учесть его «Белую книгу», в которой палестинцам и евреям предложено объединиться в единое государство «Изратину».

Кто же такой Муаммар Каддафи? Лидер ливийской революции — националист? Исламский фанатик? Факты свидетельствуют, что именно Каддафи в последнее время проявляет завидную сдержанность во всем, что связано с достижением арабского единства, и в то же время не дает хода мусульманским экстремистам. Антикоммунист? В Ливии не было и нет компартии, да и коммунистический мир существует где-то в Азии или Латинской Америке.

Тогда самый неприятный вопрос: Каддафи — террорист? В 1986 г. ни ЦРУ, ни госдепартамент не сумели доказать свои обвинения ливийского лидера в терроризме.

В декабре 1988 г. США обвинили Ливию в возможном производстве химического оружия. Его Каддафи якобы мог применить в целях… того же терроризма. В ответ на обвинения ливийский лидер предложил уходившему президенту США диалог. По всем спорным проблемам! Его предложения в Вашингтоне не приняли. И сбили два невооруженных ливийских самолета, совершавших патрульный полет. Совет Безопасности ООН, срочно созванный по просьбе Ливии и заседавший несколько дней, не смог принять резолюцию, осуждавшую террористические действия США. Ее заблокировали тройным вето — американцы, англичане и французы…

Можно, как слишком часто и делают, ругать и не понимать Муаммара Каддафи, но невозможно игнорировать ливийского лидера, сосредоточившего в себе все качества и черты своего народа.

Глава II
Ливия при Каддафи

Укрепление новой власти

Впервые послереволюционные дни 1969 г., по свидетельству очевидцев, многие ливийские города выглядели обычно. Если бы не танки на улицах и многочисленные военные посты, перекрывшие основные магистрали и окружившие государственные учреждения, да не радио, объявившее о свержении монархии, мало бы кто знал об этом. Переворот произошел почти бескровно. Трон рухнул мгновенно, словно давно был поражен раковой болезнью. Наследный принц отказался от всех конституционных прав и призвал народ присоединиться к революционному режиму. Высшая военная верхушка и большинство министров, находившихся в Триполи, Бенгази, Бейде и Дерне, были арестованы. Оказали кое-какое сопротивление гарнизоны Бейды и Дерны, где находились правительственные учреждения, однако очаги этого сопротивления были быстро локализованы. А как же американская база Уилус-Филд, наводившая страх не только на ливийцев, но и на все средиземноморское побережье? Французскому журналисту Ге Ситбону, посетившему Ливию после революции, рассказывали, будто у американцев, находившихся на базе, весть о перевороте, происшедшем у них под носом, не вызвала никакой тревоги, поскольку они были уверены, что это организовал полковник Шелхи, который, доходили слухи, готовил путч в сотрудничестве с ЦРУ. Об этом журналист рассказал на страницах «Le Nouvel Observateur» 9 апреля 1973 г. Не будем утверждать, так ли это было на самом деле, но Мирелла Бьянко, попросившая Каддафи лично прокомментировать историю, рассказанную Ситбоном, записала следующий ответ руководителя переворота: «Возможно, это было и так… Но это лишний раз подтверждает, что Шелхи был связан с американской секретной службой. Мы же не представляем, каким образом он мог бы осуществить переворот с их помощью».

У нас нет достоверных данных, как реагировали англичане в Тобруке на то же событие, однако, судя по официальной реакции Лондона, гренадеры ее величества заняли выжидательную позицию, то есть, возможно, думали также, как их коллеги с Уилус-Филд.

Во многих городах комендантский час был быстро отменен. Воинские подразделения ушли в казармы. Служащие государственных учреждений получили указание явиться на работу. Открылись магазины, кафе. На суках (базарах) не менее бойко, чем при короле, развернулась торговля. Аэропорты возобновили прием самолетов из-за рубежа. Была восстановлена связь с внешним миром.

Пока все это приходило в себя после революционного урагана, пронесшегося над пустынной Ливией, в Триполи, в Азизийских казармах, куда переместился из Бенгази штаб революции, вчерашние подпольщики, образовавшие Совет Революционного Командования, трудились круглосуточно. Вырабатывалась внутренняя и внешняя политика нового режима.

В своем первом коммюнике СРК объявил:

1. Все законодательные акции старого режима отменяются, как потерявшие силу с 1 сентября 1969 г. Любые действия старых лидеров против революции будут беспощадно подавляться.

2. Совет Революционного Командования является единственным органом, уполномоченным вести дела Ливийской Арабской Республики. Это означает, что все государственные учреждения, официальные представительства, вооруженные силы с сего времени должны руководствоваться только указанием СРК. Любые нарушения этого положения будут рассматриваться как контрреволюционные.

3. Совет Революционного Командования выражает уверенность, что ливийский народ приложит все силы к строительству социалистической Ливии, используя для этого свои собственные принципы и отбрасывая любые взгляды, в которых содержатся сомнения относительно исторического развития Ливии… Мы превратим нашу страну в прогрессивное государство, которое будет сражаться против колониализма и расизма и помогать угнетенным народам.

4. Совет Революционного Командования придает особое значение единству стран «Третьего мира» и необходимости претворения в жизнь их социальных и экономических планов развития.

5. СРК глубоко убежден в свободе религии, в моральных ценностях, содержащихся в Коране, и обещает защищать и придерживаться их".

Кроме этих и других декретов, изданных в первые дни образования СРК, Каддафи, со своей стороны, сделал ряд заявлений, касавшихся различных аспектов политики нового руководства. В частности, он подчеркнул, что "свободные офицеры" будут следовать теории насеризма и концентрировать

особое внимание на палестинском вопросе. Каддафи разъяснил свою интерпретацию лозунгов "Свобода, социализм, единство".

"Под свободой, — сказал он, — мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз.

Под единством мы понимаем объединение всех арабских народов либо под руководством одного арабского правительства, либо на основе федерации малых правительств. Все — в зависимости от обстоятельств.

Под социализмом мы понимаем исламский социализм. Мы следуем догмам Корана, принципам частной собственности и наследства. Национальный капитал не только останется в руках тех, кто им владеет, но будет даже поощряться с целью стимулирования развития страны".

На старте революционных преобразований изложил он и программу внутренних преобразований.

На митинге в Триполи 16 октября 1969 г. Каддафи заявил: "Нашими лозунгами являются: полная эвакуация иностранных баз, позитивный нейтралитет, неприсоединение, отпор тем, кто этого не желает. Нашим знаменем является национальное единство, как первый шаг на пути к объединению всех арабских стран".

Ликвидация иностранных военных баз

Главной опасностью для нового режима было, несомненно, наличие на территории страны иностранных войск. С этого и решили начинать новые ливийские руководители.

Через 20 дней после обнародования решения об образовании СРК было официально объявлено, что соглашения, заключенные королевским правительством с США и Англией о военных базах, аннулируются. 8 декабря 1969 г. ливийская делегация во главе с членом СРК Джеллудом начала переговоры об эвакуации английской военно-морской базы в Тобруке и военно-воздушной в Эль-Адеме, в 27 километрах юго-восточнее Тобрука. Англичане сидели там крепко. Там находились танки, артиллерия, стрелковое оружие, авиационная техника английского производства. Обучали ливийцев в основном английские инструктора. Еще при королевском режиме Ливией были заключены одно за другим соглашения о военном сотрудничестве. Так, в апреле 1968 г. было подписано соглашение о создании на территории Ливии ракетной системы ПВО

стоимостью 100 млн. лив. фунтов. Весной 1969 г. последовало еще одно соглашение о поставке в Ливию английского тяжелого вооружения, в том числе танков "чифтен". Наконец, очередная группа военных, в том числе и участники готовившегося военного переворота, должна была отправиться за ливийский счет в Англию на переподготовку…

13 декабря 1969 г. было объявлено, что англичане выведут из Ливии все свои воинские подразделения до 31 марта 1970 г. Еще через две недели, 29 декабря было расторгнуто соглашение о создании противоракетной системы ПВО. Это была победа молодого руководства Ливии. Теперь Лондону ждать было нечего. 28 марта последний британский солдат покинул Тобрук, и с тех пор в этот день там, в пустыне, неподалеку от селения Эль-Адем, где возвышается над местностью неприступная авиабаза, ежегодно проходят большие, многолюдные торжества по случаю знаменательной даты. База получила имя Насера и является надежным стражем восточных границ Ливии.

В Лондоне попробовали принять несколько контрмер. 25 марта 1971 г. из Триполи были отозваны представители нефтекомпаний, а 14 декабря 1971 г. Ливию исключили из стерлинговой зоны. Но это никого не пугало в Триполи. 25 января 1972 г. был подписан официальный протокол о денонсации англо-ливийского договора с от 29 июля 1953 г. Через полгода, 5 июня 1972 г. Ливия потребовала от Великобритании сократить состав своей миссии в Триполи до 8 дипломатов, что означало замораживание политических отношений с Лондоном. На сей раз разговор с новым, революционным режимом Ливии с "позиции силы" потерпел фиаско.

Не менее сложными были переговоры с Соединенными Штатами, которые Джеллуд начал 16 декабря 1969 г. 23 декабря 1969 г. было объявлено, что американские войска оставят Ливию до 30 июня 1970 г. Они покинули ее раньше, 11 июня, когда над базой, получившей название "Окба Бен Нафиа" (по имени арабского полководца VII века, завоевавшего Ливию), взвился национальный флаг. Теперь ежегодно в этот день базу заполняют тысячи людей, чтобы отмечать победу— день освобождения от военного засилья США. Ливия стала свободна от всех иностранных военных баз.

Ограничение деятельности иностранных монополий

Наступил черед заняться "вчерашними" колонизаторами. В первую очередь, теми, кто считал Ливию своим "четвертым

берегом". Это тоже было весьма важно. Западники буквально заполонили Ливию. Дело доходило до того, что в Триполи и Бенгази, считавшимися столицами страны, существовали целые кварталы, куда местных граждан не пускали.

21 июля 1970 г. СРК принял закон "о возвращении ливийскому народу узурпированной собственности". В соответствии с этим законом, была национализирована без выплаты компенсации вся собственность, принадлежавшая итальянцам. В руки государства перешли 369 сельскохозяйственных ферм (общей площадью 38,8 тыс. га) и 211 тыс. га пустовавших земель.

На очередь стал вопрос о природных богатствах страны, расхищавшихся иностранными монополиями.

Перед революцией на побережье Сиртского залива выросли нефтепорты: Марса-эль-Брега (построена в 1961 г. "Esso"), Эс-Сидер (построили в 1962 г. нефтекомпании США — "Amerada", "Continental Oil" и "Marathon", образовавшие консорциум "Oasis Oil Corporation"), Рас-Лануф (сооружен в 1965 г. наднациональными объединениями "Amoseas", США, и "Mobil Oil Ко Gelsenberg", ФРГ), Мерса-Харига (сооружен в 1967 г. английской "British Petroleum" и американской "Bunker Hunt" компаниями), Эз-Зуэтина (построен в 1968 г. американской корпорацией "Occidental Oil"), О размахе нефтедобычи свидетельствуют следующие цифры: в 1961 г. из Ливии было экспортировано 0,676 млн. т нефти. В 1962 г. — 8 млн. т, в 1966 г. — 79 млн. т, в 1969 г. — 151,7 млн. т.

Основными нефтедобывающими компаниями в год переворота (1969 г.) были: "Esso Standard Libya"— 35,9 млн. т, "Oasis Oil Corporation"— 37,9 млн. т, "Occidental Petroleum"— 29,3 млн. т, "Amoseas" в составе "California Asiatic" и "Texaco Overseas Petroleum", членов международного нефтяного картеля— 14,7 млн. т, "British Petroleum" и "Bunker Hunt"—15,4 млн. т, "Mobil Oil Ко Gelsenberg"—12,7 млн. т, "Philips Petroleum" — 2,8 млн. т.

В 1967 г. Ливия вступила в ОПЕК. В апреле 1968 г. был принят закон об учреждении ливийской национальной нефтяной компании (LIPETCO), что облегчало борьбу с иностранными нефтяными спрутами, но скорее приструнивало, чем ограничивало их деятельность. .

Решительное наступление против них развернулось после свержения монархии. 15 марта 1970 г. Совет Революционного Командования издал закон о преобразовании LIPETCO в ливийскую национальную нефтяную корпорацию (LIN0CO), которой было предписано проводить курс на ограничение деятельности иностранных нефтяных компаний и развивать национальный сектор нефтяной промышленности. 22 мая 1970 г.

руководители Ливии, Ирака и Алжира заключили нефтяное соглашение и обязались поддерживать друг друга в борьбе против иностранных компаний. В июне того же года новое ливийское правительство потребовало от "Occidental Oil Company" снизить добычу нефти на 37 %, ввиду "консервации депозитов" — шаг, который пыталась предпринять эта компания в ответ на "притеснение" новых властей. 7 июля 1970 г. были национализированы все средства транспортировки нефти, принадлежавшие ведущим иностранным компаниям. Эти средства перешли в распоряжение LINOCO.

В феврале 1971 г. Ливия, Ирак, Алжир и Саудовская Аравия договорились, а в марте объявили о продаже нефти только по фиксированным ценам, в результате чего на переговорах, проходивших в Триполи, представители нефтекомпаний 25 марта покинули зал заседаний и убыли в Лондон. Тем не менее 2 апреля было подписано соглашение о повышении цен на нефть до 3,45 долл. за баррель. В сентябре 1971 г. на встрече представителей стран ОПЕК в Бейруте, где поднимался вопрос о национализации 20 % нефтяной продукции, представитель Ливии Джеллуд высказался за контроль над 51 % национальной нефти. 7 декабря 1971 г. Ливия национализировала собственность английской "British Petroleum" в стране.

5 февраля 1972 г. ливийская и американская стороны подписали протокол о прекращении действия всех соглашений о военном и экономическом сотрудничестве, заключенных США со свергнутым королевским режимом.

Это дало возможность вплотную заняться деятельностью американских нефтяных компаний. Были опубликованы "шесть заповедей" ливийской (а также арабской) нефтяной политики, которые гласили, что только народ является единственным обладателем права выбирать наилучший путь использования своего нефтяного богатства, определять его цену, выбирать рынки сбыта, место и сроки реализации, а также способы добычи и эксплуатации, распределения и экспорта "черного золота". За этим последовало сообщение, что 4 марта 1972 г. майор Джеллуд подписал в Москве соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в производстве и переработке нефти. По выражению некоторых наблюдателей в Триполи, это уже предвещало бурю.

И буря разразилась. 11 июня 1973 г. было объявлено о национализации "Bunker Hunt Oil Company". При этом Каддафи обрушился с резкими нападками на США, заявив: "Пришло время дать американскому задире звонкую пощечину по его самонадеянной физиономии". Возможно, именно эти слова

зацепили за живое д-ра Отто Миллера, президента и генерального директора треста "Standard Oil of California", потому что в начале июля 1973 г. он в качестве ответной меры предложил правительству США взять в свои руки развитие событий на Ближнем Востоке, иными словами, захватить силой уплывавшие из-под контроля "нефтяные реки", а вместе с ними и доходы. Крик был услышан. 8 июля 1973 г. госдепартамент США направил ноту ливийскому правительству, в которой утверждалось, что "принятые против прав и собственности иностранных граждан меры, имеющие произвольный характер или порожденные соображениями политической мести и экономического нажима, не имеют законной силы". Госдепартамент требовал, чтобы Ливия отменила декрет о национализации.

Нота, конечно, воздействия не возымела. Более того, 16 августа было объявлено, что правительство Ливии забирает контрольный пакет акций (51 % капитала) у ведущих нефтекомпаний. В руки государства перешла значительная доля средств "Occidental", "Oasis", "Continental", "Marathon" и "Amerada". 1 сентября 1973 г. то же коснулось еще семи нефтяных спрутов: "Shell", "Exxon", "Texaco", "Amoseas", "Mobil" и "Standard Oil of California".

Услышав о решении, представители "Exxon", "Mobil", "Texaco", "Amoseas", "Standard Oil of California" собрались в Нью-Йорке для принятия контрмер. Было решено не признавать действия ливийских властей по национализации акций концернов США. Они договорились также предъявить ливийскому правительству чеки, исходя из 100 % владения концессиями.

Но это никого в Триполи также не испугало. 11 февраля "Texaco", "Shell", а 30 марта 1974 г. "Esso" были полностью национализированы. Только к этому времени, к середине 1974 г., то есть через пять лет после переворота, молодые ливийские руководители, несмотря на колоссальное противодействие внешней и внутренней реакции, несмотря на угрозы и шантаж, сумели взять основное богатство страны — нефть — в свои руки. Некоторое время те, кто заправлял этим богатством, надеялись, что новое руководство не сможет реализовать его самостоятельно на внешнем рынке. Но их ждало разочарование. 25 февраля 1974 г. между правительством Ливии и Италии было заключено соглашение о закупке 30 млн. т нефти. 27 февраля 1974 г. Джеллуд убыл в Европу, где вел переговоры с правительствами ФРГ, Франции, Швейцарии и других стран о продаже нефти. 26 апреля Джеллуд подписал соглашение на продажу Испании 20 млн. т. "черного золота". 14 мая Джеллуд прибыл в Советский Союз, где в течение недели вел переговоры и подписал с

советской стороной шесть соглашений: о направлении в Ливию группы специалистов-нефтяников, об оказании помощи в организации института нефти, об изыскательских работах по строительству железных дорог, о сооружении установок по опреснению морской воды, о проектировании завода строительных конструкций, о развитии цветной металлургии.

До 1969 г. в Ливии было восемь филиалов крупнейших иностранных финансовых контор: английских— "Барклайз Бэнк" и "Бритиш Бэнк оф Мидл Ист", итальянских — "Банко ди Рома", "Банко ди Наполи", "Банко ди Сичилия", французского— "Сосьето де банк", иорданского "Араб Бэнк", египетского— "Миср". Ливийскими были только два банка — национальный и сельскохозяйственный.

В 1963 г. королевское правительство предприняло определенные меры по "ливизации" иностранных банков, но они так и не были проведены в жизнь. Сменились некоторые вывески, а господство иностранного финансового капитала осталось. Революция 1969 г. положила этому конец. В ноябре 1969 г. у четырех крупнейших иностранных банков страны был отобран "пакет" акций— 51 % их основного капитала перешел в руки нового режима. Были переименованы: "Барклайз Бэнк" в "Аль-Джумхурия Бэнк", "Банко ди Рома" — в "Аль-Умма Бэнк", "Банко ди Наполи" в "Аль-Истикляль", "Араб Бэнк" — в "Аль-Аруба Бэнк". В декабре 1970 г. были национализированы все акции коммерческих банков и ограничен размер акций ливийских граждан. Совместно с банками "Аль-Истикляль" и "Аль-Аруба" был создан национальный Коммерческий банк.

Эти мероприятия не менее важные, чем освобождение страны от иностранных военных баз и колониального экономического засилья, отличались, однако, от всех других мероприятий нового режима тем, что они уже выполняли не только внешнюю, но и внутреннюю функцию. И это придавало революционным преобразованиям качественно новую окраску.

Удар по внутренней оппозиции

Совет Революционного Командования немедленно, со стабилизацией обстановки, наметил ряд коренных внутриэкономических преобразований. Прежде всего это коснулось положения в сельском хозяйстве, которое пришло в абсолютный упадок. Кроме земель и ферм, отобранных у итальянцев и переданных в распоряжение кооперативов и народных комитетов, 20 июля 1970 г. был создан комитет по

проведению аграрной реформы и использованию заброшенных земель. Были национализированы не только собственность и земли итальянцев, но и лиц, лишенных ливийского гражданства. Все земли, угодья, дома, другая недвижимость, принадлежавшие королевской семье, министрам и крупным сановникам, перешли под контроль народа. Размер землевладения был ограничен 105 га.

Но это было не все. Новое руководство запретило заниматься коммерческой деятельностью агентствам или компаниям, если их возглавляли не ливийцы или если они не принадлежали им. Таким образом был нанесен удар по тем, кто грел руки на смешанных компаниях или кто подкармливал подставных лиц, увозя за границу награбленное. В сентябре 1969 г. СРК издал закон о запрещении посредничества, в первую очередь в отношении найма рабочей силы и аренды жилья. Одновременно была повышена зарплата низкооплачиваемым категориям трудящихся и установлены твердые цены на товары первой необходимости.

Последовала серия громких судебных процессов. 17 ноября 1971 г. Народный трибунал приговорил бывшего короля Идриса заочно к смертной казни, его жену к пяти годам тюремного заключения, ближайшего фаворита и советника Омара Шелхи — к пожизненному заключению. Крон-принц, с учетом быстрого отречения от престола и отказа от какой бы то ни было контрреволюционной деятельности, получил три года тюрьмы. Кроме них, в ноябре того же года слушалось дело бывшего министра внутренних дел Махмуда Бишти, который в числе 107 других бывших высших чиновников королевского режима обвинялся в поощрении коррупции в политической, экономической и социальной жизни и в участии в фальсификации выборов 1952–1965 гг. Были преданы гласности вопиющие факты беззакония и злоупотребления властью. Махмуд Бишти, например, признал, что премьер-министр Махмуд Мунтасер передавал ему для вручения кандидатам в депутаты парламента, подобранным правительством, 60 тыс. лив. динар на расходы по проведению предвыборной кампании. Исполнявший обязанности премьер-министра Ибрагим Ибн Шаабан (во время отъезда М. Мунтасе-ра в Англию) отдавал указания арестовывать "неугодных" кандидатов, что немедленно претворялось в жизнь. Другой обвиняемый, бывший шеф полиции Абдель Хамид Ибн Дерна, признал, что "согласно отчету тайной полиции, выборы были сфальсифицированы на 100 %".

Мероприятия, направленные на подрыв влияния иностранного капитала и бывшей местной знати, естественно,

привели их в движение. Первое, что казалось реальным, это организация контрпереворота. Для этого были прежде всего использованы "попутчики" революции из зажиточных слоев, которые не столько поддерживали лозунги и мероприятия Каддафи и его сподвижников, сколько надеялись на "новую волну", которая сулила славу и власть. Некоторые из них заняли высокие посты в новом правительстве. На них и сделали ставку. Контрпереворот возглавили министр обороны подполковник Адам Хавваз и министр внутренних дел подполковник Муса Ахмед. 7 декабря 1969 г. Совет Революционного Командования объявил, что около 30 офицеров во главе с А. Хаввазом и М. Ахмедом предприняли попытку переворота и были арестованы. Контрреволюционный путч провалился, и только тогда выяснилось, что при королевском режиме Адам Хавваз, будучи командующим войсками связи, имел контакты с двумя американскими компаниями, с которыми заключил соглашение о поставке оборудования, а после революции к нему были протянуты щупальца ЦРУ.

Позже, 8 апреля 1970 г., в речи в городе Бейда Каддафи скажет: "Попытка переворота, которой мы были шокированы, была предпринята известными лицами во имя собственной славы. Нас поразило это потому, что мы сами выдвинули этих лиц на важнейшие посты, бок о бок с нами, для работы во имя революции и в интересах народа. Эти личности, которые никогда не были членами движения "Свободных офицеров-юнионистов" использовали, однако, свое высокое положение для другого — для подготовки путча…".

Это было серьезным испытанием и в некоторой степени "холодным душем" для молодых руководителей молодого режима. События показали, что, несмотря на всенародную поддержку антимонархической революции, враги не дремали и не собирались складывать оружие. Были приняты соответствующие контрмеры. 11 декабря 1969 г. Совет Революционного Командования объявил, что любые попытки, направленные на свержение революционного режима, будут караться смертной казнью. Было объявлено также о создании военного трибунала и о том, что до принятия новой конституции всю полноту власти берет на себя СРК. Вслед за этим через месяц, 9 января 1970 г., был обнародован состав высшего исполнительного органа — правительства, которое возглавил лично Каддафи. Ходили слухи, будто бывший премьер-министр Махмуд Маграби и несколько министров арестованы и допрашиваются следственными органами. Через несколько дней, 19 января, был опубликован указ СРК о наказании лиц, погрязших в коррупции и

злоупотреблении властью.

Несмотря на то, что многие бывшие члены правительства были затем освобождены и даже остались на своих постах, среди западников в Триполи, а также в буржуазных органах прессы стали распространяться слухи, будто премьер-министр Махмуд Маграби возглавлял левое оппозиционное движение и чуть ли не был коммунистом. Позднее Каддафи лично опроверг эти измышления. В беседе с М. Бьянко, задавшей этот вопрос, ливийский лидер заявил: "Это было всего-навсего следствие отсутствия информации, что вызвало различные толки, но это не соответствовало действительности". Каддафи добавил, что еще в подполье взгляды участников движения были хорошо изучены — никаких левых или прочих течений не выделялось. Иными словами, никакого "коммунистического заговора" против нового режима не существовало и не могло быть.

24 июля 1970 г. Каддафи объявил о раскрытии "империалистического реакционного заговора", организованного бывшими королевскими сановниками в Феззане, на юге страны, при поддержке извне. В заговоре были замешаны Омар Шелхи, бывшие премьер-министры Абдель Хамид Бакуш и Хуссейн Мазик. Возглавить новое правительство, в случае успеха, должен был "черный принц" Абдалла Абид ас-Сенуси, племянник свергнутого короля. Ливийская пресса в те дни писала, что сигнала ждали 5000 наемников извне, завербованных заговорщиками. Об этом заговоре СРК узнал 4 февраля 1970 г., а 11 мая был раскрыт подпольный центр, захвачено оружие и боеприпасы. Следствие установило "причастность американского ЦРУ к доставке оружия для готовившегося переворота". Заговорщики были обезврежены и арестованы.

Раскол в СРК

В годовщину революции, 1 сентября 1970 г., Каддафи объявил о намерении добиваться следующих целей: поднятие вдвое минимума заработной платы, осуществление проектов промышленного и сельскохозяйственного развития, реорганизация административных органов, подготовка и публикация нового законодательства, отмена всех титулов и привилегий, национализация банков и нефтяных компаний, изгнание из страны итальянцев, установление твердых цен на нефть.

Последовали десятки декретов, касавшихся самых различных сторон жизни ливийского общества. Крен был взят в сторону

социальных преобразований в интересах широких народных масс, в то время как права и деятельность крупной буржуазии и феодалов начали ограничиваться.

Тут-то впервые и было испытано единство тех, кто долгие годы готовился к захвату власти, кто добился свержения монархического режима и теперь приступил к строительству новой жизни. Раньше, до переворота, "свободных офицеров" объединяли одни цели — свержение трона, устранение иностранного господства в стране. Каддафи еще тогда обосновал узконационалистическую платформу, на которой были объединены офицеры и. часть гражданских лиц, выходцы в основном из средних или беднейших социальных слоев ливийского общества. Но вот встал вопрос, что делать дальше. По какому пути направлять послереволюционное развитие Ливии, по капиталистическому или по социалистическому. Если внешнеполитическая часть платформы Каддафи (ликвидация военных баз, национализация нефтяных компаний и банков, освобождение от иностранного засилья и др.) не вызывала разногласий, то по вопросам внутренней политики, особенно по путям дальнейшего развития страны, довольно скоро появились далеко не идентичные точки зрения. Несмотря на отрицание классового подхода к проблемам, Каддафи и его сподвижники на практике столкнулись с этим, то есть с классовыми противоречиями, с интересами различных групп, различных социальных прослоек, наличие которых они категорически отвергали, но к которым и сами принадлежали.

Первыми, кто увидел угрозу своему существованию, были как раз имущие слои. Они-то и пришли в движение. Заговор А. Хавваза и М. Ахмеда было дело их рук. Путч в Феззане — тоже. Можно было предположить, что этим дело не ограничится, что недобитые монархисты и вчерашние миллионеры на этом не остановятся. Так оно и получилось.

Казалось бы, перед лицом организованных выступлений внешней и внутренней реакции вчерашним подпольщикам, ныне руководителям Ливии, надо сплотиться, усилить политическую бдительность, развернуть совместную борьбу против контрреволюции. Нет. Начались раздоры, поскольку и в самом СРК были представлены не только бедуины, но и выходцы из довольно зажиточных семей. Классовое чутье подсказывало этим, последним, что сидеть сложа руки нельзя, что это может кончиться поражением. И они пошли в новое наступление, теперь уже на политическом фронте. И первым это сделал член СРК М.Наджм, который, возглавляя специальный военный трибунал по делу А. Хавваза и М. Ахмеда, нашел, что обвинения в их адрес

не совсем обоснованы и выступил против вынесения им смертного приговора. И это не было удивительным, потому что для Наджма, выходца из богатой семьи, подполковники Хавваз и Ахмед не являлись классовыми врагами. Их настоящими противниками были и оставались как раз вчерашние бедняки и разночинцы, которые, придя к власти, стремились построить новое общество без угнетателей и угнетенных, — общество, в котором не было места ни Хаввазу, ни Ахмеду, ни другим вчерашним "сильным мира сего". Видимо, это почувствовал и Каддафи. Выступая 7 октября 1971 г. на массовом митинге в Сабрате, он заявил: "Мы знаем, что имеются люди, которые не хотят следовать за революцией. Если таких находится один, два, пять, десять или двадцать индивидуалов, то это не имеет значения. Но если таких будут сотни или тысячи человек, то следует принять меры, выяснить, в чем причина такого недоверия к СРК, к новым порядкам".

Это было только начало. Начало противоречий между теми, кто представлял богатые семьи, и теми, у кого ничего не было, кроме величайшей веры в светлое будущее страны.

Одним за другим поползли слухи о неблагополучии внутри Совета Революционного Командования. Было отмечено, например, что Каддафи нигде не появлялся с 11 сентября по 4 октября 1971 г. Многие политические обозреватели расценили это как "самоотречение" ливийского лидера с целью оказания давления на своих соратников по революции. В речи 7 октября 1971 г. в Сабрате Каддафи и сам признал, что с 11 сентября находился в "добровольной отставке". 6 апреля 1972 г. ливийское правительство, возглавлявшееся Каддафи, ушло в отставку и только через три месяца, 16 июля 1972 г. было объявлено, что формирование нового правительства поручено майору Джеллуду.

1б апреля 1973 г. в речи в Зуваре Каддафи призвал к проведению "массовой культурной революции" с целью захвата власти народом, что было расценено как призыв к борьбе против правительства, возглавляемого Джеллудом, с чем не было согласно большинство членов СРК. В ночь на 3 апреля 1974 г. все иностранные представительства в Триполи неожиданно получили письменное уведомление министерства иностранных дел о том, что Каддафи, оставаясь главой государства и главнокомандующим вооруженными силами страны, освобожден от выполнения политических, административных и протокольных обязанностей и будет заниматься только идеологическими проблемами. Все указанные функции передавались майору Джеллуду. Хотя через неделю, 14 апреля, Джеллуд и заявил ливанской газете "Ан-Нагар", что между ним и Каддафи нет

никаких противоречий и что председатель СРК ушел, так как "питает неприязнь к протокольным церемониям", ни у кого не осталось сомнений относительно очередного кризиса в СРК.

Это был самый затяжной кризис. Он длился до осени 1974 г. Внутри СРК по существу шла борьба между теми, кто хотел видеть Ливию буржуазно-парламентарной республикой, и теми, кто выступал с революционно-демократических позиций. Ни та ни другая сторона, видимо, не получила перевеса, так как не имела ни своей партии, ни массовой поддержки. По существу, объективно, это были разногласия в узкой правящей верхушке, о чем мало кто был информирован. И был достигнут компромисс, хотя, как оказалось, временный. 14 ноября 1974 г. СРК объявил о реорганизации правительства. Абдель Монейм Аль-Хуни, на которого надеялись зажиточные слои и из среды которых он вышел, занял пост министра иностранных дел (вместо ушедшего в отставку 30 апреля 1973 г. видного ливийского дипломата Мансура Кехья). Майор Омар Аль-Мохейши, критиковавший Каддафи, как утверждали многие, с позиций мелкой буржуазии, стал министром планирования и научных исследований. Премьер-министром остался Джеллуд. Сам Каддафи взял на себя в полном объеме функции главы государства.

Самый острый кризис Совет Революционного Командования испытал в августе 1975 г., когда один из близких друзей ливийского лидера, член СРК майор Омар Мохейши, предпринял неудавшуюся попытку переворота, бежал в Тунис, а затем обосновался в Египте.

Что же произошло в действительности? Наиболее полно об этом сообщил журнал "Jeune Afrique" 5 сентября 1975 г. "Конфликт, который привел к бегству Мохейши, — писал журнал, — выглядит самым серьезным за весь революционный период. Поведение триполийских властей подтвердило это мнение. Более 80 человек, большей частью военных, были арестованы. Несколько десятков танков Т-55 расположились вблизи СРК, где находится кабинет Каддафи. 18 августа Совет Революционного Командования обнародовал целую серию декретов, предусматривавших смертную казнь для тех, кто попытается свергнуть режим. Были предприняты крутые меры законодательного порядка, направленные на предотвращение создания различного рода нелегальных организаций, партий, группировок. Аналогичные наказания следовали за финансирование, поддержку или сокрытие деятельности подобных организаций, способствование их деятельности".

"С изменой Омара Мохейши, самого молодого члена СРК, — писал далее "Jeune Afrique", — Каддафи потерял одного из своих

самых давних единомышленников. Они вместе сидели за одной партой в школе, вместе вступали в ряды армии с твердым намерением превратить ее в действенный инструмент свержения монархии. Еще накануне, в начале августа, Мохейши сопровождал главу государства в Кампалу на конференцию ОАЕ в верхах, затем принимал делегацию ливанских журналистов. Впоследствии Каддафи ни одним словом не обмолвился об этом. Один из ливийских министров между тем шепнул знакомому журналисту, что ливийский лидер "очень переживает предательство своего лучшего друга". "Единственное, что может утешать полковника, — заключил "Jeune Afrique", — это насеровский прецедент: Раиса тоже "предал" маршал Амер, и он должен был расстаться со своим ближайшим помощником".

Вместе с Мохейши с политической арены ушли и другие члены СРК: Хуни, Хаввади, Герви, Наджм, Хамза. Ходили слухи, что они прямо или косвенно поддержали Мохейши.

Такте, кто совершил революцию и вместе готовил проекты будущих реформ, то есть сама руководящая верхушка движения "свободных офицеров", отрицавшая наличие классов, оказалась в водовороте социальных битв и вынуждена была выйти из политического вакуума. На нее, на эту верхушку, давили различные силы, внешние и внутренние. Параллельно с этим шли и годы созревания. Наиболее подготовленные из вчерашних подпольщиков крепли в борьбе со своими политическими и классовыми противниками и выросли в крупных деятелей государственного масштаба, пройдя серьезный путь эволюции от общего патриотизма и антиимпериализма до воззрений революционных демократов. Но не все, в том числе и те, кто руководил переворотом, оказались способными на это. Одни свернули на полпути, другие не выдержали, третьи даже изменили идеалам, во имя которых пошли на штурм трона. Но революция продолжалась.

В лице Каддафи, Джеллуда, Джабера, Харруби и Хувейлди в течение 1969–1975 гг. в СРК сформировалось ядро настырных молодых радикалов, по существу взявших на себя наибольшую ответственность за судьбу страны после свержения королевского режима 45. Такие их соратники по революции как Герви, Наджм, Хамза оказались явно неподготовленными к политической деятельности государственного масштаба и потому сначала были вынуждены подыгрывать руководящей "пятерке", а потом уйти с политической арены. Трое остальных (Мохейши, Хаввади, Хуни) пытались соперничать с Каддафи и его сторонниками в СРК, прилагали даже определенные усилия, чтобы в Ливии была установлена либерально-демократическая форма правления, но

сама эта идея для Ливии тоже была "забеганием вперед" и была отвергнута ведущими кланами страны еще в годы борьбы с колониализмом, а разработать что-то новое и предложить его для ливийских условий 1960-х годов у них не было ни таланта, ни возможностей. Ничего они не добились и тогда, когда попробовали прибегнуть к силе. Большинству офицерского состава (да и населению страны) импонировали каддафиевские лозунги отрицания как либеральной демократии, так и пролетарской диктатуры, и оно поддержало председателя СРК и возглавлявшуюся им группу радикал-националистов.

В течение первых послевоенных лет произошли существенные изменения и среди командной верхушки "этажом ниже", на которую в первую очередь опирался Каддафи и его сторонники в СРК. Именно они, вчерашние рядовые движения "Свободные офицеры", назначенные после удачного военного путча на ответственные посты в министерстве обороны и армии, были главной опорой СРК при подавлении выступлений "утесненных" ими "стариков", то есть бывших офицеров королевской армии и полиции и тех попутчиков, которые перешли на сторону революции, но поторопились вернуть утерянное положение и потерпели фиаско.

Со временем и "второй эшелон" "свободных офицеров" по разным причинам— политическим, социальным, личным — стал редеть. Если в 1969–1975 гг. ветераны движения "Свободные офицеры" были полновластными хозяевами положения, особенно в тех районах, где дислоцировались возглавлявшиеся ими воинские подразделения, то с изменением расстановки сил в СРК сузилась и группа военных "второго эшелона", имевших неограниченные полномочия. Происходило некое сращивание центральной военной элиты (группы Каддафи) только с теми командирами гарнизонов и частей, которые продемонстрировали "особую верность" руководящему ядру СРК. По существу образовалась своеобразная военная хунта, взявшая на себя многие функции государственного управления.

Если Каддафи и его окружение сумели выкристаллизовать из "второго эшелона" верных офицеров и сплотить их, то их оппоненты не смогли этого сделать, по существу действовали верхушечно, по старинке, из-за чего их выступление было быстро подавлено.

Именно офицеры "второго эшелона" стали главными исполнителями решений СРК. 0НИ обеспечивали боеспособность армии, а через нее поддерживали стабильность в стране, были главной опорой элитарной верхушки во главе с Каддафи.

Вместе с тем, по социальному составу ливийская военная

хунта так и не стала однородной. Значительная часть (70 %) были выходцами из семей средней и мелкой буржуазии, которые выдвинулись по службе либо благодаря непосредственному участию в перевороте 1969 г., либо примкнули в разное время к движению "Свободных офицеров". Около 25 % командного состава являлись представителями влиятельных семей, которые имели вес и авторитет благодаря связям с крупном ливийским и иностранным капиталами. И только некоторые офицеры (до 5 %) были подготовленными военными специалистами, теми самыми технократами, которые не вмешивались в политику, но обеспечивали боеготовность войск.

Среди руководящего составу вооруженных сил были и офицеры прозападной ориентации и правые националисты, влияние которых сказывалось при решении политических и практических вопросов строительства ливийской армии и военного сотрудничества с другими странами. Наряду с ними постепенно возражала роль офицеров, выступавших за расширение сотрудничества с СССР и странами Восточной Европы.

Военное руководство во главе с Каддафи, избрав тактику лавирования между отдельными группировками, сумело выделить из них надежное ядро, позволившее в конечном счете одержать победу над политическими соперниками. Именно в первые годы прихода к власти Каддафи успешно решил вопрос и о своем ведущем положении среди армейской элиты, что дало ему возможность вплотную заняться разработкой политической стратегии революции.

Первый этап ливийской революции (1969–1973), являясь по существу переходным, характеризовался антифеодальными и антизападными мероприятиями нового руководства. Глубокие реформы на этом этапе еще не ставились в повестку дня. Они даже не были выдвинуты в качестве одной из целей революционных преобразований.

В то же время отсутствие продуманной стратегии развития, весьма отдаленное знакомство нового руководства как с научным социализмом, так и либеральным модернизмом, и тот факт, что те или иные решения, пусть бесспорно прогрессивные, принимались на основе чисто прагматического подхода, имели и свои отрицательные стороны. В ряде случаев субъективный фактор оказывал тормозящее влияние на развитие революционных процессов в стране. Во всем этом ведущие деятели СРК увидели главное: насеровская модель, взятая ими за основу деятельности после 1969 г., исчерпывала себя. Надо было предлагать народу свой путь движения вперед.

Глава III
"Зеленая книга" М. Каддафи

"Зеленая книга" и проблема демократии

В январе 1976 г. Каддафи обнародовал первую часть написанной им "Зеленой книги", в которой попытался в концентрированной форме передать свои взгляды на "народную власть".

В небольшой по объему книге (41 страница) он прежде всего критически рассмотрел (и весьма удачно) основные атрибуты традиционной демократической системы. По его мнению, проблема управления обществом, несомненно, является основной политической загадкой, всегда стоявшей перед человечеством. Эта проблема, считает Каддафи, никогда не решалась в пользу большинства, а являлась результатом борьбы "орудий правления" за власть, то есть борьбы классов, групп, племен, партий или отдельных людей. Результатом такой борьбы всегда была победа орудия правления: отдельного человека, группы, партии или класса, и поражение народа, то есть поражение истинной демократии.

"На самом деле, — подчеркивает Каддафи, — демократия означает власть народа, а не власть тех, кто заменяет собой народ". Исходя из такой посылки, он приходит к абсолютному отрицанию парламентаризма, как атрибута власти, считая, что "парламенты стали узаконенной преградой между народом и властью, в результате чего народ оказался изолированным от проведения политики, а парламент использует власть в своих интересах, а не в интересах народа".

Каддафи отрицает также наличие классов, партийность, классовую борьбу. По его мнению, "классовый политический строй — это строй, при котором у власти стоит партия, племя или какая-нибудь община. Один класс так же господствует над обществом, как партия или племя, или же община", а это, по мнению Каддафи, антидемократично.

Каддафи выступает и против практики референдумов, которые "не представляют собой современной демократии, так как трудящиеся выражают свое мнение только одним словом: "да" или "нет", что напоминает диктаторский режим".

Взамен этого, Каддафи предложил концепцию "прямого народовластия", осуществляемую через систему народных

конгрессов и народных комитетов, являющихся, по его мнению, "единственным средством народной демократии".

По Каддафи, все население страны должно делиться на первичные народные собрания, каждое из которых избирает руководящий комитет. Несколько подобных комитетов образуют районные народные собрания. Затем члены первичных народных собраний избирают руководящие народные комитеты, заменяющие правительство в выполнении административных функций. В результате получается, что каждый член общества принимает участие в управлении народными комитетами, которые в свою очередь управляют членами общества.

Эта модель власти, по Каддафи, дает возможность осуществить принцип народного управления и народного контроля. Вместо определения "демократия — контроль народа над правительством" он ввел тезис: "демократия — народный самоконтроль".

Вторая проблема, рассматриваемая Каддафи, — законодательство. Оно, утверждает Каддафи, "не является областью изысканий. Суть законности таится в самом ее существе… Поэтому свобода путем устрашения не может быть священным законом общества". Вместе с тем, по Каддафи, "отдельному лицу надлежит выражать лишь самого себя и не более", и только на такой основе по-демократически разрешается так называемая "проблема свободы печати и личности".

"Такова, — утверждал Каддафи, — истинная демократия, с точки зрения теории. Сточки зрения практики, властвуют всегда сильнейшие. Другими словами, правит сильнейшая часть общества". Этот тезис со временем и станет основополагающим в его деятельности.

Новая "модель демократии", сформулированная Каддафи, была преподнесена лидером ливийской революции как "единственный социализм", основанный на естественных законах, предопределенных Богом, но искаженных с возникновением классового общества. В первой части "Зеленой книги" естественные законы как бы восстанавливаются автором, социализм приравнен к социальному равновесию, предшествовавшему, судя по Каддафи, капитализму. Дж. Бирман, констатируя это, заметил в каддафиевских рассуждениях "очевидные и фундаментальные различия" между его концепцией социализма и марксистским пониманием посткапиталистического общества 39, с чем нельзя не согласиться.

Как представляется, интерпретация социализма, представленная Каддафи, возникла не без влияния местных

ливийских факторов. Идиосинкретический характер "естественного социализма" Каддафи согласуется с особенностями социального развития страны. Несомненно, правы Дж. Бирман, Д. Бланди и Э. Лайсетт, Л. Харрис, Р. Ферст в том, что истоки социализма Каддафи следует искать в бедуинском племенном обществе, с его корпоративной собственностью на землю и ресурсы, где наемный труд считается чуждым явлением. Наследие бедуинского общества оказало глубокое воздействие на Каддафи, рожденного в семье полукочевника. Неизбежно ценности того уклада жизни стали частью его личной философии, и, когда он порвал с насеровской моделью, повлияли на его новую концепцию общества. "Сознавая, что его (Каддафи) режим нуждался в поддержке племен, — пишут Д. Бланди и Э. Лайсетт, — он воспринял анахроническое самосознание бедуинов и заложил его в основу своей политической теории". Эта "теория", действительно, содержит концепцию правительства и политической организации, отличающихся от капиталистической демократии и бюрократического государственного контроля. Каддафи разработал систему "непредставительной демократии", обрисовывая в общих чертах институты коллективной демократии, которую он назвал "властью народа".

В отличие от прежней модели властью формально наделяется не военный авангард в лице СРК, а институт местного ("основного") народного собрания, созываемого ежегодно, чтобы избрать секретариат из трех человек, обсудить и предоставить свои предложения на рассмотрение Всеобщего народного конгресса. С одной стороны, получается, что каждое из народных собраний является суверенным институтом и не подчиняется центральной власти, с другой — Всеобщий народный конгресс — не законодательный орган, а национальное собрание, в котором участвуют секретариаты местных народных собраний, исполнительные комитеты народных комитетов каждой области, секретариаты различных профессиональных организаций. Собираясь ежегодно, Всеобщий народный конгресс, строго говоря, не формулирует политику посредством поправок или объединения предложений, представленных местными народными собраниями. Резолюции принимаются простым большинством голосов по списку, представляемому Секретариатом Всеобщего народного конгресса.

Так, отрицая все существующие формы демократии, Каддафи по существу и в понятие "народных комитетов" закладывал видоизмененную форму диктатуры, что само по себе симптоматично. Фактически через претворение в жизнь принципа "прямой демократии", что начало осуществляться в стране с конца

1976 г., четко вырисовывалось стремление Каддафи к единоличному правлению страной. Предложенная им на основе положений "Зеленой книги" передача законодательных функций от Совета Революционного Командования Всеобщему Народному Конгрессу, во главе которого стал позже сам же Каддафи, по существу означала переход под его контроль законодательной власти. Во-вторых, преобразование министерств в секретариаты, а аппарата председателя совета министров — в Высший народный комитет, на практике было равносильно переходу в ведение ливийского лидера и исполнительной власти.

Эти и другие практические мероприятия по "передаче власти народу" привели поэтому не к установлению "истинной демократии" в стране, основы которой были декларированы в "Зеленой книге", а к усилению культа личности Каддафи и его силовых форм правления. Как правильно заметили в этой связи английские исследователи О. Фаталли и М. Пальмер, мобилизация масс с помощью общественных организаций переходила в их милитаризацию.

В этой обстановке АСС, который вроде приобретал функции ведущей общественно-политической организации в стране и направляющей силы ливийского общества, уже становился ненужным, так как вся насеровская модель явно заменялась каддафиевской. В планах Каддафи АСС отводилась роль "моста", с помощью которого он перешел на "другой берег", к режиму "народной власти". Начавший работать 6 января 1976 г. 3-й Конгресс АСС в ходе дебатов был переименован во Всеобщий Народный Конгресс (ВНК), после чего упоминание о существовании АСС перестало появляться в официальных ливийских документах.

АСС занимал важное место в формировании нового ливийского государства. Во время трансформации докапиталистического общества эта организация оказалась полезной СРК в двух аспектах. Во-первых, создание организации укрепило положение СРК внутри страны: АСС, который связывал государство с обществом, служил средством выявления общественного мнения и массовой коммуникации. Но, возможно, более важным являлось то, что АСС выступал в роли средства "создания нации". Он противостоял сильным тенденциям регионализма и фракционности, то есть был до некоторой степени механизмом национальной интеграции. Затем, выполнив свои задачи, АСС как бы растворился в модели "прямой демократии". Его функции были переданы Всеобщему народному конгрессу. Сама республиканская форма правления становилась анахронизмом. Ее дни были сочтены.

Воззрения русских радикал-революционеров и М. Каддафи: сравнительный анализ

К 1975 г. стало окончательно ясно, что взятая за основу насеровская модель управления революционным процессом с помощью политического авангарда одной, хотя и массовой организации, которой был Арабский социалистический союз, явно не подходит для ливийской действительности. Не удалось сходу претворить в жизнь и "третью теорию", объявленную ливийскими лидерами в качестве идеологической платформы революции. Эта теория была наспех сформулирована, содержала расплывчатые формулировки и требовала углубления и более тщательной проработки.

Прочитав "Зеленую книгу", без труда можно увидеть, что идеи, изложенные в ней, намного серьезнее и реальнее чем те мысли, которые мы находим в более ранних работах Каддафи. Что же повлияло на формирование этих идей? Совершенно определенно можно говорить о том, что увлечение Каддафи в 1970-х годах наследием русских радикал-революционеров не прошло даром.

Встретив определенные трудности при попытке реформирования республиканских институтов власти, ливийский лидер решил обратиться к работам, в которых еще до него было написано о создании общества, где не будет эксплуатации человека человеком. Мы имеем в виду произведения В.И.Ленина, М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Бакунин еще в XIX в. выдвинул идею уничтожения государственной машины. Идеей всей жизни Кропоткина было построение общества "равных между собою". Ленин в начале XX в. писал о создании бесклассового общества.

Речь идет о том, что ливийский лидер много взял из работ русских радикал-революционеров на свое "идеологическое вооружение". По крайней мере в их работах и в "Зеленой книге" Каддафи можно найти очень много общего. И если истоки социализма Каддафи следует искать в бедуинском племенном обществе, то причиной дальнейшей проработки и углубления "третьей теории" явилось знакомство ливийского лидера с теоретическим наследием русских радикал-революционеров.

Каддафи впервые ознакомился с основными идеями К. Маркса и Ф. Энгельса через работу Ленина "Государство и революция", которая переполнена цитатами из их трудов и ленинскими комментариями. Рассмотрим то общее, что есть в книге "Государство и революция" и воззрениях Каддафи.

Взгляды на государство. Ленин согласен с Марксом в этом вопросе и утверждает, что "государство есть орган классового

господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание "порядка", который узаконивает и упрочивает это угнетение". Каддафи, затрагивая этот вопрос, пишет о том, что победителем в борьбе за власть "всегда выходит орудие правления — отдельная личность, группа людей, партия, класс, побежденным же всегда оказывается народ". Он также подчеркивает, что "классовое общество разделено на две части: правящее меньшинство, в руках которого сосредоточены все возможности, и угнетенное управляемое большинство, у которого нет ничего" 44. Как видим, в обеих приведенных выше цитатах речь идет о том, что государство есть угнетение большинства меньшинством. И Ленин, и Каддафи считают, что это несправедливо, так как большинство населения не должно быть угнетенным, а освобождение угнетенного большинства невозможно "без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан".

Взгляды на парламентаризм. И Ленин, и Каддафи, говоря о парламентах, сходятся в том, что их необходимо уничтожить, так как они являются атрибутом власти господствующего меньшинства. В книге "Государство и революция" приводится цитата из Маркса, полностью отражающая взгляды коммунистов на парламент: "Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно служить народу". Каддафи в первой части "Зеленой книги" высказывает ту же мысль: "Парламенты стали узаконенным барьером, мешающим народу осуществлять свою власть, отстранившим массы от участия в политике и монополизировавшим их власть". Оба взгляда ставят одну и ту же проблему: парламент — орудие угнетения народа. Правда, пути решения этой проблемы Каддафи и Ленин предлагают разные, о чем будет говориться ниже.

Проблема демократии. Каддафи также, как и Ленин затрагивает проблему демократии. В первую очередь это касается осуждения капиталистической демократии. Каддафи считает, что это "диктатура в фальшивом обличье демократии", так как широкие слои населения отстранены от участия в политической жизни. А эту мысль высказал еще Ленин, утверждавший, что капиталистический "демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда останется поэтому демократизмом для меньшинства…, большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено". Именно поэтому они оба взамен этой псевдодемократии предлагают "прямую" демократию (по Каддафи) или "демократию для

гигантского большинства народа" (по Ленину). Речь идет не только о всеобщем социальном равенстве (уничтожении классов), но и об экономическом равенстве, то есть равенстве труда.

Взгляды на наемных работников. Касаясь этого вопроса, Каддафи пишет, что "наемные работники, как бы ни велик был их заработок, — это те же рабы. Наемный работник находится в полурабской зависимости от нанявшего его хозяина". Эта мысль совсем не нова, выражение "наемные рабы" по отношению к наемным работникам применял еще Ленин, сравнивая их с крепостными рабами, да и до Ленина многие использовали это определение. Для того, чтобы избавиться от такого рабства, по мнению Каддафи, нужно отменить заработную плату, освободить человека "от ее оков", что будет возвращением "к естественным правилам, определявшим эти отношения до появления классов, разных форм правления и законодательства, созданного человеком".

Каддафи выдвигает лозунг "партнеры, а не наемные работники" и говорит о том, что "нормальным положение считается тогда, когда человек производит для себя с целью удовлетворения своих потребностей, или когда вместе с другими участвует в производственном процессе, удовлетворяя через него свои потребности. Но когда один человек использует другого за плату или бесплатно, чтобы удовлетворить свои потребности, то это не что иное, как самая настоящая эксплуатация". Вся эта идея очень сильно напоминает основной принцип коммунизма "от каждого по способностям, каждому по потребностям", или по крайней мере социалистический принцип "от каждого по способностям, каждому по труду", когда "средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество предметов". Но Ленин говорит о том, что это еще не окончательное равенство, а лишь ступень на пути к нему, ведь отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше и т. д. Этого вопроса касается и Каддафи, что нагляднее всего можно увидеть во взглядах ливийского лидера на женский труд: "Женщина, которой в силу ее природы свойственны функции, отличные от функций мужчины, должна быть поставлена в иные, чем мужчина, условия… Заставлять детей выполнять работу взрослых — произвол и насилие. Заставлять женщину выполнять работу мужчины — также произвол и насилие".

В главном вопросе экономики — отношении к труду — в "третьей мировой теории" и в коммунистическом подходе налицо схожие черты, хотя сам Каддафи от этого всячески отмежевывается.

Рассмотрев взгляды Ленина и Каддафи лишь на самые основные проблемы построения справедливого общества, можно констатировать, что многие ленинские идеи дали возможность Каддафи более осмысленно подойти к решению в постмонархической Ливии насущных общественных проблем, и резонно нашли отражение в "Зеленой книге".

После знакомства с работой Ленина "Государство и революция", Каддафи не мог не заинтересоваться еще одним направлением русской философской мысли — анархизмом. Ленин, хотя и был согласен с анархистами в ряде вопросов, вел, однако, полемику с ними, и это, по-видимому, заинтересовало Каддафи. Он решил узнать идейные концепции тех, с кем спорил Ленин, из первоисточников. Поэтому по специальному заказу для Каддафи был выполнен перевод основных работ видных теоретиков анархизма— Бакунина и Кропоткина. Как известно, в этих книгах также, как и у Ленина, выдвигалась идея построения справедливого общества. Высказывалась мысль, что "среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою". Правда, путь к созданию такого общества анархисты предлагали во многом отличный от коммунистического. Оговоримся, однако, что и Ленин, и Каддафи написали свои работы после победы революции в их странах, в то время как теоретики анархизма высказывали свои мысли до этого, призывая к революции как к способу изменения общества посредством насильственных методов. Проведем сравнительный анализ.

Трактовка демократии. Выдвинутый Каддафи лозунг "демократия — народный самоконтроль" вместо тезиса "демократия — контроль народа над правительством" не был оригинальным. Эту мысль высказал еще Бакунин, считавший, что "слово "демократия" означает не что иное, как управление народом посредством народа и для народа, понимая под этим последним наименованием всю массу граждан — а в настоящее время надо прибавить и гражданок, — составляющих нацию". По существу в этой короткой, но емкой цитате как бы вырисовывается будущая "Зеленая книга" Каддафи. В этом изречении Бакунин прямо рекомендует женщинам реализовывать свои права. Эту же мысль, идею всеобщего равенства, — о равенстве прав мужчины и женщины высказывает и Каддафи в "Зеленой книге". Бакунин в работе "Международное тайное

сообщество освобождения человечества", говоря о том, что "полная свобода каждого возможна лишь при действительном равенстве всех", вполне резонно замечает, что "речь идет не о фиктивном равенстве… в правах перед законом, наряду с самым чудовищным неравенством на деле" и не об "абсурдном равенстве индивидов, которое невозможно и которое вовсе нежелательно, так как бесконечное разнообразие характеров, ума и способностей составляет, напротив, богатство человеческого рода", мысли, которую "клеветнически приписывают демократам, чтобы одержать над ними легкую победу".

Взгляд на политические системы. Каддафи, также как и Бакунин отрицает все существующие в мире политические системы, называя их "порождением борьбы за власть — между орудиями правления". Ливийский лидер подчеркивает, что победителем в этой борьбе "всегда выходит орудие правления — отдельная личность, группа людей, партия, класс, побежденным же всегда оказывается народ…". Он говорит о правящем большинстве и угнетенном меньшинстве.

О том же самом задолго до Каддафи (1870) в работе "Наука и насущное революционное дело" писал Бакунин, деля граждан всех современных ему государств на три группы: "на огромнейшее большинство массы, совсем не организованной, эксплуатируемой, но не эксплуатирующей; на довольно значительное меньшинство, обнимающее все государственные сословия, меньшинство, в разную меру эксплуатирующее и эксплуатируемое… и, наконец, на самое незначительное меньшинство чистых и совершенно сознательных и сговоренных между собою эксплуататоров-притеснителей — верховно-правительственное сословие".

Несмотря на то, что Бакунин выделяет три группы граждан, а не две, мысль та же самая: правящая элита эксплуатирует подавляющее большинство населения.

Взгляды анархизма на государство предельно просты: государство ограничивает свободу людей, а "порядок в обществе никоим образом не должен ограничивать свободу индивидов, из которых оно образуется, напротив, порядок должен вытекать из как можно большего развития и неограниченного расширения свободы", поэтому, по мнению Бакунина, нужно уничтожить государство как образование. Каддафи считает, что "государство — это искусственное политическое, экономическое, а иногда и военное устройство, никак не связанное с понятием человечества и не имеющее к нему никакого отношения". Несмотря на то, что ливийский лидер иногда называет джамахирийский строй государством, вряд ли Джамахирию можно назвать государством в полном смысле этого слова, так как любое государство

предполагает правящее меньшинство. Вместе с тем в джамахирийской системе власти применим термин "народное государство", который поначалу использовали коммунисты, однако впоследствии отказались от него, приняв критику анархизма.

Каддафи вслед за анархистами отрицает государственную власть, но не так радикально, как это делали его российские предшественники.

Понятие нации. Каддафи называет семью важнейшим рычагом гармонии внутри каждой нации. Семья, по его мнению, является основой всякой нации. Затем он выводит целую цепочку: семья — племя — нация — мир. Главной мыслью является то, что "нация — это большая семья, прошедшая путь развития от племени до совокупности племен…". Точно такую же мысль можно найти и у Бакунина, только вместо термина "племя" он использует более близкое к русским реалиям слово "община" и пишет, что "она — ни что иное как естественное расширение… семьи… рода". Причем, говоря о семье, он, разумеется, имеет в виду не юридическую семью (то есть зарегистрированный брак), а свободную взаимность людей, не отягощенную государственными рамками. Понятие "федерация", предложенное Бакуниным, также предполагает организацию жизни от семьи к общине, затем объединение общин на федеративной основе "в нации, наций в человечество". Об этом же писал и Кропоткин в своих "Записках революционера": "Возникнут также федерации общин между собою и потребительских общин с потребительскими союзами. И наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одной только страною". По существу Каддафи развил идеи Бакунина и Кропоткина, включив их в свою концепцию. Одновременно он пытался претворить федеративные концепции на практике, предлагая объединение Ливии то с Египтом, то с Тунисом, то с Марокко, а то и объединение всего арабского мира в единый союз, но, потерпев сокрушительное фиаско, с середины 1980-х годов охладел к этой идее.

Взгляд на наемных работников. Бакунин говорит "о трех формах человеческих объединений: об ассоциации рабов, об ассоциации полурабов и об ассоциации свободных людей". "Полурабами" он называет наемных работников в связи с тем, что "им нисколько не разрешено пользоваться тем, что они производят. Они трудятся для незначительного числа привилегированных, а не для самих себя, так как находятся в

положении эксплуатируемых и рабов и так как, согласно экономистам и другим либеральным публицистам, этот замаскированный вид рабства — основное условие свободы этого привилегированного меньшинства". Бакунинскую мысль развивает Каддафи: "Наемные работники, как бы ни велик был их заработок, — это те же рабы. Наемный работник находится в полурабской (заметим: у Бакунина тоже "полурабы") зависимости от нанявшего его хозяина. Более того, он временный раб, и в основе его рабства — работа, за которую он получает плату от работодателя, независимо от того, является ли работодателем частное лицо или государство".

Взамен этого Каддафи выдвигает лозунг "партнеры, а не наемные работники", о чем уже говорилось выше. Эти идея близка к идее Бакунина о кооперации. В своем фундаментальном труде "Государственность и анархия" он, в частности, писал, что "кооперация, во всех ее видах, есть, несомненно, рациональная и справедливая форма будущего производства". То же самое имел в виду и Кропоткин, когда утверждал, что члены анархического общества "не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор".

Одним из главных расхождений коммунистов и анархистов является то, что все анархисты, начиная с Прудона, являются приверженцами федерализма, а коммунисты, наоборот, называют себя "централистами" (термин Ленина). Сравним эти точки зрения. Ф. Энгельс считает, что "два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств".

Анархисты, напротив, считают помехой развитию всякую централизацию, трактуя ее как нарушение свободы. Анархизм также отрицает любое государственное законодательство, считая, что "с государством должно погибнуть все, что называется юридическим правом, всякое устройство сверху вниз путем законодательства и правительства, устройства, никогда не имевшего другой цели, кроме установления и систематизирования народного труда в пользу управляющих

классов". Не будем акцентировать внимание на том, что анархизм отрицает государство как таковое, а заострим внимание лишь на вопросе о федерализме. Бакунин, например, в работе "Революционный катехизис" утверждает, что "нация должна представлять лишь федерацию провинций, желающих добровольно к ней принадлежать; она обязана уважать автономию каждой провинции, но в то же время она вправе требовать, чтобы строй и сепаратное законодательство провинций, принадлежащих к федерации и желающих пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией, соответствовали в существенных пунктах национальному строю и законодательству".

Встает вопрос, к какой же из этих двух групп, к централистам или к федералистам, можно отнести Каддафи? (Вряд ли можно дать однозначный ответ на этот вопрос. На первый взгляд, ливийский лидер— чистой воды централист, ведь все ливийские народные комитеты объединены во Всеобщий народный конгресс. Однако, согласно "третьей мировой теории", Всеобщий народный конгресс не является законодательным органом, на нем лишь обсуждаются решения местных народных собраний, что ставит под сомнение целесообразность существования этой структуры. Вот почему в этом видится близость джамахирийской модели власти обществу, о котором писал Кропоткин, обществу, которое "будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, — из промышленных федераций для всякого рода производства… и из потребительских общин… Возникнут также федерации общин между собою и потребительских общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну…". По-видимому, разумнее говорить о близости Каддафи к федерализму, а не к централизму. Однако, прежде, чем делать такой вывод, попробуем найти причину разногласий между федералистами и централистами.

Обе рассмотренные выше позиции по-разному трактуют один и тот же вопрос. Несмотря на то, что коммунисты говорят о централизации государства, а анархисты о федерализме нации, оба подхода подчеркивают, что местное самоуправление не должно противоречить государственному (по коммунистам) или национальному (с точки зрения анархистов) законодательству. То есть причиной разногласий является вопрос закона.

Каддафи своеобразным образом решает проблему, стоящую между этими двумя точками зрения. Он предлагает свое понимание закона. Ливийский лидер говорит, что "неправомерно и недемократично поручать выработку Закона общества комитету

или парламенту. Столь же неправомерно и недемократично допустить, чтобы Закон общества изменялся отдельными лицами, комитетами или парламентами". Действительно, любая конституция, любой свод законов, если он придуман одним человеком или даже группой людей, будет не просто навязыванием своего мнения другим людям, а диктатурой и подавлением большинства населения. Именно на это обращал внимание Бакунин, говоря о подмене государственного законодательства национальным, которое будет отвечать интересам нации. Каддафи явно развивает эту анархическую идею, когда говорит о том, что "подлинным законом общества является либо обычай, либо религия".

Не рассматривая роль религии, которая, кстати, является основным источником законодательства в джамахирийском обществе, обратимся к обычаю как к "единственному и верному законодательству". Действительно, единый для всей нации обычай, будучи единственным законом, снимет вопрос противоречия местного законодательства национальному. А если закон один для всей нации, то отпадет и само разногласие между централизмом и федерализмом. Просто необходимость централизации исчезнет. Причем под обычаем понимаются веками формировавшиеся менталитет и культура той или иной нации.

Единственное, о чем не стоит забывать, — это о добровольной принадлежности провинций к нации и их готовность соблюдать этот обычай, иначе будет иметь место принуждение, что на практике мы наблюдаем повсеместно и по сей день. Не является, к сожалению, исключением и руководимая Каддафи Ливийская Джамахирия.

В истории становления и развития ливийской общественной мысли в XX в. так и не получили развития ни коммунистические, ни анархистские идеи, как и не были созданы ни партии, ни даже кружки, придерживающиеся этих взглядов. Каддафи, задумав собственную политическую модель страны, отличную от капиталистической и коммунистической, не мог не изучить то, что было до него. В работах авторов западных стран он досконально разобрал и решительно отверг те модели государственного устройства, которые называются сейчас европейской (а на американском континенте — североамериканской) демократией. Восточные азиатские модели, к которым он также обращался, тоже не вызвали у него большого интереса. И наконец, в 1970-х годах, когда ливийский лидер разочаровался в насеровской модели арабского социализма, он решил изучить еще один пласт мировой культуры, с которым

почти не был знаком, — наследие русских радикал-революционеров. Во взглядах русских радикал-революционеров он нашел то, что, по его мнению, могло быть применимо к ливийской действительности. Некоторые из их идей, как мы показали выше (решение проблемы демократии, отрицание государства, отрицание эксплуатации человека человеком и др.), он развил в своей "Зеленой книге", другие истолковал по-своему. Это и дает основание сделать вывод об определенном влиянии наследия русских радикал-революционеров на формирование мировоззрения Каддафи.

Подготовка "народовластия"

В речи на 3-м конгрессе ВНК Каддафи заявил, что Всенародный Конгресс является высшим органом государственной власти и только он решает все вопросы внешней и внутренней политики, утверждает государственные бюджеты, осуществляет контроль за деятельностью исполнительной власти.

Каддафи предложил избрать на конгрессе исполнительный орган, руководство которого "может занять только премьер-министр государства, ибо он наиболее близко связан с практическим осуществлением разрабатываемых съездом решений, постановлений, мероприятий".

По предложению М. Каддафи Генеральным секретарем Всеобщего Народного Конгресса был избран Джеллуд.

В исполнительный орган съезда вошли все бывшие секретари АСС, ставшие членами секретариата ВНК. Подчеркнув, что должность Председателя СРК, Председателя ВНК и Президента республики должна быть сосредоточена в одном человеке, Каддафи высказался против "необходимости выдвигать кандидатуру на этот пост и проводить голосование", в чем он не встретил никаких возражений.

Каддафи закрыл сессию ВНК словами: "Борьба с империализмом для нас закончена. Начинается борьба с местной буржуазией".

Последующие события показали, что заявление Каддафи не было декларативным. Оно имело практическое значение, поскольку речь шла об усилении конфронтации с имущими слоями населения. 24 марта 1976 г. в Ливии впервые отмечался День арабских рабочих. Выступая на торжествах по этому поводу, А.С. Джеллуд заявил, что "революция 1 сентября опирается на твердую поддержку и солидарность рабочих масс" и призвал трудящихся "осознать свою роль и нанести удар по заговору

против единства нации". Позднее в том же году были приняты законы о труде и гражданской службе (июль 1976), об охране труда (ноябрь), переформированы (июль) руководящие органы Всеобщей федерации рабочих профсоюзов (ВФРП), что вызвало позитивный отклик широких народных масс и недовольство имущих слоев. Это усилило социальное расслоение в стране, насторожило местную олигархию, почувствовавшую угрозу своим интересам. Даже в СРК возникли серьезные разногласия, и только 5 из 11 его членов поддержали преобразования Каддафи. Возникла угроза замены председателя СРК, и он пошел на упразднение этого основного аппарата революционной власти. Но сначала перетряске подверглась исполнительная власть. 23 октября 1976 г. была проведена реорганизация (четвертая после революции 1969 г.) правительства. Она хотя и была частичной, по существу отражала усиление политической борьбы в стране.

Каддафи в законодательном порядке был объявлен председателем СРК и Верховным главнокомандующим оружейными силами Ливии (ранее он считался только главнокомандующим).

Совет Революционного Командования своими решениями от 23 октября 1976 г. закрепил ведущее положение Каддафи, а тех членов СРК, которые сгруппировались вокруг него, поставил примерно в равное положение. С этого времени число "исторических вождей ливийской революции" сократилось до одного — Каддафи, остальных стали называть его соратниками. Начинался культ личности Каддафи.

Произведенная частичная реорганизация правительства существенно не отразилась на деятельности этого исполнительного органа власти Ливии. В состав правительства входило теперь 26 (вместо 23) министров. Большинство министров оставалось технократами-исполнителями, специалистами в определенной области, круг обязанностей которых определял не столько премьер-министр, сколько сам Каддафи. Он же их фактически и менял, и при случае сваливал на них ответственность за провалы во внутренней или внешней политике.

13-14 ноября 1976 г. во время очередной сессии Каддафи неожиданно предложил принять "Манифест об учреждении народной власти", который являлся проектом нового закона о высших органах власти в стране. "Манифест" содержал следующие положения:

1. Ливийская Арабская Республика переименовывается и Ливийскую Арабскую Народную Республику.

2. За основу законодательства принимается Коран.

3. Народная власть и народная демократия объявляются основами политического строя и осуществляются через народные собрания, народные комитеты и профсоюзы.

4. ВНК является местом встречи на общенациональном уровне представителей народных собраний, народных комитетов и профсоюзов. ВНК образует Генеральный Секретариат, отвечающий за проведение общей политики государства.

5. Генеральный Секретариат состоит из Генерального секретаря и секретарей, отвечающих за определенный участок деятельности государства. Председатель ВНК подписывает от имени Конгресса все законы.

6. ВНК избирает председателя, который руководит заседаниями Конгресса. В отсутствие председателя ВНК Генеральный секретарь ВНК временно выполняет его функции.

7. ВНК избирает Генерального секретаря и секретарей.

8. Общий бюджет страны утверждается законом. На основании этого бюджета ВНК составляет годовой бюджет страны.

9. Защита страны является обязанностью каждого ливийца и осуществляется путем всеобщей военной подготовки.

10. Вместо названия Совет Министров, премьер-министр и министры вводятся новые названия: Высший Народный Комитет (ВНКОМ), Генеральный секретарь ВНКОМ, секретарь ВНКОМ.

В случае принятия "Манифеста" устранялись Совет Революционного Командования, Арабский Социалистический Союз, должности премьер-министра и министров.

Неожиданная инициатива Каддафи вызвала Настороженность делегатов, и они отказались голосовать немедленно после объявления "Манифеста", как предложил Председатель СРК. Каддафи проявил гибкость и не стал настаивать. В результате было принято компромиссное решение не утверждать "Манифест", а "всенародно обсудить его", причем, начиная с 1 января 1977 г., и затем рассмотреть на внеочередном ВНК в марте 1977 г.

Развернувшаяся дискуссия показала, что Ливия в те месяцы переживала один из самых острых периодов внутриполитической борьбы со времен революции 1969 г. Ход событий вел к тому, что Каддафи намеревался в законодательном порядке сосредоточить в своих руках необъятную власть, что вызывало тревогу многих ливийских высокопоставленных деятелей. В своем стремлении к единоличной диктатуре Каддафи делал ставку на народное собрание как новый орган власти, что особенно пугало крупные кланы и бюрократические круги. В этом же проявлялась и определенная тенденция к перераспределению соотношения

внутриполитических сил и стремление к реорганизации системы государственного управления в соответствии с "третьей теорией". Что касается руководящего звена, то тут ливийский лидер пока проявлял гибкость, никого не трогал и даже обещал никого не устранять с политической арены. Большинству министров были обещаны те же посты, но в новом качестве — руководителей секретариатов ВНКОМ. Бывшие секретари АСС оставались в аппарате генерального секретариата ВНК (на правах заведующих отделов), а Арабский Социалистический Союз распускался. Это устраивало тех, кто находился в руководстве.

Ход обсуждения "Манифеста" на местных народных собраниях показал, что против перестройки власти выступали представители зажиточных, а также клерикальных кругов, почувствовавшие угрозу своим интересам. Горячие споры возникли и вокруг официального названия страны. Наряду с предложением о переименовании Ливии в народное (или социалистическое) государство, почти повсеместно выступали ораторы, предлагавшие либо оставить прежнее название, либо переименовать Ливию в исламскую республику.

Значительное недовольство клерикальных кругов вызвал призыв Каддафи привлечь к политическим дискуссиям, в том числе и к обсуждению "Манифеста", женщин, "независимо от того, укрыта она покрывалом или нет". Это было охарактеризовано как "вызов традициям и устоям". Каддафи предложил также создать специальную комиссию, которая бы "по-новому сформулировала на основе Корана ливийские законы и прекратила таким образом произвольное толкование его различными шарлатанами" 83. Такое заявление Каддафи вызвало особо сильную волну недовольства служителей культа и правонационалистических элементов. Отдельные реакционно настроенные лица даже пытались муссировать слухи о том, что Каддафи, якобы, готовится стать "первым секретарем центрального комитета компартии Ливии", что создавало почву для выступлений правой оппозиции.

Вместе с тем открытых выступлений против режима не наблюдалось, хотя газета "Le Monde" в номере от 21 мая 1976 г. утверждала, будто в Ливии развернули деятельность несколько подпольных организаций и даже привела их названия: "Комитет защиты общественных свобод и политзаключенных", "Комитет борьбы за конституционные права", "Национально-демократический фронт", "Организация демократической молодежи Ливии", "Партия исламского освобождения". Трудно сказать, откуда "Le Monde" взяла эти данные. Однако даже если эти группы и существовали, то их влияние и их активности не

ощущалось, что констатировали те наблюдатели, которые находились в Ливии. Внутренняя политическая оппозиция в Ливии не была Организованной, ее выступления не носили массового характера, и это предопределило успех беспрецедентного для арабов политического маневра Каддафи, сумевшего сломать республиканскую форму правления и установить непредставительную форму демократии — систему народовластия — Джамахирию, давшую ему и его ближайшему окружению возможность сконцентрировать в своих руках всю полноту власти.

На фоне этих событий произошел окончательный раскол движения "Свободных офицеров" на две неформальные фракции — сторонников Каддафи и противников его политического курса. Борьба завершилась поражением второй фракции. Каддафи, после неудачной попытки свергнуть его в августе 1975 г., установил твердый контроль в стране и в высшем военном руководстве, в результате чего он смог продолжать оставаться у руля власти.

То, что происходило в Ливии в 1969–1977 гг. было примером государственного капиталистического пути развития, напоминавшим процессы в соседнем Египте при Насере.

Вместе с тем левый радикализм, проявившийся как в теоретических взглядах Каддафи, так и в мероприятиях по их претворению в жизнь, привел к кризису республиканской формы правления, выход из которого ливийский лидер увидел в учреждении так называемой "системы народовластия" — Джамахирии.

Глава IV
Что такое "Джамахирия"?

Учреждение Джамахирии

С 28 февраля по 2 марта 1977 г. в г. Себха проходила чрезвычайная сессия Всеобщего Народного Конгресса. В сессии приняли участие 850 делегатов, представлявших все районы страны. Сессия была созвана, чтобы рассмотреть вопрос об учреждении в стране народной власти.

Открывая ее, премьер-министр Джеллуд сказал, что сессия является заключительным этапом обсуждения "Манифеста", предложенного Каддафи. "Принятие "Манифеста" — сказал он, — ознаменует начало нового этапа в развитии Ливии, который изменит не только суть власти, но ее философию, социально-политическое и экономическое развитие страны".

Было сообщено, что абсолютное большинство местных народных собраний и местных народных комитетов заявило о поддержке проекта Декларации.

Выступления делегатов показали, что подавляющее их большинство одобрило проект изменения структуры власти. Они высказались за утверждение Корана в качестве основного закона страны (вместо Конституции), а также за упразднение министерств и введение взамен них народных секретариатов.

Между делегатами возникли разногласия по поводу нового названия страны и упразднения СРК. Представители ряда местных народных собраний предложили назвать Ливию "народной" и "социалистической", однако часть делегатов настаивала на сохранении прежнего названия страны. Некоторые участники сессии предложили вместо этого образовать под председательством Каддафи другие органы ("Высший Народный Комитет" или "Высший Политический Комитет"), которые существовали бы наряду с Генеральным Секретариатом ВНК и осуществляли бы контроль за выполнением решений ВНК в перерывах между его сессиями, а также руководили бы работой народных комитетов на местах.

Многие делегаты высказывались за построение в стране "исламского социализма" на основе "создания социалистической экономики без изменения политической структуры ливийского общества". Силы, объединившиеся вокруг Союза рабочих, выдвинули предложение о принятии мер по обеспечению

социальных гарантий, закрепив это в названии страны — "социалистическая".

Ход дебатов показал, что имевшие место разногласия, хотя они касались не только названия, но и характера новой политической системы, не меняли единодушия большинства делегатов в отношении сути и главного направления изменений.

2 марта была принята Декларация об установлении в Ливии прямого народовластия. В ней, в частности, говорилось:

Первое: официальным названием Ливии считать "Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия".

Второе: Священный Коран является основой законодательства.

Третье: Прямое народовластие является основой политического строя и осуществляется через народные собрания, народные комитеты, профсоюзы, профессиональные объединения и Всеобщий народный конгресс и издаваемые ими законы.

Четвертое: Защита родины — обязанность каждого гражданина и каждой гражданки и организуется посредством всеобщей военной подготовки.

Новая Декларация фактически заменила собой конституционную декларацию 1969 г. Было объявлено о роспуске Совета революционного командования, правительства и других центральных институтов (министерств и ведомств). Вместо них создавались новые структуры, соответствовавшие "джамахирийской" системе. Так, был образован Генеральный секретариат ВНК, как орган коллективного руководства. Генеральным секретарем ВНК был избран М. Каддафи. В состав генерального секретариата вошли и четверо бывших членов СРК. Вместо правительства создавался Высший народный комитет (ВНКОМ), который возглавил бывший министр труда А.А. Обейди. Министерства были заменены народными секретариатами, во главе которых стали формироваться органы коллегиального руководства — бюро. Образованный Всеобщим Народным Конгрессом Ливии верховный исполнительный орган— Высший Народный Комитет по существу не претерпел количественных изменений по сравнению с прежним составом правительства. В него вошли 26 секретарей, бывших министров. Однако этот орган изменился качественно, изменилось и его место в системе политической власти.

Работа чрезвычайной сессии Всеобщего Народного Конгресса показала, что Каддафи не удалось добиться главного — единолично захватить власть в стране. Обсуждение вопроса о ликвидации СРК на сессии не только вылилось в единодушную поддержку членов СРК, но и угрожало срыву принятия всей

Декларации. Это вынудило Каддафи прибегнуть к маневрам на последнем этапе работы сессии. В результате СРК был трансформирован в Генеральный Секретариат ВНК, ставший высшим законодательным органом страны в перерывах между работой конгресса. Из бывших членов СРК в состав генсекретариата вошли пять: Каддафи (генеральный секретарь), премьер-министр Джеллуд, министр внутренних дел Хувейлди, главнокомандующий вооруженными силами Джабер и начальник Генерального Штаба Харруби. Об остальных членах СРК (Хамза, Хаввади, Наджм, Хуни, Герви) даже не было упомянуто.

Теперь Генсекретариату предстояло издавать законы от имени ВНК, что позволило Каддафи отвести главный упрек своих критиков в том, будто СРК принимал законы меньшинством (пятью из одиннадцати членов) и потому-де они не имели юридической силы. Своеобразная обстановка сложилась внутри руководящей верхушки. В проекте Декларации было записано, что Каддафи займет пост председателя ВНК, а Джеллуд — генерального секретаря и что генеральный секретарь возглавит исполнительную власть и будет первым заместителем (и преемником) Каддафи. Этот проект не прошел, хотя и был ранее поддержан большинством местных народных собраний. Вопрос об избрании председателя ВНК из-за резких споров был снят. Каддафи был избран генеральным секретарем, а бывшие четыре члена СРК — членами генсекретариата ВНК. В результате такого маневра Джеллуд лишился поста премьер-министра и стал только освобожденным членом генерального секретариата. Все бывшие члены СРК были снова поставлены в равное положение. Такой компромисс, на который Каддафи, видимо, пошел по тактическим соображением, устраивал его ближайшее окружение, за исключением, возможно, Джеллуда.

Образованный Всеобщим Народным Конгрессом Ливии верховный исполнительный орган — Высший Народный Комитет в иерархии власти стал теперь занимать иное место. В частности:

1. В состав ВНКОМ не вошел ни один из бывших членов СРК, в частности премьер-министр Джеллуд, министр внутренних дел Хувейлди, министр иностранных дел Хуни, что придало ВНКОМу чисто исполнительские функции, тогда как при Джеллуде правительство имело значительный вес и нередко принимало самостоятельные решения.

На пост секретаря по иностранным делам, который долгие годы формально занимал Хуни, был выдвинут Али Абдель Салам Трейки, выходец из богатой и влиятельной семьи, что давало возможность успокоить зажиточную часть населения.

2. Не вошли в высший исполнительный орган страны

представители вооруженных сил. Армия осталась в непосредственном подчинении Каддафи как Верховного главнокомандующего, Джабера как Главнокомандующего, и Харруби, который был назначен Главным инспектором вооруженных сил. Иными словами, армия сохранила свое независимое положение от высших органов законодательной и исполнительной власти.

3. Поскольку Абдель Ати Обейди не был включен в состав Генерального Секретариата Всеобщего Народного Конгресса (в него вошли только бывшие члены СРК), он сам по существу был поставлен в положение исполнителя. Это особенно ярко проявилось уже на следующий день после провозглашения Декларации, когда в переговорах с Фиделем Кастро, прибывшим в Ливию с официальным визитом, участвовали только члены генсекретариата ВНК — Каддафи, Джеллуд, Джабер.

В результате принятия Декларации об учреждении народной власти фактическим органом, определяющим всю политику страны, стал генеральный секретариат в составе пяти бывших членов СРК во главе с Каддафи.

Чрезвычайная сессия Всеобщего Национального Конгресса в Себхе продемонстрировала и другое. А именно, что Каддафи имеет в высшем законодательном органе страны определенную оппозицию. Несмотря на то, что в ходе работы сессии Каддафи принимал жесткие меры (сам вел заседания, прерывал ораторов или лишал их слова, требовал не выходить за рамки обсуждения пунктов Декларации и не высказывать личного мнения), он не добился поддержки первоначального проекта Декларации и вынужден был маневрировать, опираясь в основном на разночинную часть делегатов и представителей профсоюзов. В последний день, несмотря на давление Каддафи, конгресс отказался голосовать за Декларацию в целом, потребовав сначала избрания открытым голосованием высших органов, что привело даже к столкновению среди депутатов. В результате Каддафи пришлось пойти на уступки, согласиться с образованием генерального секретариата и сформировать Высший Народный Комитет во главе с Обейди. Значительные возражения были и против нового названия государства, однако Каддафи, выступавший в течение двух вечерних заседаний несколько раз подряд, настоял на своем. Декларация была принята со значительными изменениями, хотя в ней и были провозглашены социалистические принципы внутренней политики Ливии и антизападные установки внешнеполитического курса.

С принятием Декларации об учреждении "народной власти", в соответствии с которой был ликвидирован Совет Революционного

Командования, качественно изменилось распределение ролей в высшем эшелоне власти. Если раньше СРК имел формальное право большинством голосов избрать нового председателя, то теперь для избрания нового генерального секретаря ВНК, каким стал Каддафи, требовалось уже специальное решение Всеобщего Народного Конгресса, поскольку генеральный секретарь избирался не членами генсекретариата, а всеми делегатами ВНК, что было зафиксировано в специальном документе.

Чрезвычайная сессия ВНК придала "джамахирийской" системе на политическом уровне целостный характер. Вводившийся в нее популистский принцип "прямого народовластия" был доведен до конца как на уровне законодательной, так и на уровне исполнительной власти. При этом, в соответствии с принципами "прямого народовластия", роль лидера была как бы исключена из политической системы, поскольку "джамахирийская модель" официально отрицала государство как форму политической организации. Роль Каддафи вроде стала носить формальный характер, на самом же деле реальное идеологическое и направляющее воздействие, как и влияние лидера и других четырех бывших членов СРК (также оставивших свои административные посты) фактически возросло.

В "джамахирийской" системе не нашлось места политическим партиям, равно как и одной политической партии, которая бы играла руководящую роль в обществе. Это не было случайным, а соответствовало популистскому принципу "прямого народовластия": "партия — это современная диктатура, это современное диктаторское орудие правления, поскольку партия — это власть части над целым". Стремление перейти к полному "народному самоуправлению" логически подталкивало М. Каддафи к отрицанию роли политического авангарда, которую он стремился с определенной последовательностью отвергать как в теории, так и на практике. При этом на его позиции оказывали несомненное воздействие как опыт ряда африканских стран, где за многопартийностью скрывался трайбализм (недаром в "Зеленой книге" можно встретить утверждение, что "партия — это племя современной эпохи, партия — это клан"), так и опыт египетской революции (от образования АСС и неудачи Г.А. Насера с созданием авангардной партии до многопартийности в период правления А. Садата). В то же время определенные функции политического авангарда, в частности, идеологическую и организаторскую, особенно в периоды проведения крупных политических и социальных кампаний, стали играть "революционные комитеты", о которых речь пойдет ниже.

Суть происшедших в политической системе Ливии изменений

М. Каддафи разъяснил, выступая на массовом митинге в Триполи в марте 1977 г. Он заявил, что "на смену эпох республик пришла эпоха власти народных масс, которая впервые провозглашена в Ливии". В связи с этим, подчеркнул Каддафи, отпала необходимость иметь Совет Революционного Командования как высший законодательной орган и правительство как высший исполнительный Орган. Эти функции, утверждал Каддафи, переданы ливийскому народу. "Вы все, — сказал Каддафи, — СРК и правительство". Указывая на добровольную передачу власти в руки народа, ливийский лидер привел в пример Египет, где, по его словам, "Садат использовал полицию, армию, предателей и даже помощь западных государств для укрепления своего личного господства". Отметив серьезность шага по передаче власти в руки народа, Каддафи предупредил об опасности утраты завоеваний ливийской революции, подчеркнув: "Отныне вся власть не у меня, а у всех вас. Вы все ответственны за все, что произойдет с ливийской революцией в будущем. И если наша власть будет утрачена, то это будет означать утрату ваших материальных и духовных завоеваний, достигнутых за годы революции". На теоретическом симпозиуме, организованном в апреле 1977 г. Бенгазийским университетом, Каддафи высказался о перспективах социально-политического и экономического развития страны. Он заявил, что социально-политические преобразования будут проводиться "только в интересах масс, а не в интересах какой-либо социальной группы или определенного племени".

Каддафи высказался и о новой функции, которая должна нести ливийская армия. Это — военная подготовка всего населения страны, которое в трудную минуту вместе с армией должно выступить на защиту завоеваний революции. В связи с этой новой задачей возникла необходимость перестройки как структуры армии, так и ее руководства. В частности, была высказана мысль, что перспективами строительства, развития и использования вооруженных сил (и сил безопасности и полиции тоже) должны заниматься не специальные органы, а непосредственно Всеобщий Конгресс. По существу на этом симпозиуме Каддафи впервые посягнул на независимое положение армии, сил безопасности и полиции и их руководства, которые были не только основной опорой режима, но и основной силой, способной свергнуть его. В течение следующего десятилетия, как увидим, Каддафи будет предпринимать немало усилий для того, чтобы "поставить на свое место" военную элиту и офицерство. Он создаст в вооруженных формированиях параллельные структуры (в виде войск отпора, гвардии

Джамахирии, "шок-групп" ревкомов), но намеченную цель лидер ливийской революции так и не сумеет осуществить. Хотя принятая на чрезвычайной сессии ВНК Декларация фактически уже провозглашала замену армии "вооруженным народом", что затем было провозглашено в качестве политической задачи и лидером ливийской революции, такая программная задача оказалась далекой от своего реального воплощения. Вооруженные силы и после провозглашения "власти народных масс" продолжали играть важную роль в политической жизни ливийского общества, несмотря на то, что структурно они и "не вписались" в "джамахирийскую" систему.

Обращает на себя внимание законодательное оформление народовластия. Фактически оно было также завершено на чрезвычайной сессии ВНК.

Во-первых, принятая на ней Декларация фактически заменила собой Конституционную декларацию 1969 г. Однако сама по себе она не носила конституционного характера. Это связано с тем, что в "Зеленой книге" вообще отрицается роль конституции ("Конституция не является основным законом общества").

Во-вторых, основой законодательства в Декларации провозглашался Коран. Это дало основание некоторым историкам и политологам (например, Е.Х. Блюшо, Дж. Масону, М. Бретту, Л. Андерсон, Дж. Райту и др.) трактовать теорию и практику "джамахирийской" системы как чуть ли не целиком или, по крайней мере, в значительной мере основанной на исламских принципах. Такая трактовка представляется не совсем точной. На самом деле "Зеленая книга" сводит роль не только ислама, но и религии вообще к основе законодательства, да и то в весьма своеобразной форме: "Подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия". "Религия включает в себя обычай, а обычай есть выражение естественной жизни народов. Следовательно, религия, включающая обычай. Есть утверждение естественного закона. Законы, не базирующиеся на религии и обычае, специально создаются человеком против человека и в силу этого неправомерны, поскольку они не основываются на естественном источнике — обычае и религии". Если учесть, что первая часть "Зеленой книги" была выпущена до провозглашения Декларации о народовластии, то в таком контексте объявление Корана основой законодательства фактически открывало путь не к клерикальному законодательству и уж тем более не к фундаменталистским решениям в юридической сфере, как полагали некоторые исследователи (например, Е.Х.Блюшо, Дж. Масон), а фактически к проведению под "джамахирийскую"

систему той вольтерьянско-руссоистской трактовки роли религии, которая содержалась в цитируемом положении "Зеленой книги".

Завершение политического и законодательного оформления "джамахирийской" системы еще не означало полного сооружения ее здания, поскольку экономические отношения в стране оставались в своей основе теми же, какие существовали до провозглашения Джамахирии. Наличие в стране торговой элиты, частного национального предпринимательства в промышленности создавало базу для продолжения и возобновления деятельности оппозиции.

Это достаточно отчетливо осознавало ливийское руководство. Наряду с крутыми мерами, принимавшимися против оппозиции (в апреле 1977 г. в Бенгази были казнены участники террористических актов, осуществленных 1 сентября 1976 г.), оно разрабатывало основы коренных экономических изменений на "джамахирийских" принципах. В отличие от прежнего периода, когда идеологические концепции в основном предшествовали конкретным действиям в области политического строительства, теперь разработка идеологических принципов и их воплощение в жизнь шло более или менее параллельно. Тем более, что в экономической сфере шел сложнейший эксперимент, при котором неизбежно был и метод "проб и ошибок".

Однако, основное направление экономического развития было обозначено М. Каддафи уже на апрельском симпозиуме 1977 г. Он подчеркнул, что "третий путь" развития Ливии в экономической сфере — это сосредоточение внимания на развитии средств производства, на накоплении общественного фонда, на общественном распределении средств, на полном самообеспечении. "Мы не допустим, — заявил Каддафи, — чтобы какая-то группа обогащалась за счет других, но и не дадим возможности отдельным лицам, рабочий он или министр, стремиться к обогащению". Поскольку "массы должны работать в интересах власти народа", то забастовки, экономические диверсии, спекуляция, личная нажива за счет других были объявлены противозаконными. "Все законы, — заявил Каддафи, — будут пересмотрены в интересах рабочего человека, так как он основа производства, и он должен быть хозяином распределения общественных продуктов".

1 сентября 1977 г. в речи на праздновании 8-й годовщины ливийской революции М. Каддафи сформулировал идеи самоуправления в экономике, в соответствии с которыми предприятия должны перейти в коллективное управление тех, кто на них работает. (Этот принцип, получивший название "партнеры,

а не наемные работники", стал впоследствии краеугольным принципом второй части "Зеленой книги", посвященной экономическим проблемам).

В октябре ВНКОМ принял решение о сокращение на 15 % числа людей, занимавшихся частной торговлей. Решение одновременно предусматривало меры по созданию торговых кооперативов.

Были проведены и другие реформы по ограничению частного домовладения, национализации торговли автомашинами, радиоаппаратурой и мебелью. Это вызвало недовольство зажиточных слоев населения, особенно в местном деловом мире. Дельцы и бизнесмены, поддерживавшие ранее Каддафи в борьбе против монархии, начали исподволь выступать против "джамахирийской системы", пытаясь создать в Ливии экономические трудности, особенно с продажей предметов первой необходимости и в жилищном строительстве. Фактически проведение этих решений в жизнь вызвало бегство части торговцев за рубеж и привело к возникновению проблем со снабжением населения продовольствием и другими товарами первой необходимости еще и потому, что свертывание частной торговли не было компенсировано одновременным развертыванием сети кооперативов. В связи с этим ливийским руководством были приняты срочные меры по организации "общественных универсамов", несколько смягчивших остроту продовольственной проблемы, возникшей в стране. Параллельно с этим ВНКОМ провел мероприятия, направленные на сокращение штатов общественных учреждений с целью воплощения в жизнь задачи, сформулированной М. Каддафи по повышению удельного веса производственного сектора и увеличению количества занятых в производстве.

Через восемь месяцев после объявления в стране народовластия и введения новой государственно-политической структуры, 12 ноября 1977 г. в Триполи начала работу третья сессия Всеобщего Народного Конгресса. Ее задача состояла в том, чтобы не только подвести и оценить итоги развития страны в условиях "прямой народной демократии" и наметить очередные рубежи, но и во что бы то ни стало продемонстрировать преимущества новой формы государственно-политического устройства и ее положительное влияние на все стороны жизни ливийского общества.

Еще одним обстоятельством, обусловившим важное значение третьей сессии ВНК, было обострение внутриполитического положения, тревожившее Каддафи и его сторонников.

Секретари муниципальных народных собраний доложили о

ходе выполнения решений и резолюций второй сессии на местах, а ряд секретарей Высшего Народного Комитета и членов Генерального Секретариата дал оценку состояния дел в отдельных областях экономического, социального и культурного развития.

Некоторые секретари народных собраний докладывали, что на местах рекомендации второй сессии ВНК не выполнены. В частности, отмечали они, заморожена работа по организации системы гарантированных государственных закупок и сбыта продукции крестьянских хозяйств, по расширению сети потребительских и сбытовых кооперативов, наращиванию производственного потенциала, строительству маслобоен и предприятий по производству кормов для скота. Во многих районах дело не продвинулось дальше "разработки комплексной программы и определения района строительства предполагаемых объектов".

В числе основных причин невыполнения плановых заданий и возникновения трудностей в реализации решений и рекомендаций второй сессии ВНК назывались несовершенство и низкая эффективность управленческого аппарата, нехватка кадров и технического опыта, коррупция, противодействие осуществляемым мероприятиям со стороны частного капитала, незаинтересованность значительной части рабочих и крестьян в росте производства, а также распространение среди значительной части ливийцев иждивенческих настроений. Показательно, что с подобными оценками вынуждены были публично согласиться Каддафи и Джеллуд.

Отражением трудностей в работе управленческого аппарата служил, в частности, сам факт включения в повестку дня сессии вопросов, связанных с распределением законодательных и исполнительных полномочий, которые до марта 1977 г. были возложены на Совет Революционного Командования. В выступлениях целого ряда делегатов приводились примеры неразберихи и дезорганизации в управленческом аппарате.

Хотя формально народные комитеты и получили всю полноту власти на местах, на самом деле их работу тормозили привычки ждать указаний сверху, а также отсутствие необходимого технического и административного опыта у большинства членов народных комитетов. Поэтому на третьей сессии потребовалось принять специальное решение об ответственности народных комитетов за выполнение проектов развития на местах. Была также уточнена роль секретариатов Высшего Народного Комитета в отношении местных народных комитетов. Она — "в контроле и определении направлений работы народных комитетов.

Секретариат должен вести только ту работу, которую не в состоянии выполнять народный комитет".

Осложнения в управленческом аппарате значительно усугубили трудности в работе предприятий государственного сектора. Согласно признанию секретаря по делам нефти, "большинство из них работают не на полную мощность и нерентабельны".

Большое влияние на ход выполнения решений второй сессии ВНК и плановых заданий на 1977 г. оказало сопротивление политике ливийского руководства со стороны торговой элиты, бюрократической прослойки в государственном аппарате, племенной верхушки. Так, в своем выступлении на одном из заседаний Конгресса А. Джеллуд был вынужден признать, что "важные решения нельзя осуществить из-за того, что личные интересы некоторых граждан довлеют над государственными. Например, в 1973 г. было принято постановление о реорганизации внутренней торговли. Однако оно не встретило поддержки, особенно со стороны тех, кто держал в своих руках сферу внутренней торговли, кто до провозглашения власти народа стремился установить над ней свое полное господство".

В данном случае Джеллуд, возглавлявший административно-хозяйственную деятельность страны, пытался свалить просчеты руководства на "невидимую оппозицию", хотя оттуда раздавались и трезвые голоса.

Ход дискуссий на заседаниях третьей сессии ВНК показал, что многие делегаты выступали против привилегий какому-то одному сектору, например, государственному, и ратовали за сосуществование государственного, смешанного и частного секторов, но там, где это было народу и государству выгодно. Для ливийских условий это были довольно прагматические оценки, поскольку уже тогда было видно, что проводить социально-экономические преобразования за счет всемерного развития только государственного сектора при одновременном свертывании частной инициативы и предпринимательства было преждевременным: на одном госсекторе выйти на путь, альтернативный капитализму, было не под силу.

Так, собрание в Эд-Дафинии разделило на частные хозяйства крупную коллективную ферму Эс-Суэйхли (площадью 2100 га, 32 тыс. оливковых и 30 тыс. миндальных деревьев), так как она оказалась на грани разорения из-за "противодействия бывших хозяев, не желавших, чтобы ферма была общим достоянием и велась на коллективных началах". После разделения фермы частные хозяйства, выделившиеся из нее, быстро стали рентабельными.

Народное собрание муниципалитета Бенгази рекомендовало ВНК, по требованию торговцев, утвердить решение о создании, наряду с действующей государственной сбытовой сельскохозяйственной корпорацией, акционерной компании по сбыту овощей и фруктов. Народное собрание муниципалитета Эль-Кавариша рекомендовало преобразовать государственную мясо-молочную компанию в акционерное общество под контролем кооператива торговцев на том основании, что "ее деятельность малоэффективна, а государственные средства идут в карман отдельных лиц".

Целый ряд секретарей муниципальных народных собраний на заседаниях третьей сессии выдвинул требование о создании на местах сети филиалов Сельскохозяйственного, Промышленного и Коммерческого банков.

Выступившие в ходе дискуссии руководящие деятели Ливии, соглашаясь с существованием государственного и кооперативного секторов, ратовали за укрепление госсектора. А. Джеллуд прямо заявил: "Мы не позволим порочить государственный сектор. Те осложнения и трудности, которые повлекла за собой деятельность государственного сектора в той или другой стране, совсем необязательно должны произойти у нас". Джеллуд призвал к национализации внутренней и внешней торговли и поощрению кооперативного движения, потому что "коллективная деятельность помогает решить целый ряд проблем и прежде всего проблему увеличения производственного потенциала".

Курс на поддержку кооперации нашел свое отражение в решениях и рекомендациях третьей сессии ВНК, в числе которых было принято решение о "расширении строительства общественных торговых центров" (только в Триполи их было потом сооружено более 20).

Сравнительно новый оттенок в подходе ливийского руководства к вопросу о формах организации производства отразило признание А. Джеллудом конкуренции между компаниями, как необходимости, и его предложение наряду с государственными создавать акционерные компании. В то же время нет оснований считать, что это было проявлением отхода от ранее провозглашенного курса, хотя, несомненно, определенную роль здесь сыграл прагматизм ливийских лидеров, учитывавших давление со стороны частного капитала. Во-первых, ливийское руководство рассматривало поневоле акционерную форму предприятий как разновидность кооперативной и призвало к расширению базы собственности с тем, чтобы она "распределялась среди не 5—70 человек, а 500–600 и более человек". Во-вторых, факты говорили о том, что курс ливийского

руководства был направлен на преобразование в акционерные не государственных, а частных компаний, что было вполне оправдано с точки зрения укрепления финансовых возможностей маломощных местных фирм и мобилизации свободных денежных средств населения на нужды экономического развития. Недаром еще в 1976 г. было решено начать выполнение постановления о преобразовании частных компаний в акционерные, которые в абсолютном большинстве не имели достаточно средств, технического опыта и нередко забрасывали начатые объекты, не доводя их до конца. Иными словами, существо дела не менялось: ливийские лидеры явно стремились выйти на путь, альтернативный капитализму, только через всемерное развитие госсектора.

В числе причин неудовлетворительного положения дел в ливийской экономике и невыполнения плановых заданий на 1977 г. было и нежелание определенной части ливийцев участвовать в производительном труде, распространение среди них потребительских настроений. Это обстоятельство достаточно наглядно проявилось в ходе работы третьей сессии ВНК. Характерно, что почти все представители местных народных собраний и комитетов, выступавшие на сессии, сосредоточили свое внимание на необходимости увеличения ассигнований на жилищное строительство, медицинское обслуживание, и отчасти на повышение минимального уровня заработной платы, по существу уйдя от обсуждения проблем, связанных с ростом производства.

Разумеется, рекомендации народных собраний в социальной области в какой-то мере отражали и требования малообеспеченных слоев населения, и в первую очередь рабочих и феллахов, действительно нуждавшихся в жилье, и улучшении медицинского обслуживания, в повышении зарплаты. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что нередко с подобными требованиями, особенно в отношении жилья, выступали и представители имущих слоев, стремившихся обогатиться за счет государства. Так, на третьей сессии, например, были отмечены факты злоупотребления в распределении жилья и использовании ассигнований на социальные нужды.

Руководство оказалось в сложном положении, так как, несмотря на очевидную абсурдность ряда рекомендаций, например об увеличении ассигнований на 1978 г. до 3,5 млрд. лив. динаров (45 % объема средств, выделенных на пятилетку), оно вынуждено было согласиться на очередное повышение минимума заработной платы, хотя и оговорило, что "от этого выиграют только торговцы и предприниматели, которые не

упустят случая поднять цены на товары и услуги". Несомненно, руководство пошло на этот шаг не только под давлением обстоятельств, но и надеясь в какой-то степени успокоить брожение в "неустойчивых низах" населения и изолировать их от влияния оппозиционных сил. Очевидно, эту же цель — привлечение на свою сторону — преследовало и решение правительства об улучшении материальных условий рядового и офицерского состава Вооруженных Сил.

Эти мероприятия требовали дополнительных средств, а основным источником их поступления оставалась продажа нефти. И ливийские руководители пошли на увеличение ее добычи. Согласно заявлению секретаря по делам нефти, среднесуточная добыча нефти в стране возросла с 2,1 млн. барр. (105–107 млн. т.) в год в 1977 г. до 2,4 млн, барр. (120 млн. т.) в 1978 г. Была даже выделена дотация на разведку новых и освоение старых месторождений нефти и газа в пограничных с Алжиром районах страны и в зоне континентального шельфа у границы с Тунисом.

Уступка потребительским элементам, связывавшим свое благополучие не с ростом национального производства, а с доходами от продажи нефти заставила Каддафи выступить с политической оценкой ливийских преобразований. "Несмотря на достигнутые результаты, — заявил ливийский лидер, — Ливия остается капиталистической, а не социалистической Джамахирией". Каддафи сказал: "Ливия — капиталистическое государство в полном смысле этого слова. Все разрабатываемые нами законы служат интересам эксплуататоров, на основе которых один может эксплуатировать и грабить другого. Иными словами, в настоящее время осуществляется законный грабеж, законное высасывание крови из населения. К примеру, один имеет богатство, которое ему не положено иметь, но он получил это богатство в соответствии с законами, которые дали ему право грабить, посредничать, эксплуатировать, воровать и получать большую долю национального богатства, чем другие ливийские граждане". Поэтому, — продолжал Каддафи, — "повышение минимального уровня зарплаты не является решением проблемы, так как наемные работники, как бы не увеличивался уровень оплаты их труда, представляют собой разновидность рабов". Для ликвидации этой социальной несправедливости Каддафи выдвинул лозунг — "Компаньоны, а не наемные работники". Это был главный тезис готовившейся к изданию второй части его "Зеленой книги". "Предприятие, в котором трудится рабочий, — заявил Каддафи, — должно перейти в его собственность, что явится стимулом для развития производства. В сельском хозяйстве земледельцы должны обрабатывать выделенные им

участки в пределах своих трудовых возможностей, не прибегая к использованию наемного труда. Такое социалистическое решение вопроса гарантирует, что рабочий, его дети и внуки всегда будут обеспеченными. В настоящее же время человек может быть богатым, а его дети — бедняками, или же наоборот. Социалистическое решение вопроса гарантирует труженику богатство. От него требуется только одно— трудиться по способностям".

Ход проведенных дискуссий показал, что имелись глубокие расхождения по проблемам экономического и социального развития между руководством, с одной стороны, I! целым рядом делегатов ВНК и представителей частного и 1итала, с другой. Появилась неотложная необходимость выработать и четко сформулировать экономическую программу революции.

Разработка экономических основ "ливийского социализма"

В начале февраля 1978 г. в Ливии вышла вторая часть "Зеленой книги" Каддафи, озаглавленная "Решение экономической проблемы социализма". В теоретических разработках ливийского руководителя рассмотрены экономические основы "ливийского социализма", лишенного, по его мнению, недостатков, присущих как. капиталистической, так и социалистической системам и идущего им на смену.

В качестве главного принципа взаимоотношений между людьми в экономической сфере Каддафи выдвинул лозунг "партнеры, а не наемные работники. Разъясняя этот принцип, он подчеркнул: "Окончательное решение проблемы заключается в отмене заработной платы и освобождении человека от ее оков, возвращение к естественным правилам, определявшим эти отношения до появления классов, разных форм правления и законодательства, созданных человеком. Естественные правила являются единственным критерием, источником и отправным пунктом человеческих отношений. Естественные правила, лежащие в основе естественного социализм основанного на равенстве элементов экономического производства, обусловили приблизительно равное потребление продуктов природы людьми… Естественное правило равенства гласит: каждый элемент производства вносит свою долю в производственный процесс и изъятие одного из них делает производство невозможным… Поскольку каждый из упомянутых элементов необходим и обязателен, то есть все они равнозначные элементы производственного процесса, то каждый из них имеет равное

право на производственный продукт, и предпочтение одного из них другому противоречит естественному праву равенства и является посягательством на права другого". Другие лозунги, особо выделенные в этой части "Зеленой книги": "Потребности предлагают свободу" и "Жилище — собственность его обитателя". Первый из них трактуется в том смысле, что человек сам должен управлять своими потребностями, а не пользоваться теми, которые ему навязывают другие. Второй — это человек, живущий в доме, должен быть хозяином, а не арендатором его.

Выход в свет второй части "Зеленой книги", в которой М. Каддафи предложил свои "рецепты" освобождения "от гнета, эксплуатации и порабощения", был преподнесен общественности в качестве "экономического путеводителя" в некий новый мир, где все его обитатели "свободны, равноправны во власти, богатствах и орудии". Практическое воплощение в жизнь этих "рецептов" начало выражаться в поиске пути, альтернативного капиталистическому, но сам этот путь Каддафи понимал своеобразно. Свои "антикапиталистические" настроения он связывал в первую очередь с осуждением западного капитализма, с острой неприязнью к этому жестокому и сильному конкуренту, в зависимости от которого продолжала находиться ливийская национальная элита, но освободиться от которого она не могла без поддержки народных масс. Именно в этом, на наш взгляд, состоит демагогичность каддафиевских лозунгов и "исламского социализма", и "третьего" пути, поскольку фактически ливийский лидер не столько строил "свой" социализм, сколько создавал благоприятные условия для развития "собственного" капитализма, параллельно стремясь "излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества".

Неслучайно, что на этом поприще М. Каддафи столкнулся с множеством проблем, решение которых повлекло за собой и ошибки. Как правильно подметила наша исследовательница М.Т. Степанянц, "выдвижение принципа "равенства" в качестве средства решения всех кардинальных проблем свидетельствует о непонимание того, что подход к актуальным задачам современного общества через отрицание объективных условий и стремление "восстановить" доклассовое общество нереален и бесперспективен". Расплывчатость же тезиса о допущении частной собственности в пределах, удовлетворяющих только личные потребности, как и некоторые другие противоречивые формулировки, дали повод радикальным элементам отменить вообще частный сектор в 1981 г., что было явным "забеганием вперед", объясняемым "незрелыми классовыми отношениями",

этими объективными причинами возникновения утопического социализма, на которые указывал еще Ф. Энгельс.

Примечательно, что вторая часть "Зеленой книги", излагавшая взгляды Каддафи на экономическое развитие, появилась сначала не в Ливии, а на Западе на немецком, а затем на английском языках.

В Ливии эта книга на арабском языке была опубликована полностью 2 февраля 1978 г. С ее выходом в свет ливийские власти начали проводить активные мероприятия по претворению в жизнь взглядов ее автора. В частности:

1) были созданы специальные комиссии для учета недвижимости, владельцам которой было предложено в определенные сроки зарегистрировать свое имущество в государственных органах. В противном случае незарегистрированная часть собственности подлежала конфискации;

2) специальные органы начали выяснять размеры и источники получения частных вкладов ливийцев как в банках Ливии, так и за границей;

3) были введены ограничительные меры для частного сектора (каждая семья могла иметь не более двух лицензий на торговлю);

4) всем торговцам, не прошедшим военную службу, было предписано не позднее 1 марта 1978 г. явиться на призывные пункты для перерегистрации;

5) органы пропаганды развернули острую кампанию против "паразитов, живущих за счет ливийского народа", называя среди них землевладельцев, домохозяев, владельцев средств транспорта, торговцев, перекупщиков, посредников и спекулянтов.

Эти довольно крутые меры ливийского правительства не могли не вызвать негативной реакции зажиточной части ливийского общества. Каддафи стали называть "коммунистом", поддавшимся влиянию Москвы. Домовладельцы перестали сдавать внаем отстроенные дома или стали изыскивать возможности продавать их другим ливийцам, либо сдать в аренду иностранцам или же передать во владение своим родственникам. Крупные землевладельцы стали оформлять свои земельные участки на родственников или подставных лиц. Опасаясь проведения денежной реформы, многие ливийцы стали срочно скупать золото.

Реакция зажиточных слоев населения, конечно, стала известна руководству. Вначале февраля 1978 г., выступая перед сотрудниками Секретариата по делам сельского хозяйства, ливийский лидер заявил: "Я знаю, что взгляды, изложенные во

второй части моей "Зеленой книги" и проводимые на ее основе мероприятия, встретили сильное беспокойство у многих ливийцев. Самое печальное, что даже те, в чьих интересах это осуществляется, оказались недовольны. Но я уверен, что со временем они поймут свои заблуждения. Я же не отступлю от своей линии".

Дальнейшие шаги руководства показали, что оно, действительно, не намерено было отступать. 5 мая 1978 г. был обнародован закон об изъятии излишков недвижимости. 1 сентября 1978 г. Каддафи призвал рабочих к захвату предприятий частного и государственного секторов и к образованию там народных комитетов, что стало немедленно претворяться в жизнь. В конце 1978 г. последовал ряд мер по значительному ограничению частной торговли и по созданию сети государственных и кооперативных магазинов. Методы, с помощью которых ливийский лидер решительно добивался претворения в жизнь своей "экономической программы", вызвали естественную негативную реакцию тех недальновидных представителей имущих слоев, которые увидели в радикализме Каддафи грядущий крах национального капитализма. Но на самом деле до этого было далеко.

Проблема социального дисбаланса

После опубликования второй части "Зеленой книги" в стране обострилась борьба между сторонниками и противниками социальных преобразований. Результаты обсуждения на народных собраниях, в учреждениях, на заседаниях правительства мер против крупных собственников выявили значительное число противников нововведений. Проиграв политические сражения, противники Каддафи, видимо, надеялись не уступать в другой области, — в сфере экономики. Они видели, что там у революционного руководства не все шло гладко. Многие принятые решения и постановления оставались на бумаге, подобно уже упоминавшемуся решению второй сессии ВНК об освобождении малообеспеченных граждан от выплаты земельных ссуд и платежей за жилье. Кроме того, обстановка бесконтрольности послужила благоприятной средой для процветания коррупции, хищения государственных средств. Усилилась практика подкупа государственных чиновников и других должностных лиц со стороны как местных подрядных, так и иностранных компаний, в том числе при проведении торгов.

Это, между прочим, не скрывали представители местных

органов власти. Так, члены муниципальных народных собраний Гадамеса, Джалу, Мурзука, Ефрена и ряда других районов подчеркивали, что в этих районах не делается ничего для того, чтобы выполнить рекомендации сессий ВНК о "повышении внимания к развитию внутренних сельских районов страны". Не было, например, выполнено решение об освобождении от выплаты ипотечных ссуд и платежей за жилье граждан, чей доход составляет менее 100 лив. динаров, так как Ипотечный банк, заявив, что решения и рекомендации ВНК не имеют законодательной силы, продолжал взимать платежи на основании прежнего закона, который, кстати, никто не отменял. Это вызвало беспокойство прогрессивной общественности.

Известный ливийский обозреватель М.И. Зикри опубликовал в те дни статью в еженедельнике "Аль-Усбуа ас-Сияси", которую озаглавил "Чтобы не приостановилось осуществление социализма".

"Революция в стране, — написал он, — вступила в решающий этап борьбы за освобождение человека, ликвидацию эксплуатации и научное осуществление социальной справедливости. В этой борьбе ей бросают вызов силы контрреволюции, действующие по законам капиталистического общества, конкуренции, в традиции Маккиавели, не делая разбора в целях и средствах.

Социалистическая администрация — вот инструмент народных сил в деле защиты производства от бюрократических вывихов… А поэтому необходимо, чтобы массы имели право осуществлять народный контроль, чтобы у них всегда была возможность менять административное руководство в интересах общества. Только таким образом мы сможем фактически построить социализм средствами народной демократии и укрепить народную демократию на пути социализма…"

Статья поднимала очень важные проблемы. Пока в Ливии шла только верхушечная борьба за определение пути развития страны. Но для действительного выхода на пун., альтернативный капитализму, требовалось:

— во-первых, наличие действительно революционного авангарда, верного интересам трудящихся, способно го осуществить мобилизацию, организацию и руководство массами;

— во-вторых, понимание действительности, ибо возможность революционных преобразований в значительной степени зависело от объективной оценки ливийской специфики.

В противном случае, противники Каддафи, используя его политические ошибки, могли быстро перегруппироваться, занять руководящие позиции в народных собраниях и на всех остальных ключевых объектах. Неспроста именно в те годы госсектор

подвергался непримиримым нападкам со стороны сторонников капитализма и бюрократических элементов, по существу перешедших в контрнаступление. На практике не уменьшалась, а увеличивалась пропасть между богатыми и бедными, развивался чуждый для Ливии капитализм миллионеров, которые совсем недавно были уличными торговцами, мелкими чиновниками или вовсе никем. Их интересы вступили в противоречие с объявленным социалистическим курсом и чаяниями масс.

Призывы и доводы прогрессивной части общественности возымели действие. 5 мая 1978 г. был обнародован закон № 4 об отчуждении излишков недвижимости, а 13 мая опубликована инструкция по его претворению в жизнь.

В статье 1 этой инструкции говорилось: "Все лица, на которых распространяется действие вышепоименованного закона, предоставляют в компетентный комитет отчет, который должен включать следующие данные:

1) число принадлежащих недвижимых владений с указанием их площади и сведений о расположении каждого из них;

2) имена съемщиков, их подданство и цель, с которой арендуется недвижимость;

3) декларацию о собственности жены и несовершеннолетних детей;

4) число детей, заявление о намерении передать недвижимость во владение тем из них, кто удовлетворяет соответствующим условиям, а также данные о том, какая недвижимость определена к передаче;

5) сведения о том, какую недвижимость данное лицо выбрало для собственного проживания".

На предоставление отчета давалось два месяца. В каждом муниципальном округе были созданы комитеты по вопросам учета, включавшие представителей секретариатов по делам юстиции, жилищного строительства и муниципалитетов, в компетенцию которых входило получение и проверка отчетов владельцев недвижимости.

Были также созданы комитеты по вопросам передачи во владение, в которые вошли представители секретариатов социальных дел и жилищного строительства, а также секретариата по делам муниципалитетов. Комитеты приступили к оценке недвижимости и осуществлению мероприятий по ее передаче новым владельцам. Решения комитетов подлежали утверждению Высшим комитетом, созданным для претворения в жизнь закона № 4.

Эти решения вызвали резкий протест имущих слоев населения. Некоторые хозяева закрывали лавки, даже сжигали

усадьбы, отказывались давать какие бы ни было сведения о своих капиталах. Но руководство продолжало свое явное "забегание вперед".

1 сентября 1978 г. на массовом митинге по случаю 9-й годовщины революции Каддафи обратился к трудящимся с призывом "захватывать" предприятия государственного и частного секторов и создавать там народные комитеты. Началась еще одна кампания, взбудоражившая страну. К ней добавились многочисленные заявления Каддафи и Джеллуда о намерениях свернуть частный сектор, установить государственную монополию на внешнюю и внутреннюю торговлю, перетрясти госаппарат, где снова, как в былые времена, дала о себе знать коррупция.

Выступая на митинге 7 октября 1978 г., Каддафи заявил, что "захват предприятий, осуществляемый по принципу "партнеры в труде, а не наемные рабочие", позволит извлечь выгоду всему народу и укрепит общественную собственность на средства производства и производственные мощности".

В интервью газете "Аль-Ард" ("Земля"), издаваемой профсоюзом работников сельского хозяйства, Каддафи заявил, что "опора на импорт продовольствия из-за рубежа и отказ от создания сельскохозяйственных проектов — это реакционная теория, оказывающая серьезное разрушительное воздействие на страну". "Необходимо работать и заниматься производством вне зависимости от доходов и потерь… Эта проблема, — добавил он, — является одним из этапов исторических преобразований".

В такой обстановке была проведена в декабре 1978 г. 4-я сессия Всеобщего Народного Конгресса, обсудившая широкий круг экономических вопросов.

Выступивший на сессии Абдель Салам Джеллуд признал, что Ливии приходится увеличивать добычу нефти для строительства производственных мощностей, однако этому мешает растущий административный бюджет. "Очень неразумно, — сказал Джеллуд, — что в стране с населением чуть больше 2 млн. чел., административный бюджет составляет 770 млн. лив. дин. В 1978 г. сообщил он, — численность административного аппарата достигла рекордной цифры—185 тыс. человек, в том числе: 22 тыс. чел. в госкорпорациях, 32 тыс. чел. в муниципалитетах, 121 тыс. чел. в секретариатах и 10 тыс. чел. в других организациях". Исключенный из сферы производства, административный аппарат, составивший 40 % самодеятельного населения страны, явился основным тормозом осуществления многих экономических преобразований.

"Если упорядочить капиталовложения, — заявил Джеллуд, —

пересмотреть банковскую систему, жилищные и социально-бытовые проекты и взять их выполнение под жесткий контроль, то можно найти другой путь финансирования, помимо непосредственного через государственный бюджет, как это вошло в практику. В этом случае можно было бы рациональнее использовать доходы от нефти, а пока 50 % всех капиталовложений идет на услуги и производственные объекты".

Джеллуда поддержал Каддафи: "Перед нами два пути: либо продолжить курс на увековечивание иждивенчества, либо взять курс на создание мощной промышленно-сельскохозяйственной базы и крупных производственных объектов, доходы от которых могли бы заменить доходы от нефти".

Каддафи заявил далее, что увеличение административного аппарата связано и с другим злом — с экономическими преступлениями. Он потребовал наказания лиц, наносящих ущерб национальной экономике, что, как ни странно, вызвало дебаты. Председатель народного собрания провинции Мисурата, например, потребовал, наоборот, положить конец санкциям по отношению к торговцам и служащим, на что Каддафи, заявив, что это не отвечает характеру экономических преобразований, добавил, что революция не может пойти на одобрение коррупции и расточительства. "Экономические преступления, — сказал Каддафи, — включают преднамеренный саботаж государственных учреждений, нанесение умышленного финансового ущерба, растрату государственных денег и экспорт капитала за границу. Поэтому борьба с контрабандой должна стать обязанностью каждого гражданина Ливии. У контрабандистов должна гореть земля под ногами, их необходимо преследовать, арестовывать и конфисковывать контрабандные товары".

Предложения о наказаниях за экономические преступления были переданы Секретариату по делам юстиции для разработки проекта закона, что и было сделано.

Обсуждение бюджета и хода выполнения пятилетнего плана на четвертой сессии ВНК показали, что революционные лидеры страны имеют в экономической сфере значительную оппозицию, бороться с которой не так-то легко. Социально-экономическая встряска, которой подвергли страну ее молодые руководители, конечно, дала о себе знать. Наметился явный разрыв между планами и действительностью, а на это словно не обращали внимания, что Каддафи признает только позже на втором слете ревкомов в октябре 1979 г., где заявит, что многие проекты первой пятилетки остались на бумаге, в чем он обвинит "буржуазные" элементы.

Ливийская экономическая элита понимала, что молодые

лидеры страны вступили в сражение именно с ними, выросшими и окрепшими при королевском режиме, и поэтому настороженно следила за ходом преобразований в стране.

Объективно говоря, в послереволюционный период в деловом мире Ливии значительных изменений не произошло. Умело воспользовавшись стремлением новых руководителей к экономической независимости и мерами по ограничению деятельности иностранных компаний, ливийские предприниматели не только не опустили руки, но и сумели значительно перераспределить свои капиталы так, что они были мало заметны на фоне возросших доходов государства от продажи нефти.

На 1 июня 1979 г. в стране насчитывалось около 40 тыс. торговцев, в том числе сотни мелких предпринимателей, причислять которых к среднему классу можно было только условно. Возросшая покупательная способность населения, недостаточный правительственный контроль за ценами на внутреннем рынке позволили им получать высокие прибыли. Попытки же руководства вмешаться в сферу торговли натолкнулись на отпор, выражавшийся в форме саботажа, искусственного создания нехватки товаров первой необходимости и т. п.

Те, кто осуждал радикализм ревкомов, держали в своих руках многие рычаги экономики. Они, например, имели решающее слово в Торгово-промышленных палатах Триполи и Бенгази. По закону эти палаты являлись городскими, однако их деятельность распространялась на всю территорию страны. Задачей палат было участие в осуществление сотрудничества между государственным и частным секторами и достижение целей экономического развития. Роль обеих палат была неравнозначной. Если в Триполи деятельность Торгово-промышленной палаты находилась под контролем Секретариата по делам экономики, то в Бенгази торговая палата имела больше свободы и практически являлась организатором всей коммерческой деятельности в районе Киренаики.

Практически торговые палаты представляли интересы крупной торговой элиты и долгое время определяли внешнюю торговлю страны. Механизм их деятельности был сравнительно несложен. Установив контакты с представителями иностранных компаний, торговые палаты, а чаще их доверенные лица, гарантировали заключение контрактов с госкомпаниями при условии получения за посредничество комиссионных. Как правило, в этом случае размер комиссионных складывался за счет повышения цен на закупаемые товары. О таких негативных

сторонах деятельности палат, конечно, было известно руководству, но до их реорганизации никак не доходили руки.

Окончательная точка была поставлена лишь в 1978–1979 гг. после проведения кампании "захватов". Этим был нанесен удар и по торговой мафии. Однако, поспешные и неподготовленные, эти шаги создали большие трудности, так как привели к быстрому свертыванию частного предпринимательства в момент, когда государственные компании еще только создавались. К концу 1979 г. революционное руководство было вынуждено вернуть на предприятия и в магазины многих бывших владельцев с целью "восстановления положения", что свидетельствовало об отсутствии действительной альтернативы капиталистическому пути у ливийских радикалов.

В послереволюционные годы возникла и еще одна новая прослойка — так называемая "административная элита", поскольку формирование новой власти сопровождалось скорее не ломкой, а разбуханием управленческого аппарата. К началу 1979 г. в административном звене, например, насчитывалось около 140 тыс. служащих всех категорий. Такой рост был связан не столько с действительными административно-управленческими нуждами, сколько со стремлением некоторых руководителей расширить свое влияние в управленческом аппарате за счет "своих" людей. Это дало возможность многим представителям богатых семей занять важные посты. Объективные требования о подборе кадров, обладающих, помимо лояльности режиму, еще и профессиональными качествами, особенно в областях, требующих высшего технического образования, вынуждали революционное руководство выдвигать на ведущие посты в управлении экономикой представителей крупного капитала. Отсюда, как следствие, сохранялась традиционная связь с западным миром и старые "внутренние" болезни — взяточничество, подкуп, продажность, что "прилипло" и к новому административному аппарату. Даже молодые кадры быстро заразились коррупцией, и она стала бедствием "народного государства". В мае 1979 г. Генсекретариат ВНК опубликовал специальный "Закон об экономических преступлениях", направленный на борьбу с коррупцией в административных аппаратах. Однако, несмотря на строгие меры наказания, предусмотренные законом, достигнуть сколько-нибудь заметного успеха в борьбе с этим злом не удалось. Не помогли и часто проводившиеся чистки и изменения в среднем и низшем управленческих звеньях, поскольку истинным виновником беды оставались иностранные и местные частные компании, развращавшие денежными подачками аппарат секретариатов и

народных комитетов.

Несмотря на значительные социально-экономические преобразования в интересах широких народных масс, революционное руководство так и не смогло разрушить сложившиеся экономические связи. Местная элита сумела быстро сориентироваться и перестроиться и продолжала препятствовать развитию страны по некапиталистическому пути. Легкость, с которой наживали колоссальные состояния посредники и маклеры при королевском режиме, поражали воображение. Но коррупция оставалась в Ливии и через 10 лет революции, хотя с ней пытались бороться всеми доступными способами. Пережитки старого, не уничтоженные революцией, не могли не сказаться и на осуществлении планов развития, выполнявшихся в основном на 70–80 % (хотя при этом надо оговориться, что цифры плана были изначально завышенными).

В этой обстановке надо было принимать срочные меры по расширению политической и социальной опоры режима, официально считавшегося "народным". Этому во многом способствовало бы создание революционной партии, которая возглавила бы процесс перемен, но ливийское руководство отвергало партийность. И возникла идея образовать повсеместно "органы революционного насилия" — ревкомы, как структуру, призванную решить проблему соотношения классовых сил в пользу новой власти, а фактически ставшую основным "стражем революции".

Создание революционных комитетов

Первые революционные комитеты (ревкомы) начали создаваться в Ливии еще в 1976 г., но массовое их возникновение относится к 1977–1978 гг., когда в стране явно обострилась внутриполитическая обстановка. На первом съезде молодых революционеров в 1979 г. ревкомы были объявлены "побудителями масс" и "контролерами революции". Они формировались в основном из молодых людей, "доказавших на деле" свою приверженность идеалам Джамахирии.

Вслед за опубликованием Генеральным секретариатом ВНК в мае 1978 г. решений народных собраний о бескомпенсационной национализации земельной и жилищной собственности, еще только начинавшие функционировать революционные комитеты выступили инициаторами выявления "предателей народа". Так, ревкомы Бенгази приняли решение обсудить на народных собраниях списки следующих категорий ливийцев: богатых семей, нажившихся за годы революции на эксплуатации чужого труда; полицейских, "не оправдавших доверия народных масс и использующих служебное положение в личных целях"; всех лиц, замеченных в употреблении спиртного, наркотиков, изготовлении фальшивых денег и документов.

Члены генсекретарита ВНК провели ряд встреч с руководителями местных ревкомов и дали им неограниченную власть в борьбе с внутренней реакцией. Они, в частности, рекомендовали обратиться к трудящимся с призывом "захватить административные посты в частном и государственном секторах с целью ликвидации эксплуататоров и бюрократов". Ливийский лидер стал часто встречаться со студентами, шейхами племен и интеллигенцией, объясняя им цели "социалистических преобразований" в Ливии, изложенных во второй части "Зеленой книги".

Каддафи и Харруби посетили Бенгази и другие крупнейшие города восточной части страны, где ливийский лидер выступал перед представителями профсоюзных и молодежных организаций, проводил совещания руководителей народных и революционных комитетов, старейшин племен. Аналогичную работу в Триполи и пригородах столицы проводил Джеллуд. В целом по стране изъятие излишков недвижимости до середины мая не вызвало резкого обострения обстановки. Однако в течение 18–20 мая 1978 г. появились первые тревожные признаки. Днем 18 мая в центре Триполи, на главпочтамте, произошло два

взрыва. 19 мая взорвалась бомба в помещении таможни международного аэропорта. В результате с 20 мая власти приняли экстренные меры. На дорогах и автострадах стали проверяться все автомашины. Были усилены патрулирование улиц столицы и охрана госучреждений и иностранных представительств.

В те тревожные дни борьба с оппозицией шла не только путем принятия репрессивных мер, но и путем разъяснения общественному мнению смысла преобразований. Так, 5 июня 1978 г. еженедельник "Аль-Усбуа ас-Сияси" ("Политическая неделя") опубликовал редакционную статью под заголовком "Бюрократия", в которой управленческий аппарат был назван вершиной административной и производственной пирамиды в эксплуататорском обществе, который "купается в роскоши и занимается произволом". "Сознательная народная революция должна положить конец контролю бюрократии над администрацией на высших и исполнительных уровнях, ибо она подлинный "враг революции", так как он "боится демократического движения из опасения за свои привилегии и потому вступает в союз с контрреволюцией". Еженедельник призвал трудящихся овладевать средствами производства и управления с помощью организованной и сознательной народной революции", что, по его мнению, "является одним из основных условий перехода к социализму".

Статья была важной в том плане, что она взывала к социально-политической активности масс, но эта активность проявлялась слабо.

14 июня Каддафи выступил перед "инструкторами по политической ориентации" с лекцией на тему "Новое социалистическое общество положит конец эксплуатации", в которой признал, что в ливийском обществе существует "свободная и эксплуататорская экономическая деятельность". "В новом социалистическом обществе эта трудная проблема будет решена, и не останется никакого оправдания для эксплуатации человека человеком. С ней будет покончено", — утверждал он.

Как видим, Каддафи отчетливо понимал расстановку сил в стране, но он эклектически смешивал интересы различных социальных групп, и, видимо, в этом крылась основная причина внутриполитической напряженности.

По поводу создавшейся с те дни обстановки известная журналистка Фаузия Шаляби написала памфлет под заголовком "Для чего это нужно ливийским "правым"?", который был опубликован 19 июня в еженедельнике "Аль-Усбуа ас-Сияси" ("Политическая неделя"). По мнению журналистки, действия

правых сил в 1978 г. отличаются от прежних выступлений в двух аспектах:

Во-первых, потому, что революция переживает период важного исторического поворота, который зависит от того, будут ли успешно претворены в жизнь политические, экономические и социальные установки, нацеленные напрямую и беспощадную борьбу с эксплуататорской действительностью и отсталостью через открытое провозглашение борьбы между силами бедных, обездоленных и угнетаемых и силами господствующих эксплуататорских по своей природе богатых слоев.

Во-вторых, налицо перегруппировка сил среди неорганизованной внутри страны оппозиции, которая решила выждать, не выступать открыто против Каддафи, а использовать в борьбе с ним его же ошибки.

"Преследуется цель, писала журналистка, — породить недоверие к способности сознательных сил революции нести ответственность на всех уровнях борьбы".

В разгар этих событий были опубликованы решения Высшего Народного Комитета о создании во всех 44 административных единицах, на которые была разделена территория страны, специальных комитетов по отчуждению излишков недвижимой частной собственности Их деятельность возглавил Высший комитет. Развернулась кампания по регистрации собственности. Владелец мог оставить себе только один дом, один магазин и один участок земли. Остальная собственность реквизировалась "в пользу народа".

Отчуждение проводилось при участии местных народных комитетов, сил безопасности и полиции. Эти меры вызвали еще большую активизацию оппозиционных сил. В некоторых городах страны произошли взрывы, наблюдались случаи поджогов домов и посевов, нападений на представителей власти, но это были только одиночные попытки продемонстрировать недовольство, а не организованные выступления. Оппозиция оказалась слишком слабой, чтобы выступить открыто.

Констатируя произошедший перелом в пользу патриотических сил, следует отметить, что Ливия делала только первые шаги, выбирая собственный путь развития. Поэтому правонационалистические и религиозно-мусульманские круги, временно отступив, не оставляли надежды перегруппироваться и еще активнее включиться в борьбу против революционного режима.

Сначала сентября 1978 г. в Ливии развернулась еще дна кампания — по преобразованию государственных и частных фирм в так называемые народные предприятия через передачу средств

производства и управления "непосредственно в руки рабочих и служащих".

Сигналом к началу кампании послужило выступление Каддафи на митинге, посвященном празднованию девятой годовщины сентябрьской революции, на котором он призвал ливийских рабочих "захватить заводы и предприятия, ликвидировать существующую администрацию, бюрократическую — в государственном и эксплуататорскую — в частных секторах, создавать на ее месте народную администрацию из рабочих, брать управление производством в свои руки".

Кампания развернулась под лозунгом "Партнеры, а не наемные работники". Под ним подразумевалась ликвидация капиталистических отношений и основ эксплуатации в сфере производства путем уничтожения системы наемного труда, заработной платы, перехода средств производства в руки непосредственных производителей и превращение их в равноправных участников производства. Намеченный переворот рассматривался как необходимое условие и база для осуществления "всеобъемлющей экономической революции".

Несмотря на то, что передача средств производства и управления осуществлялась в форме их захвата рабочими и служащими, выступления масс контролировались и регулировались революционными комитетами и государственными органами. Кампания в целом носила организованный и направленный характер. Ежедневно в прессе публиковался список предприятий, которые были захвачены. К15 октября 1978 г., например, под контроль рабочих и служащих перешло 320 государственных, смешанных и частных фирм, в том числе общенационального значения, таких как "национальная компания развития", "государственная компания металлургической промышленности", "компания гражданского и военного строительства", текстильный комбинат в г. Джанзур, цементные заводы в Бенгази, Хомсе и Сук-эль-Хамисе, завод электрокабеля в Бенгази, ряд компаний по освоению и мелиорации земель и др.

На всех захваченных предприятиях началась перестройка организационно-управленческой структуры и системы оплаты труда. Прежняя администрация отстранялась и вместо нее создавались выборные органы самоуправления. "Если предприятие находится в частной собственности, его бывший хозяин превращается в рабочего, полноправного участника производства, наравне с другими рабочими, и на этом прекращается его существование как работодателя или управляющего производством". Так разъяснила смысл

перестройки газета "Аль-Мунтиджун" ("Производители"), которая начала издаваться с 1 сентября 1978 г.

Кампания по передаче управления производственными предприятиями в руки народных рабочих комитетов, начатая с 1 сентября 1978 г., сопровождалась многочисленными сложностями. Многие практические вопросы, связанные с деятельностью народных предприятий, оказались не проработанными на местах, никто не знал функций новых административных органов на предприятиях, порядка, их взаимоотношений с техническими, коммерческими и хозяйственными службами, с одной стороны, и с владельцами "захваченных" частных предприятий и компаний, с другой. Не была выработана организационная структура народных предприятий на отраслевом уровне, тем не менее, в каждой из отраслей (промышленность, подрядное строительство, торговля, услуги и туризм) были созданы отраслевые собрания (конференции) в составе председателей народных рабочих комитетов предприятий, представителей технических служб и профсоюзов отрасли, союза производителей, консультантов.

События, происходившие в Ливии в 1978 г., свидетельствовали о том, что руководство страны, несмотря на серьезные экономические трудности и напряженную внутриполитическую обстановку, пыталось претворить в жизнь программные положения и лозунги, выдвинутые во второй части "Зеленой книги" Каддафи и предусматривавшие преобразование социально-экономической структуры ливийского общества в соответствии с принципами народовластия, но оно испытывало в этом немалые трудности, что влекло за собой политические просчеты.

Издав в мае 1978 г. закон № 4 об изъятии излишков частной собственности и положив тем самым начало наступлению на позиции влиятельной прослойки домовладельцев под лозунгом "Жилище тому, кто в нем живет", и затем, призвав рабочих к захвату частных предприятий, лидеры революции по существу взяли курс на экспроприацию бывших владельцев в сфере производства и перестройку государственного аппарата, но в этом они явно торопились.

Характерной особенностью проводимой кампании по превращению "наемных работников в партнеров" было и то, что она не распространялась и не распространяется на иностранных рабочих. Если учесть, что иностранцы составляли свыше 1/3 рабочей силы в стране, а в сфере физического труда более 50 %, то нельзя было исключать возможности проникновения на так называемые народные предприятия новой элиты —

паразитической прослойки— "рантье", живущей за счет эксплуатации иностранной рабочей силы. Симптоматично, что решение о создании народных предприятий не было проведено через Всеобщий народный конгресс или Высший народный комитет, а было преподнесено как "свободное волеизъявление масс", что противоречило каддафиевской теории о демократии.

7 октября 1978 г., выступая на массовом митинге, Каддафи заявил, что уход итальянцев означал лишь ликвидацию эксплуатации ливийцев итальянцами, но давал возможность богатым ливийцам эксплуатировать бедных граждан своей страны. "С этим, — утверждал Каддафи, — было покончено только тогда, когда рабочие СНЛАД начали наступление на производство, когда выяснилось на деле, что они по-прежнему порабощены, эксплуатируются другими гражданами, ущемлены в правах, несвободны и унижаются работодателями". Каддафи сказал, что "революция должна дать полную свободу трудящимся", которые, осуществив захват предприятий, как общественных, так и частных, станут "не лицами наемного труда, а партнерами"…

"Захват предприятий, — объявил Каддафи, — дело необходимое для достижения полной свободы ливийской родины. Не должно остаться ни одного ливийца, который эксплуатировал бы другого ливийца". Хозяевам и работодателям Каддафи обещал выплатить денежную компенсацию, так как "мы живем в эпоху организованной революции, а не в эпоху анархии и грабежа", — добавил он.

Наряду с "захватом" предприятий и фирм продолжалось отчуждение излишков недвижимости. Созданные во всех провинциях специальные комитеты к концу 1978 г. изъяли и начали перераспределять жилой фонд, принадлежавший частным компаниям и государственным организациям. За год удалось перераспределить почти все излишки частного жилого фонда, арендуемого ливийскими и иностранными гражданами. При этом была снижена арендная плата. Поощрялось приобретение домов в личную собственность на льготных условиях с рассрочкой платежей.

Эти популистские мероприятия поддерживались широкими народными массами, мелкими торговцами и лавочниками, армией, но вызвали и большую тревогу определенной части крупной и средней буржуазии, напуганной размахом и темпами проведения реформ. Лица, имевшие вклады в иностранных банках, стремились выехать за границу. Другие пытались различными способами противодействовать политике правительства. Предпринимались, например, попытки изъять

капиталы из обращения. Торговцы начали укрывать товары. Создаваемые таким образом трудности усугублялись неумением народных комитетов управлять захваченными предприятиями и фирмами, [в силу чего они работали не на полную мощность или вовсе простаивали. В портах Ливии скопилось большое число судов с товарами в адреса частных фирм и компаний, которые отказывались их получать из-за распространившихся слухов о намерении правительства национализировать эти грузы. В ряде случаев фирмы переадресовывали эти суда в третьи страны, что рассматривалось властями как один из видов экономического саботажа.

Что касается ревкомов, то в их действиях, носивших, несомненно, радикальный характер и направленных на развитие ливийской революции, нередко наблюдались перегибы, волюнтаризм и многое другое, что, возможно, было вызвано отсутствием опыта.

Обстановка в 1977–1978 гг., когда проходила революционная ломка традиционных республиканских институтов в стране с неразвитой социально-политической структурой и остатками феодализма, конечно, была неспокойной. Молодые лидеры выработали политическую стратегию и контурно наметили тактику действий, но, видимо, слабо представляли, во что это может вылиться на практике. Между тем, это была борьба за будущее Ливии.

В октябре 1978 г. было решено провести очередную сессию ВНК. Повестка дня включала 15 пунктов, касавшихся внутренней и внешней политики страны. После бурных дебатов на сессии было объявлено о создании высших народных комитетов по отраслевому принципу. Соответственно на местах были образованы народные комитеты по вопросам обучения, здравоохранения, жилищного строительства, сельского хозяйства и пр.

Руководители (секретари) высших отраслевых народных комитетов вошли в общегосударственный высший народный комитет (ВНКОМ) — правительство страны.

Во время работы сессии ВНК Каддафи коснулся полномочий Генсекретариата, которые раньше принадлежали СРК. Он заметил, что "только народ, а не этот орган несет ответственность за все". "В Генсекретариате, — сказал Каддафи, — будет создана группа для хранения дел, созыва заседаний Всеобщего народного комитета и контроля за выполнением решений. Однако, у него не будет никакой власти".

Это был первый намек на то, что предстоит еще одна реорганизация власти. Намек, на который уже тогда обратили

внимание те, кто внимательно следил за развитием обстановки в стране.

Каддафи призвал местные народные собрания обсудить вопрос о роли генерального секретариата ВНК как органа власти в обстановке усиления активности революционных комитетов, которые, по мнению ливийского лидера, "в новой ситуации должны вести за собой массы в осуществлении власти".

В декабре 1978 г. — январе 1979 г. в Ливии были проведены слеты активистов ревкомов, в ходе которых руководящие деятели страны разъясняли суть социально-экономических преобразований, роль ревкомов в повышении революционной активности масс и в борьбе с контрреволюцией. Были приняты меры по "чистке" госаппарата и переизбранию тех народных комитетов, которые не проявили себя в "революционном порыве масс". Эта кампания была приурочена к февралю 1979 г., когда истек трехгодичный срок полномочий комитетов, избранных в 1976 г. Они выбирались тогда на государственных предприятиях и в муниципалитетах (частного сектора это не коснулось) и были призваны создать новую администрацию. Однако в эти народные комитеты попали лица, которые не могли или не хотели выполнять, а зачастую и открыто саботировали решения ливийского руководства. Созданные в 1978 г. ревкомы, на которые были возложена функция чистки комитетов и контроля за их работой, существенно положения не исправили.

С 7 по 19 февраля 1979 г. в СНЛАД прошли выборы новых составов народных комитетов, которые увязывались с новым административным делением, определенным специальным постановлением Генсекретарита ВНК. В соответствии с этим постановлением Ливия была разделена на 44 муниципальных округа с входящими в них районами.

В ходе выборов избирались народные комитеты муниципальных округов, районов и отраслевые муниципальные комитеты. Основная цель создания этих комитетов состояла в том, чтобы привлечь к управлению государством большее число ливийских граждан, поднять их политическую активность, создать благоприятные условия для продолжения социально-экономических преобразований в стране. По замыслу Каддафи, наркомы муниципальных округов должны были стать исполнительной властью на местах, представительным "народным правительством".

Полномочия всеобщего народного комитета муниципального округа (таково их полное название) были определены в том же январском (1979) постановлении ВНК о новом административном делении. В пределах муниципального округа местному

народному комитету были предоставлены полномочия Высшего народного комитета.

Были определены функции и отраслевых народных комитетов муниципалитетов, которым было вменено в обязанность заниматься конкретными вопросами развития тех или иных отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и различных служб в рамках муниципального округа. В своей работе секретари этих комитетов должны были непосредственно взаимодействовать с соответствующими секретариатами ВНКОМ СНЛАД.

К 1 марта 1979 г. избирательная кампания закончилась. В результате выборов в народные комитеты были избраны в основном представители тех слоев населения, которые считались "наиболее революционными" и которые открыто выступали против своих сограждан, сумевших разбогатеть в послереволюционный период. Эта "новая" ливийская аристократия была представлена людьми, которые в 1969 г. приветствовали падение монархии, а затем активно сотрудничали с новым режимом, надеясь на место под "революционным ливийским солнцем", и, естественно, на прибыли и льготы. Бесконечные перестройки и ревкомовские кампании, хотя и были направлены против зажиточных слоев населения, не пошатнули ливийских устоев настолько, чтобы зажиточные слои и рабоче-крестьянские массы стали "партнерами". Политические и социально-экономические противоречия в Ливии оставались острыми и через 10 лет после свержения монархического строя.

Впрочем, читатель может об этом судить и сам, если сравнит предлагаемый текст выступления М. Каддафи с его видением революционных процессов в Ливии и истинностью происходившего. Все и сам лидер революции оценивал довольно объективно.

Выступление Каддафи на втором слете представителей революционных комитетов (1979)

"В процессе завершения работы по созданию революционных комитетов мы обнаружили, что существует ряд местных народных собраний, их число, правда, незначительно, в которых нет революционных комитетов. По нашему мнению, нельзя оставить хотя бы одно народное собрание без революционного комитета. Народное собрание без революционного комитета подобно автомобилю без двигателя, который, как бы мы его не украшали и

как бы мы не старались, все равно не сдвинется с места. Революционный комитет— это двигатель местного народного собрания. Революционные комитеты — это та сила, которая приводит в движение широкие народные массы. Массы совсем не обязательно должны быть революционными, их подавляющее большинство в любой части мира не революционно. Кто же ведет их на путь революции, которая отвечает их интересам? Это — революционная сила. Поистине революционная сила не обязательно должна быть многочисленной, обычно она малочисленна. Однако и двигатель может быть самой маленькой деталью в автомобиле, как и в любом другом механизме. Но несмотря на это, именно он является той силой, которая приводит в движение.

Мы также выяснили, что в ряде средних школ и институтов отсутствуют революционные комитеты или же они есть, но бездействуют. Это значит, что в этих учреждениях, объединяющих массы, нет места революции, так как в них отсутствует самая экономичная движущая революционная сила. Следовательно, такие учреждения представляют собой форму, лишенную содержания.

Школа и институт — это школьные студенческие народные собрания, следовательно, факультет в институте — это народное собрание, включающее в себя местное народное собрание, объединяющее всех ливийских граждан, представляющих различные слои населения, и профессиональное народное собрание, объединяющее производителей, крестьян, ремесленников, работников искусства, студентов и других представителей всех слоев населения. Но все члены профессиональных народных собраний являются, в конечном счете, членами местных народных собраний, которые определяют внутреннюю и внешнюю политику народного государства, которым управляют народные массы. Народное собрание, будь оно профессиональным или непрофессиональным, если в нем нет революционного комитета — это форма без содержания, то есть то же самое, что и автомобиль без двигателя.

Именно эта проблема и тревожит нас всех и мы не можем быть спокойны до тех пор, пока не увидим, что революционный комитет существует в каждом народном собрании, местном или профессиональном.

Нашей задачей является завершение процесса создания революционных комитетов, укрепление уже существующих революционных комитетов, выявление тех мест, где еще нет революционных комитетов с тем, чтобы вести работу по созданию там революционной силы.

Революционные комитеты, процесс укрепления которых сейчас идет, это то, на что мы, как руководство революции, будем опираться.

Революционеры, обладающие чувством ответственности, — вот те, с кем мы начнем революционную работу и кому мы поручам осуществление революционных задач.

Следующей задачей является реорганизация революционных комитетов и революционных сил в этих комитетах.

Это необходимо потому, что в военное или в мирное время, в трудных или легких условиях, в любой ситуации, мы будем обращаться к революционным комитетам.

Но в этих условиях будет ошибкой продолжать обращаться к революционным комитетам посредством радио.

Ведь радиостанция может в определенный момент оказаться в руках одного из нас, может быть захвачена внешними врагами или уничтожена внутренними. Поэтому отныне и впредь мы будем осуществлять связь с революционными комитетами только через их штаб-квартиры. Эти штаб-квартиры являются местом, где собираются революционные силы, и только через их посредство мы можем осуществлять контакты с ними.

Революционные комитеты должны в случае нарушения или отсутствия связи с ними сами выполнять возложенные на них функции без контактов с кем бы то ни было.

Если положение осложнится и у руководства не будет возможностей связаться с революционными комитетами, последние должны сами осуществлять свои задачи.

Это, естественно, требует сознательности и чувства революционной ответственности.

Штаб-квартира революционного комитета — это своего рода генеральный штаб, своего рода окопы войны, находясь в которых каждый должен чувствовать, что именно в этом и есть смысл его жизни.

Каждый революционный комитет должен таким образом стать копией штаба революционного руководства. Если исчезнет революционное руководство, то страна превратится в подобие Египта, Китая, Ганы, Индонезии.

Египет был безусловным лидером арабского мира. Теперь же Египет встал на колени перед Израилем. И это потому, что эра президента Насера осталась только в памяти, а не наяву.

И если мы будем поступать также, как поступали руководители этих стран, то завтра революция кончится, так как будто ее никогда и не было.

В Египте никогда не было организации. Там был Насер, вокруг которого сплотился народ. Когда же его не стало, народ не

нашел вокруг кого сплачиваться. Поэтому люди вышли на улицы аплодировать даже Садату, когда тот вернулся из Иерусалима. Насеру удалось возбудить у масс сознание. Но в Египте не было действительно организованной силы.

Насер был против партий, при нем ни одна партия не действовала, но он не нашел альтернативы партийной системе. Насер умер.

И если бы вокруг него были горячие патриоты или национальный энтузиазм, то люди только любили его и подражали ему…

В Гане была партия, но с уходом ее президента эта партия превратилась в толпу.

Сукарно, как и Насер, был личностью. Но силы, выступившие против него, сумели создать организацию и, хотя народ был на стороне Сукарно, эти силы совершили переворот.

Вот какова роль организации.

Каждый из исторических экспериментов, о которых мы говорили, закончился неудачей. И секрет их провала кроется в них самих. Причиной этого является основа, на которой они проводились, их кредо. Насер создал программу революционной деятельности и только. Он был человеком, который мужественно вел сражение за интересы арабских масс. Но это происходило пока он был жив. С его смертью прекратилась и та битва, которую он возглавлял и ничего от нее не осталось.

Это значит, что в Египте не было прочной основы, опираясь на которую можно было бы решить политические, экономические и социальные проблемы.

Программа революционной деятельности, созданная Насером, воплотилась в Национальной хартии. Эту хартию выработал комитет, сформированный из ста человек. Эти сто человек аплодируют сейчас Садату и строят козни против этой хартии. Комитет, который разрабатывал хартию, включал в себя тех пустых и никчемных людей, которые поют теперь дифирамбы Садату и Даяну и кричат "Аллах велик", когда по улице проезжает Даян.

Национальная хартия никогда не содержала в себе основы для окончательного решения политических, экономических и социальных проблем.

У режима в Гане также не было основы. И режим в Индонезии не имел этой основы, так как он не имел теории. Просто люди управляли народом.

Нас же интересует такая деятельность, которая имеет непреходящее значение, которая приносит пользу людям, практически решает стоящие перед ними проблемы, обеспечивает

человеку счастливую жизнь, приносит ему свободу. Нас привлекает такая деятельность, в результате которой свобода достигается окончательно, когда человек постоянно живет счастливо потому, что он свободен.

Когда же мы приходим к такому положению, о котором мы знаем, что при нем мы будем счастливы, потому что мы будем свободны, то мы будем постоянно беречь его.

И борьба всегда возникает вокруг этого положения, а не вокруг какой-то личности. В этом, в конце концов, суть учения. Она сводится к тому, что человек приходит к такому этапу в своей жизни, когда он считает, что он счастлив на этом этапе, потому, что он свободен, потому, что все оковы пали, все формы притеснения ликвидированы, все тяжелые условия, в которых он жил, остались в прошлом. И человек чувствует, что он счастлив потому, что он свободен. И если человек теряет такое положение, а это вполне вероятно, то он непременно начнет бороться с тем, чтобы вернуть себе это положение.

Это положение, если оно будет достигнуто на практике или же утвердится вера в него, сделает эту революционную деятельность бессмертной и она будет такой даже после смерти какого-либо человека или группы людей.

Я опираюсь на революционные силы, идущие во главе ливийского народа, потому что подавляющее большинство ливийского народа было в подчинении до революции… Народ был в подчинении у американцев, англичан. Это большинство благосклонно встретило 20 тыс. итальянских захватчиков, которые установили свою власть по всей стране, и подчинилось монархии. Но малочисленная по составу революционная сила вела ливийский народ к революции для того, чтобы он восстал против США, колониализма и монархии.

Революционная сила — это сила, на которую можно опираться. И это понятно. Ведь массы не сознательны и легко поддаются чужому влиянию.

Эти массы в любой стране, в том числе и в США, которые поддерживают Израиль, выступающий против арабов, не сознательны. Они не осознают, кто есть арабы, кто — евреи, а кто — палестинцы, они совсем не понимают, в чем суть палестинской проблемы. А вместе с тем они втянуты в эту проблему, хотя и не понимают ее. Следовательно, кто-то направляет американский народ на путь поддержки Израиля, настраивает его против арабов. Это сознательная, организованная, хотя и малочисленная сила, которая руководит народом. Именно она ввергла американский народ в такую трудную ситуацию, сложности которой он не осознает. Спросите любого американца, сможет ли

он различить палестинца, еврея и араба. Но этот американец ежедневно платит налоги, а они идут на оказание помощи Израилю, он производит оружие для евреев, которым они убивают арабов.

Это значит, что в Америке, астронавты которой побывали даже на Луне, подавляющее большинство народа не сознательно.

Нужно наличие движущей силы, которая добилась бы успеха в убеждении большинства или в привлечении его на свою сторону. Каждый народ может желать свободы и счастья. Однако он не знает, как достичь этого, не знает, как бороться за это и не знает, как сохранить достигнутое. Кто же знает, как это сделать? Это движущая, эффективная, революционная сила. Однако революционные силы не должны быть такими же, как сила Насера — студенистая, беспорядочно растекшаяся по всему арабскому миру, не имевшая под собой основы и не имевшая своего кредо до такой степени, что даже не смогла в Египте преградить дорогу Садату.

Сейчас имя Насера втаптывается в грязь в Египте, там очерняется все, что он сделал или предполагал сделать. Где сейчас тот народ, который кричал "Да здравствует Насер!" Эти народные массы не были организованы, у них не было сознания, наконец, они не верили по-настоящему в то, что делали до такой степени, чтобы бороться и действовать без Насера. Революционная сила, если она только сочувствующая, разрозненная, студенистая, останется текучей, неустойчивой силой. От нее нет никакой пользы. Необходима организация.

Какие формы организации существуют сейчас в мире? Последней формой организации является партия. Однако, эта форма изживает себя во всех странах. Крах партийной системы, который наблюдается в Турции, Италии, Аргентине и других странах мира, свидетельствует о том, что партийная теория не решила проблемы организации. Мы видим, как народ поддерживает партию, затем видим, как тот же народ организует демонстрации, забастовки, революции, покушения, перевороты. Мы видим, как он выбирает парламенты, а потом мы наблюдаем политическую борьбу и битвы, развертывающиеся в этих странах. Каков их смысл? Это значит, что политическая проблема не решена. Борьба, которая наблюдается в мире, является достаточным доказательством провала партийной системы как инструмента для осуществления демократии.

Все это проясняется сейчас с очевидностью на наших глазах. И поэтому необходимы рамки, в пределах которых образуется революционная сила, или любая движущая сила. Если мы не заведем двигатель в определенном порядке, то машина не

сдвинется с места. До сих пор партийная система являла собой ту форму, которая считается лучшей для организации политической силы и для осуществления демократии. Сейчас партия как политический институт игнорируется народными массами во всем мире, потому что инструмент эпохи народных масс — это революционные комитеты… Революционные комитеты это новая форма для организации новой революционной силы, задача которой полностью отличается от прежних задач. Все существовавшие политические организации сначала брали власть в свои руки, потом управляли народными массами через выборные органы и решали судьбу народа. В то же время революционные комитеты — это единственная политическая сила в мире, которая появилась не в результате захвата власти.

Народная революция — это революция будущего. Это не военная, не рабочая, не классовая, не авангардная, не партийная революция. Народная революция — это революция будущего и революционные комитеты являются орудием народной революции. Как народные массы придут к власти? Революционные комитеты поведут их за собой с тем, чтобы взять власть в свои руки.

Это является сущностью революционных комитетов, которые были образованы до революции и которые совершили революцию, чтобы затем привести народные массы к власти. Сейчас же власть перешла к революционным комитетам, чтобы народ мог осуществлять власть.

Революционные комитеты состоят из людей, которые, читая "Зеленую книгу", узнали о фальшивости современной демократии и сущности эксплуататорских обществ. Они превратятся в революционеров. Они объединяются, образуя революционные комитеты в каждом районе.

В задачи революционных комитетов не входит захват власти, в противном случае они будут одним из инструментов диктатуры, которая осуществляет власть без народа, при помощи представителей народа. Сейчас появился новый лозунг народных масс — "нет представительству". Это новый принцип, который революционные комитеты проводят в жизнь вместо реакционных высказываний, которые сводятся к идее лучшего представительства народа.

Задачей революционных комитетов является поднятие народных масс на совершение революции с тем, чтобы они пришли к власти. Революционные комитеты — это орудие организации народных масс при помощи нелегальной и легальной работы в народные собрания и народные комитеты.

Революционные комитеты — это орудие наступления

народных масс с целью разрушения устоев деспотической власти, господствующей над народом.

Таким образом, революционные комитеты — это политические и практические рамки, в пределах которых консолидируются революционные силы во всех районах. Революционные силы — это революционное руководство широкими народными массами. Они ежедневно направляют их на путь прогресса. Революционные силы — это нерв, который движет народными массами, это артерии революционно обновляющегося общества, это инструмент распространения новой цивилизации. Задачами революционных комитетов является вовлечение народных масс в процесс осуществления власти, укрепления власти народа, осуществления революционного контроля, активизации народных собраний, направление деятельности народных комитетов, защиты революции, ее пропаганды.

Революция завтрашнего дня — это народная революция. Ее инструментом являются революционные комитеты. Задача революционных комитетов состоит в привлечении народных масс к делу совершения революции. Они помогут народу захватить власть.

Сейчас в Ливии (так или иначе) свершилась революция. Народные массы так или иначе пришли к власти. Сейчас перед нами задача утвердить власть народа. Кто утверждает власть народа? Революционные комитеты.

Если не будет революционных комитетов, то народная власть неизбежно падет сразу же как исчезнет революционное руководство.

Народные собрания и народные комитеты сейчас осуществляют власть, однако, у них легко отнять эту власть. Во-первых, потому что они несознательные. Например, народное собрание без революционного комитета остается несознательным, так как у него нет движущей силы, которая созовет народ на митинг, поднимет его на борьбу с любым актом, направленным против власти народа. Таким образом, народное собрание не может собраться для установления народной власти или сделать что-либо еще и от него нет пользы. Оно видит что-то перед собой и продолжает созерцать это, подобно египтянам. Сейчас они смотрят на то, что разрушается в Египте, в его истории, в его будущем с открытыми ртами, смотрят и аплодируют. Аплодируют тому, что уничтожает их. Если там не будет революционных комитетов, то эти народные массы не смогут осознать происходящего вокруг них. Революционные комитеты — это также комитеты, которые, говорят, например, что там-то произошел фашистский переворот против народной власти и

поднимают народ на борьбу с ним для его уничтожения. Без революционного комитета народные массы не могут перехватить инициативу. Любое народное собрание представляет собой механизм машины, или самолета, или корабля, или поезда. Необходимо, чтобы у них был двигатель и этим двигателем является революционный комитет. Эти собрания и эти учебные заведения… Эти учреждения парализованы… По ним не идет кровь. В них нет нерва, чтобы они двигались, на них нельзя опереться. Если есть власть, осуществляемая через народные собрания, то нельзя рассчитывать на это народное собрание. Эта власть быстро падет. Так как у народного собрания нет сознания и нет того, что помогало бы осуществлять власть. Нет того, что направляло бы народные комитеты, чтобы выполнить решения народных собраний. Нет того, что активизировало бы народные собрания. Например, народный комитет не выполнит решение народных собраний, потому что он парализован, в нем не было нерва, крови. Смысл этого заключается в том, что власть была машиной без двигателя.

В вооруженных силах революционные комитеты существовали с самого начала, и именно они совершили революцию. Революционные силы были реорганизованы в революционных комитетах спустя 10 лет. После реорганизации революционных комитетов в вооруженных силах наладилась связь между ними и революционными комитетами в народных собраниях и учебных заведениях.

С настоящего момента мы приступаем к осуществлению революционных преобразований руками масс. Мы заявили, что революционные преобразования будут продолжаться, и нет никакого отступления от этой линии. Однако вместо осуществления диктатуры будет осуществляться народная власть, она будет проводиться самими народными массами, поскольку, если сохранить диктатуру, пусть даже при этом добиваясь успехов в материальной сфере, мы будем нести потери в моральном плане, важнейшими из которых будут: потеря народными массами веры "в себя и в то, что они станут способными подчиниться любой власти над ними. Сейчас возможна власть над народными массами в их интересах, а завтра они подчинятся власти, которая не отражает их интересы. Таким образом, достижение свободы важнее, чем достижение материальных благ. Однако претворение программы революционных преобразований от отсталости к прогрессу будет продолжаться, чего бы это ни стоило.

Они будут осуществляться всем ливийским народом, который взял власть в свои руки и взял на себя ответственность за

осуществление своей революционной программы. И если народ отказывает себе в чем-то, то этот аскетизм санкционирован народам, который в то же самое время убежден, что этот аскетизм неизбежен для достижения прогресса завтра. Но кто убедит его в этом? Только ли революционные комитеты или же рядовой гражданин, который не является их членом? Однако, мы не можем ожидать от него убежденности в необходимости жертв. Он может быть убежден в этом, а может быть и нет…

Если есть цена, которую нужно уплатить за переход от отсталости к прогрессу, то кто оплатит эту цену?

Народные массы — вот кто оплатит эту цену, и необходимо, чтобы они были убеждены в справедливости этой цены, убедить их в этом должны революционные силы. Здесь они подобны пророку, который приходит к людям и убеждает их, что необходимы терпение и жертвы, что есть идеал, за достижение которого необходимо уплатить дорогую цену.

Каждодневное терпение — это жертвы, это — муки. Однако мы убеждены, что такое терпение достойнее всего.

То же самое можно сказать и о цене свободы. Мы готовы заплатить эту цену, несмотря ни на что. Вера в необходимость этого — вот что делает нас убежденными. Достичь этого нельзя в одиночку, а только тогда, когда мы противопоставим революционное единство идолопоклонству и скажем: у нас есть революционные комитеты. Необходимо работать с полной отдачей сил, это дает убежденность, а кто стал убежденным, тот стал революционером.

Пророк убеждает людей, что терпение и жертвы не напрасны. И вместе с этим растет их убежденность в справедливости этой цены, они начинаю верить в необходимость жертв и терпения. И неважно, что пророк умирает, остаются люди, которые верят в его проповедь, которые знают, что есть то, за что необходимо заплатить терпением и жертвами.

Если к тебе не идет революционер, вселяющий в тебя убежденность в том, что цена, которую ты платишь сегодня, окупится завтра свободой, процветанием и прогрессом, ты не сможешь заплатить этой цены. Каждый человек стремится к легкому и простому. Почему кто-нибудь открывает лавку? Потому что это наиболее легкое и выгодное дело. Он открыл лавку, вместо того, чтобы трудиться на каком-либо предприятии. Для тебя легче открыть лавку, так как простаки идут к тебе, чтобы купить то, что им надо и, что ты купил, например, за 5 динар, а продаешь им за 10. Конечно, открывать лавку легче, чем выращивать плодоносные деревья. В сельском хозяйстве надо трудиться постоянно и добросовестно. В парикмахерской же,

например, доход получаешь легко и быстро. Люди по своей природе стремятся к более легкому удовлетворению своих потребностей.

Каждое народное собрание имеет право принимать решение и обладает суверенитетом, а именно решает вопросы о новом плане и обо всем, что касается их компетенции. Поэтому необходимо создать революционный комитет в местном народном собрании, которое имеет полномочия принимать решения. Воздействуйте на него, чтобы его решения отвечали интересам новых преобразований, преобразований будущих пяти лет. Начиная с 1980 г., этот поворот будет трудным и важным, поскольку мы планируем проведение важных мероприятий в рамках нового скачка по пути прогресса. Однако до сих пор мы не выполнили прошлую пятилетку. Каждый купил автомобиль, у каждого по 4 транзистора японского производства, а люди остаются на том же уровне, когда открывают лавку или парикмахерскую, чтобы быстрее и легче получить выгоду.

Первый этап улучшил благосостояние людей, которые стали богаче. Но до сих пор ливийцы совсем не участвовали в битве. Это естественно, поскольку первый этап был слабым и хотя он благополучно завершился, все предстоит решить на втором этапе — в будущей пятилетке 1980–1985 гг. Кто будет ее выполнять? — Народ. Кто будет ее принимать? — Народ на местных народных собраниях. И мы намерены продолжать эту практику. С этого момента мы станем еще сильнее, так как создаем революционные комитеты — форму, которая нам хорошо известна.

Мы знаем, что вы люди с истинной верой в революцию, а не просто с сочувствием к ней. Я не говорю о сочувствующей стороне. Каждый ливиец, который присутствует здесь, — сочувствующий. Они преданы армии, которая совершила революцию, и готовы к смерти, если этого потребуют обстоятельства.

Каждый человек должен оставаться преданным идеалам революции, за что он продвигается по службе. В этом случае это происходит по отношению к нему автоматически. Но этого не случается, если ты сам ищешь возможности подвинуться на ступеньку выше по службе, чтобы иметь дом, участок, обеспечить себе счастливую жизнь. В таком случае ты больной человек, ты — эгоист. Каждый имеет законное право на продвижение по службе, но только своим трудом.

Нынешний новый этап требует дружеского сотрудничества революционных сил. Именно сплоченность, осуществляющаяся между революционными комитетами в Армии и в Народных собраниях является главным на этом новом этапе.

Фашистский переворот. Сам по себе фашист может совершить переворот лишь в том случае, если ему удалось заручиться поддержкой какой-то группы глупцов. Во всех странах мира, где у власти находится фашизм, он использует в своих интересах солдат, пользуясь их глупостью… Если оружие не будет передано массам, а останется в руках вооруженных сил, как обстоит дело в настоящее время, и если вооруженный народ не станет сознательной силой, благодаря деятельности ревкомов…, то фашисты могут использовать вооруженные силы против народных масс для уничтожения власти народа, уничтожения свободы; это еще один аргумент в пользу вооруженного народа; следует создавать революционные комитеты в вооруженных силах, которые, сплотившись с другими революционными комитетами, станут бдительным оком, наблюдающим за властью народа вплоть до того времени, когда утвердится власть народа, утвердится и закрепится новый социализм, будет проведено вооружение народа и покончено со страхом за судьбу свободы; сейчас войска любого из военных лагерей, где имеются революционные комитеты из офицеров, унтер-офицеров и солдат, никто не может захватить врасплох и приказать им занять тот или иной город.

Революционное подавление. Сейчас какой-нибудь фашист не может придти в военную часть и отдать ей приказ захватить радиостанцию… Почему? Потому что сейчас существуют революционные комитеты с заданием немедленно и без приказа подавить любую попытку выступления против революции… Если ревкомы в вооруженных силах обнаружат контрреволюционное выступление в каком-либо военном лагере, они, не дожидаясь приказа, подавят его.

Революционные комитеты являются руководством. Отныне связь будет осуществляться подлинными революционными комитетами по всем позитивным или негативным, трудным или легким вопросам; эти комитеты будут представлять лично меня и руководство революции; они сами станут руководством революцией повсюду, где они имеются. Они станут руководством народных собраний, школ, институтов, колледжей, воинских частей… "Именно в этом состоит руководство революцией". Они станут нашими штаб-квартирами.

Мы проводим совещания с вами, говорим с вами, связываемся с вами. А затем вы станете воплощением руководства революции на местах. И то, что делаете вы, будем делать мы…

Мы не можем мобилизовать все наши силы, поэтому мы до сих пор зависимы от экспорта из-за границы, откуда мы экспортируем почти все, в чем мы нуждаемся. Даже очки, которые

мы носим и через которые мы смотрим на мир, и те привезены из-за границы.

Можем ли мы быть при этом независимыми? Тысячи домов, которые были построены после революции, построены не вами, а иностранными фирмами…

Деятельность в материальной сфере Вторым пунктом является деятельность в материальной сфере. Она также важна для вас.

Мы занимаемся деятельностью в материальной сфере… создаем плотины, чтобы бороться с засухой, занимаемся мелиорацией земель… Но та работа, которую вы осуществляете, находясь в этом лагере, меньше, чем работа, осуществляемая в этом же районе одной иностранной компанией. Если бы мы работали хорошо…

Колонизацию и освоение вашего района начали итальянцы. Так же было и в других районах — в Джебель эль-Ахдаре, в Мисурате, в Триполи, в Хомсе, в Тархуне. Некоторые итальянские проекты были осуществлены и созданное итальянцами перешло к нам… Завершению других проектов помешала Вторая мировая война, но Ливия не смогла закончить их претворение в жизнь.

Так произошло в вашем районе, в Дарсии. Здесь итальянцы начали один из своих проектов колонизации.

Мы были в это время слушателями военного колледжа. И здесь произошло первое заседание ЦК ОСОЮСа.

Мечта, которая осуществилась. Мы тогда мечтали, что планы освоения этих земель будут осуществляться нами, а не итальянцами и не для итальянских колонистов, а для ливийских феллахов. Хвала Аллаху, эта наша мечта претворяется в жизнь, мы создаем здесь новые фермы, дома, плотины. До сих пор здесь имеются люди, живущие на жалование, но завтра у каждого из них будет своя ферма, свой дом.

Дарсия была тюрьмой, где итальянцы содержали 40 тыс. ливийцев из районов Джебель аль-Ахдара и Тобрука, с тем, чтобы изолировать их от отрядов Омара Мухтара, лишив последнего их поддержки.

Ливийцы жили здесь как скот.

Теперь же здесь живут свободные люди".

Завершение реорганизации власти

1—2 марта 7979 г. состоялась внеочередная сессия ВНК. Она завершила меры по перегруппировке политических сил в стране. Каддафи предложил переизбрать состав Генсекретариата, в

который входили "исторические вожди ливийской революции", объявив, что он и его ближайшие сподвижники отказываются от всех постов.

Это было неожиданным для многих присутствовавших делегатов ВНК, но этого и надо было ожидать, так как, несмотря на провозглашение "власти народа", страной продолжали управлять все те же пять членов бывшего СРК, а весь аппарат этого законодательного органа только сменил вывеску— стал издавать указания и инструкции не от имени СРК, а от имени Генерального секретариата ВНК, что вызывало и критику, и возражения ливийской общественности.

Каддафи пошел на феноменальный прием, не имевший аналога в современной арабской истории. По его предложению был избран новый состав Генсекретариата, в который вошли видные деятели из народных комитетов: Абдель Ати Обейди — генеральный секретарь (ранее— председатель Высшего народного комитета); Мухаммед Белькасем Зуэй— заместитель генсекретаря (ранее— секретарь по вопросам информации и культуры); Али Бельхейр — секретарь по делам народных собраний (ранее — секретарь народного комитета Бенгази); Абдалла Захмул — секретарь по делам народных комитетов (ранее — секретарь народного комитета Триполи); Мухтар Гарбаа — секретарь по делам профсоюзов, профессиональных федераций и лиг (ранее— секретарь федерации производителей).

Был утвержден также новый состав Высшего народного комитета, в котором большинство первых секретарей (министров) сохранили свои посты. Секретарем (а не председателем) Высшего народного комитета был назначен Джадалла Азуз Тальхи, ранее занимавший пост министра (секретаря) по промышленности, а с начала 1978 г. — исполнявший обязанности и секретаря по связям с Генсекретарем Всеобщего народного конгресса (фактически был личным секретарем Каддафи).

В состав Генсекретариата ВНК и Высшего народного комитета были избраны деятели, преданные режиму и лично Каддафи. Сама форма проведения "прямых выборов" не допускала возможности внесения каких бы то ни было других кандидатур.

Было объявлено, что Джеллуд, Джабер, Харруби и Хувейлди будут решать "перспективные, стратегические вопросы ливийской революции", не занимая официальных постов. Каддафи был официально провозглашен "руководителем ливийской революции". Он заявил, что "всецело посвятит себя проблемам будущего", пообещал быть "активным наблюдателем" и приложить все силы для "построения народной власти". Каддафи также заявил, что "революционное руководство" всеми социальными

преобразованиями в стране останется в руках "испытанных вождей Джамахирии", то есть в руках бывших членов СРК и первого состава генерального секретариата ВНК. Формально Революционное руководство СНЛАД, образованное после мартовской (1979) сессии ВНК, с тех пор не участвует в управлении государством. Фактически оно является высшим политическим органом Ливийской Джамахирии, вырабатывающим и определяющим внутреннюю и внешнюю политику страны и осуществляющим контроль за деятельностью ВНК и ВНКОМ. Были распределены и обязанности среди членов революционного руководства. За Каддафи сохранились посты Верховного Главнокомандующего вооруженными силами и Генерального секретаря Всеобщего народного конгресса (заметим, что ливийский лидер отказался только от членства в генсекретариате, на пост же Генсека ВНК он был избран в марте 1977 г. отдельным голосованием), за Джабером — пост Главнокомандующего вооруженными силами страны, за Хувейлди (до отставки в 1994 г.) — пост Главнокомандующего народным ополчением и "вооруженным народом", за Джеллудом (до отставки в 1994 г.) — "революционный контроль" органов управления и хозяйствования, в руках Харруби остались все силы и средства разведки и контрразведки.

По существу в политической системе Джамахирии произошли важные изменения. Сеть революционных комитетов, управляемых Революционным руководством, превратилась в политическую структуру, исполнявшую роль политической организации или института с некоторыми функциями политической партии, хотя и без структурного вида партии, программных партийных документов и уставных принципов. С этого времени революционные комитеты стали играть ведущую идеологическую и организационную роль во всех сферах политической, социальной и экономической жизни страны, сделались инициаторами и проводниками в жизнь основных политических решений. Делегаты мартовской (1979) сессии ВНК и присутствовавшие на ней гости стали таким образом свидетелями еще одного шага к усилению личной власти Каддафи, в то время как его ближайшие сподвижники были поставлены им в примерно равное положение, хотя явно увеличился "политический разрыв" между ними и руководителями революции.

В целом 1977–1979 гг. можно считать периодом создания джамахирийской политической системы. Идеологическое оформление эта система получила в "Зеленой книге", программных выступлениях М. Каддафи и других руководителей СНЛАД. Юридически она была закреплена в Декларации об

установлении прямого народовластия и ряде законодательных актов, принятых сессиями ВНК. Новой политической системе соответствовала и социально-экономическая политика, направленная на коренную перестройку общественных, в первую очередь производственных, отношений в соответствии с установками "Зеленой книги".

Особенность изменений состояла в том, что в новую политическую модель, наряду с идеологически и юридически закрепленными элементами (такими как народные конгрессы, их секретариаты, народные бюро и пр.) вошли и такие, которые правового оформления не получили как элементы политсистемы "прямого народовластия", но тем не менее с самого начала стали играть в ней большую роль. Новые структуры — это революционное руководство (в составе 5 членов бывшего СРК во главе с М. Каддафи) и революционные комитеты. Старые — административно-управленческий аппарат и армия. Соотношение этих, формальных и неформальных, новых и старых структур и составило в совокупности контуры вновь созданной политической системы. К этому следует прибавить также и те структуры, которые остались в том или ином виде от традиционного ливийского общества, хотя, разумеется, в трансформированной форме, искусственно вписанной в институты "прямого народовластия".

В таком виде новая модель ливийского общества продолжает функционировать и развиваться и до сих пор, отражая те процессы и тенденции, которые происходили в социально-экономической жизни и, в свою очередь, оказывали влияние на социальную и экономическую политику руководства.

Тезис о "вооруженном народе" и армия

Каддафи мог бы и не добиться осуществления реорганизации политической структуры, при которой он сумел получить неограниченную власть, если бы не поддержка со стороны армии, которая в течение первого послереволюционного десятилетия оставалась основной опорой режима. Ливийский лидер много сделал и для личного состава армии, превратив его в привилегированную часть населения, и для оснащения вооруженных сил самым новейшим вооружением. К концу XX века численность вооруженных сил увеличилась более, чем в 10 раз (76 тыс. чел.), а на вооружение поступили закупленные за рубежом более 3000 танков, до 2000 бронетранспортеров, около / о военно-морских единиц, свыше 500 боевых самолетов.

Поток громадного количества вооружений, как и увеличение численности личного состава (в основном наемного) не сделали, однако, ливийскую армию боеспособной до такой степени, которая удовлетворяла Каддафи. В докладе ЦРУ США о состоянии ливийской армии, подготовленном в 1979 г., в частности, констатировалось: "Каддафи создал самые насыщенные тяжелой боевой техникой вооруженные силы в Северной Африке. Несмотря на то, что Ливия уже получила больше вооружений, чем ее армия может освоить, значительное количество вооружений будет ей поставлено и в будущем. Быстрый рост ливийских вооружений не соответствует ни количественному, ни качественному росту личного состава ливийской армии. Малочисленная, слабо подготовленная ливийская армия остается малоэффективной как боевая сила и не в состоянии освоить современное вооружение".

Ливийский лидер, видимо, отдавал себе отчет в том, что его армия — "колосс на глиняных ногах", который больше является пугалом для ливийского населения, чем надежным защитником от внешнего врага. Постепенно начинало беспокоить его и другое — нежелание многих офицеров (да и солдат) утруждать себя повышением воинского мастерства, наряду с увеличившимися претензии на улучшение благосостояния, на особое положение в стране, хотя для личного состава вооруженных сил и так было сделано немало. Понятно, что рано или поздно эта расфранченная, ничего не желавшая делать военная элита (к тому же по-прежнему занимавшаяся рукоприкладством в отношении подчиненных) из опоры режима могла превратиться в противника режима, причем самого опасного.

Оснований для недоверия офицерской элите, представлявшей собой конгломерат представителей различных классов и прослоек ливийского общества, у Каддафи уже было более, чем достаточно. После неудавшихся попыток переворотов со стороны министров обороны и внутренних дел (1970), а потом группы членов СРК (Мохейши, Хуни, Хаввади, Наджм, Герви) в 1975 г., было совершено немало других попыток свергнуть существующий режим или убить его руководящих деятелей, о чем еще пойдет речь.

И с завершением стратегической политической операции по установлению личной неограниченной власти в стране (трудно выразить это более точно), Каддафи активизировал усилия по выполнению не менее сложной задачи — устранение опасности режиму со стороны армии, точнее — со стороны ее элитарной части.

Как всегда, в такие минуты ливийский лидер провел зондаж

среди тех, кто в течение десятилетия являлся его главной опорой. Он обратился к соратникам по движению "свободных офицеров-юнионистов", созвав их 8 апреля 1979 г. в Бенгази на первый послереволюционный съезд.

Главным итогом работы съезда было принятие решения о создании революционных комитетов в вооруженных силах. Их основными задачами стали: идеологическая работа среди личного состава, подавление любых оппозиционных выступлений, претворение в жизнь лозунга о "вооруженном народе" и о всеобщем воинском обучении народных масс, координация деятельности армейских и гражданских ревкомов, особенно в борьбе с инакомыслием в стране.

Съезд санкционировал реорганизацию власти на основе принципов, изложенных в "третьей" теории М. Каддафи, но теперь сама опора режима в лице армии видоизменилась — центр тяжести явно перемещался в сторону ревкомов, а армии предстояло стать "учебным центром" для военного обучения населения, то есть несколько потесниться среди столпов режима.

В течение 1979–1980 гг. Каддафи произнес ряд речей, в которых ратовал за претворение в жизнь своего тезиса о "вооруженном народе", который он неоднократно выдвигал ранее. По всей стране без промедления развернулось формирование батальонов "народного сопротивления" (один-два в каждом населенном пункте, а в городах— в каждом районе) и "муджахидинов" (из состава молодежи, преданной идеям Каддафи). Всему взрослому населению было предписано один раз в неделю заниматься военной подготовкой (в том числе работающим), а учащимся было вменено в обязанность освоить одну военную специальность и проходить ежегодно двухмесячную переподготовку в военных лагерях. Это, конечно, влияло как на производительность труда, так и на качество учебы, но Каддафи не отступал от намеченного.

Одновременно ревкомы разворачивали (совместно органами безопасности и внутренних дел) широкомасштабную операцию по борьбе с явными и скрытыми врагами режима, в том числе и в армейской среде.

В течение 1980–1982 гг. в вооруженных силах была проведена чистка среди офицерского состава, в результате которой около 10 тыс. военнослужащих, были уволены запас. Весной 1983 г. в прессе СНЛАД появились критические статьи в адрес армии, которая, как утверждалось, превратилась в "государство в государстве" и "порвала связь с народом". "Ливийское офицерство, — писал, в частности, орган ревкомов еженедельник "Аз-Захф аль-Ах-дар", — занимается распутством, контрабандой,

потреблением наркотиков и спиртных напитков, в армии процветает кумовство и групповщина". В другом номере "Аз-Захф аль-Ахдар" утверждал, что "оторванная от народа армия напоминает военно-фашистские банды Батисты и Франко, военные хунты в Чили и Сальвадоре". Центральный орган ревкомов призвал "созвать чрезвычайную сессию ВНК для рассмотрения вопроса о роспуске ливийской армии, ликвидации этого реакционного учреждения".

Газета "Аль-Джамахирия" в свою очередь отмечала, что "армия в ее традиционном виде не относится к новой структуре джамахирийского общества, которое имеет свои особые формы, отвергающие заимствованные от старого строя институты, угрожающие свободе" и потому "долг народных масс — уничтожить традиционные учреждения армии, выдвинув им в качестве альтернативы формулу "вооруженного народа".

Такая "психологическая атака", предпринятая на армию в апреле 1983 г., имела, конечно, целью охладить пыл тех офицеров, которые, возможно, подумывали о перевороте: им было недвусмысленно сказано о возмездии за "измену". Вместе с тем наскоки прессы вызвали болезненную реакцию в армейской среде, и это заставило Каддафи выступить с заявлением по этому поводу. "В армии, — сказал он, — нет коррупции, ливийские офицеры, — это обычные и простые люди… Армия — это наследие прошлого, и она исчезнет, так как ее существование противоречит принципам нового ливийского общества. Она будет заменена "вооруженным народом"".

В течение 1983–1987 гг. Каддафи предпринимал энергичные меры по реорганизации армии. Он перенес из Триполи в пустынные районы страны штабы видов вооруженных сил, значительно укрепил "войска отпора", охраняющие правительственные объекты, создал военизированные формирования в населенных пунктах, взявшие на себя функции блюстителей общественного порядка, приступил к формированию Бригады стражей Джамахирии (наподобие стражей исламской революции в Иране), в состав которой были введены танковые, механизированные, ракетные и зенитно-артиллерийские подразделения. Отдельно были скомплектованы Пан-Африканский легион, батальоны исламской молодежи, народные кавалерийские части, силы морского (таможенного) контроля и народной милиции.

К этом надо добавить широко применяемую Каддафи практику перемещений офицерского состава. Не трогая командующих видами вооруженных сил и некоторых высших офицеров Главного командования, которым полковник доверял и

которые это доверие старались оправдать, Кадда-1 и переместил на ключевые посты некоторых выходцев из своего племени. Командующим джамахирийской гвардией стал полковник Халифа Хенейш, командующим южным округом полковник Мусаад Ахмед, командующим экспедиционным корпусом в Чаде полковник Х. Ишкал.

В период 1982–1986 гг. на милитаризацию страны Ливийское руководство израсходовало 10,16 млрд. долл. Это привело к тому, что Ливия, занимавшая по численности населения (около 4 млн. чел.) 100-е место в мире, по количеству военнослужащих переместилась на 51-е место, по размерам прямых военных расходов— на 18-е место, по объемам импорта вооружений и военной техники — на 7-е место, по военным расходам на душу населения — на 4-е место в мире.

Несомненно, это беспокоило мировое общественное мнение и, конечно, влияло и на дестабилизацию мировой военно-стратегической обстановки. Если к этому добавить, что в период с 1982 по 1986 гг. Советским Союзом было поставлено в Ливию 47,24 % всех видов вооружений на сумму 5,8 млрд. долл., то беспокойство в мире относительно милитаризации Ливии нельзя было не увязывать с причастностью к этому Советского Союза. А между тем, военные действия в Чаде вскрыли огромные недостатки в боевой подготовке ливийских вооруженных сил, их неспособность вести боевые широкомасштабные операции, наподобие Алжира или Египта, даже в привычных для них условиях. Не на высоте оказалось большинство командиров сухопутных войск, не эффективны были ВВС, отсутствовало взаимодействие частей, и только мелкие отряды сумели как-то показать себя. "Грязная война" в Чаде, как ее называли ливийцы, была закончена только к концу 1987 г. Она, кроме потерь, негативно отразилась на моральном состоянии личного состава, где усилилось недовольство волюнтаристским курсом Каддафи.

К концу 1980-х годов регулярная армия попала по меньшей мере, под тройной надзор других военизированных формирований (войска отпора, бригада стражей Джамахирии, народная милиция и ополчение) на случай, если со стороны военных была бы предпринята попытка переворота или дестабилизации джамахирийского режима. Все это были превентивные меры на случай антиправительственных выступлений, реальной же опасности со стороны регулярных вооруженных сил в общем-то не было, хотя предпринимались попытки устранения Каддафи, как отдельными ливийцами (офицерами и гражданскими лицами) так и группами, засылавшимися извне (спецслужбами США, оппозиционными

группировками и др.). Это не означало, что было исключено антикаддафиевское выступление военных. Напротив, именно среди них в 1981–1987 гг. все отчетливее наблюдалось брожение, имели место случаи покушений на Верховного главнокомандующего, то есть на Каддафи. Так, в январе 1978 г. был арестован начальник отдела военной разведки капитан Мухаммед Идрис Шериф и с ним несколько офицеров по обвинению в подготовке террористических актов против М. Каддафи и А.С. Джеллуда. В августе 1980 г. в Тобруке начальник местного гарнизона Идрис Чехайби, некогда близкий к М. Каддафи, намеревался пригласить Каддафи в Тобрук и убить его, но был выдан сообщниками. В декабре 1981 г. полковник Халифа Кадир стрелял в М. Каддафи, слегка ранив его в плечо. В том же 1981 г. заговорщики из состава ливийских ВВС предприняли безуспешную попытку сбить самолет, на котором М. Каддафи возвращался в Триполи после его визита в СССР. В ноябре 1985 г. был казнен родственник Каддафи полковник Хасан Ишкал, намеревавшийся убить Каддафи в Сирте. В марте 1987 г. пятеро военнослужащих ливийских ВВС, в числе которых было два офицера, перелетели на транспортном самолете С-130 из Ливии в Египет, где запросили политическое убежище.

Эти случаи (а их, несомненно, больше) свидетельствовали о том, что опора режима — армия не выглядела такой монолитной, какой она была хотя бы в первые годы 1 после свержения монархии.

Ненадежность части офицерского состава армии, естественно, вызвала и принятие дополнительных мер. 31 августа 1988 г. Каддафи объявил о "роспуске классической армии и традиционной полиции" и образовании формирований "вооруженного народа", но не уточнил, какая судьба ожидает военнослужащих и куда денутся горы военной техники, закупленной за рубежом. Фактически же снова произошла "смена вывесок", а виды вооруженных сил (сухопутные войска, ПВО, ВМС, ВВС) остались отрядами "вооруженного народа", которые продолжали выполнять свои задачи под контролем ревкомов и "народного командования". Но состав военной хунты уменьшился, старую гвардию заменили "молодые" радикалы, которым Каддафи явно пошел навстречу.

"Джамахиризация"

В январе 1980 г. состоялась очередная сессия ВНК. Она приняла решение о полной ликвидации частной торговли и

создании вместо нее системы общественных и кооперативных магазинов. Решение это и последовавшие за ним меры были недостаточно подготовленными. Свертывание частной торговли, не компенсированное своевременно созданием магазинов и организаций централизованной торговли, привело к перебоям в снабжении населения товарами первой необходимости, в том числе продуктами питания. Созданная впоследствии (надо отметить, довольно быстро) сеть крупных универсамов, хотя и сняла остро ту положения, все же не смогла решить силами государственных органов продовольственную проблему.

На январской (1980) сессии ВНК было также принято важное решение об ослаблении зависимости нефтяной промышленности от иностранных (западных) специалистов. Впервые вопрос о роли иностранцев в экономике был поставлен в острой форме, ливийское руководство справедливо усмотрело здесь взаимосвязь экономического и политического аспектов. Однако многим другим граням этого вопроса еще предстояло встать во весь рост в последующем. Пока же, осуществляя программу ускоренного развития перерабатывающей промышленности, инфраструктуры и сельского хозяйства, Ливия была вынуждена наращивать и ввоз иностранных специалистов и рабочих. Подготовка же достаточного числа национальных и квалифицированных кадров существенно отставала от строительства и ввода объектов. В этом отношении вопрос о замене иностранных специалистов в нефтяной промышленности впервые указывал на возможность обратной тенденции, поскольку нацеливал и на ускоренное замещение их вакансий местными кадрами.

Сессия ВНК приняла и другие постановления. В частности, был издан Закон о социальном обеспечении. Были уволены в отставку руководители народных секретариатов (министры), представлявшие зажиточную часть населения и тормозившие процесс национализации.

В 1980 г. продолжалась активная борьба с коррупцией, в которой широко участвовали представители ревкомов. Она проходила на фоне усилившихся трудностей со снабжением населения, что вело фактически к обесцениванию денег и нарастанию спекуляций.

В феврале 1980 г. состоялся 3-й съезд ревкомов, принявший решение о развертывании кампании против коррупции внутри страны и о борьбе с зарубежной оппозицией. С февраля по апрель 1980 г. было арестовано более двух тысяч лиц, уличенных в коррупции. Все они предстали перед судом.

В январе 1981 г. сессия ВНК утвердила пятилетний план экономического и социального развития страны на 1981–1985 гг.

Целью пятилетки провозглашалось создание в СНЛАД производительного социалистического общества на основе принципов "третьей мировой теории". Основная часть ассигнований, предназначенных на цели развития, направлялась в перерабатывающую промышленность, сельское хозяйство, систему образования и здравоохранения, в жилищное строительство. Новым генеральным секретарем ВНК был избран М.З. Раджаб.

На сессии было принято также решение об окончательном наступлении на частную торговлю. Был установлен график: до 28 марта 1981 г. ликвидировать все частные магазины по продаже текстильных товаров, обуви, бытовых приборов; до 30 апреля мясные; до 31 декабря — бакалейные лавки.

Затем этот процесс был ускорен. 1 апреля 1981 г. было объявлено об отмене частной торговли. Всем владельцам было предложено закрыть свои лавки или передать их в ведение государственных фирм. Одновременно центральный штаб ревкомов (его возглавлял Джеллуд) призвал к борьбе с ливийской эмиграцией, среди которой было немало дельцов, сумевших перевести свои капиталы за границу. При поддержке западных и некоторых арабских спецслужб они пытались организовать борьбу против режима. В ответ при ЦК ревкомов была образована специальная секция по борьбе с контрреволюцией, были выпущены листовки, предупреждавшие о возмездии по отношению к тем, кто поднимет руку на "власть народа".

Конечно, это было очередное "забегание вперед". В условиях, когда социальные противоречия в стране были "приглушены" лавиной нефтедолларов, эта мера на первый взгляд не вызвала открытого противодействия. Однако, это был, несомненно, левацкий перегиб, от которого в первую очередь пострадали мелкобуржуазные слои и средняя национальная буржуазия, составлявшие социальную опору режима.

С 1982 г. руководство СНЛАД ускорило проведение политических преобразований в рамках совершенствования системы "прямого народовластия"; были приняты меры по укреплению административной структуры, связанной с народными комитетами в центре и на местах, по расширению деятельности самих местных комитетов в различных областях общественной жизни при одновременном уточнении функций ревкомов, перегибы которых начали негативно влиять на всю внутриполитическую обстановку в стране.

Однако, основная угроза режиму таилась в среде экономики. Начиная с 1982 г. цены на нефть на мировом рынке резко пошли вниз, а с ними начали снижаться и доходы Ливии. В Триполи,

конечно, предвидели, что рано или поздно это произойдет, и принимали меры по подготовке страны к "посленефтяному периоду". Но многие из намеченных проектов еще не были реализованы, спад наступил значительно раньше, чем того ожидало увлекшееся радикализмом революционное руководство.

Несмотря на меры по упорядочению и совершенствованию правовых основ "прямого народовластия", с 1982 г., когда заметно пошел на убыль "нефтяной бум", уровень жизни всех слоев населения начал снижаться. Появились перебои в снабжении населения предметами первой необходимости и продуктами питания, начался рост цен. Это было вызвано прежде всего ухудшением валютно-финансового положения страны, но в сознании среднего ливийца это ассоциировалось с бесперспективностью и неэффективностью политики властей в рамках джамахирийской системы.

Сложность создавшегося положения состояла еще и в том, что решения народных комитетов не выполнялись, поскольку массы, выдвигавшие проекты резолюций на сессии ВНК, не хотели сами претворять их в жизнь, надеясь прежде всего на иностранную рабочую силу. Хотя критике подвергались исполнители, то есть секретари отраслевых комитетов, было ясно, что эта критика направлена и в адрес революционного руководства и его политики.

Именно в это время Каддафи начал понемногу пересматривать прежние установки в экономической сфере. Проходившая в феврале 1983 г. очередная сессия ВНК выдвинула лозунг "опоры на собственные ресурсы". Провозглашение этого лозунга было продиктовано рядом причин. В первую очередь, оно было обусловлено изменившейся в худшую для Ливии сторону конъюнктурой мирового нефтяного рынка, в результате чего возникла острая необходимость экономии ресурсов, уменьшения зависимости от импорта. Для этого в стране уже существовали определенные условия. Происходило формирование индустриального комплекса. Ливия в принципе могла обеспечивать себя многими товарами и другими изделиями промышленного производства, однако имевшиеся мощности использовались явно неэффективно. Неудовлетворительно развивалось и сельскохозяйственное производство, в результате чего страна была вынуждена импортировать значительное число продовольственных товаров.

Исходя из выдвинутого лозунга, сессия ВНК приняла ряд решений, направленных на экономию государственных средств и более рациональное их использование, на повышение эффективности промышленного производства и стимулирование

выпуска продовольственных товаров, на рационализацию потребления товаров массового пользования.

Кроме того, были приняты решения о запрещении эксплуатации рабочей силы на предприятиях, включая ремесленные, а также о запрещении "торговых отношений" между гражданами Джамахирии. Продолжая линию на создание "вооруженного народа", ВНК принял программу широкого привлечения трудящихся к военному обучению, Был создан специальный комитет по возвращению ливийских эмигрантов на родину, благодаря деятельности которого в течение 1983 г. в СНЛАД возвратилось несколько тысяч человек.

Резолюции ВНК, равно как и ранее принятые решения проводились в жизнь не без трудностей, из-за их недостаточной проработанности и нередко слабой компетентности исполнителей и в связи с негласным сопротивлением части административного аппарата. Недовольство курсом на экономию валютно-финансовых ресурсов, а также мерами, принятыми против частной торговли, равно как и падение жизненного уровня усиливали оппозиционные настроения, особенно среди части офицерства и интеллигенции.

В ответ была развернута кампания по борьбе с оппозиционными тенденциями и коррупцией. Весной 1983 г. под руководством ревкомов подвергались чистке органы массовой информации и офицеры, представлявшие потенциальную опасность для режима.

В связи с решениями ВНК об усилении эффективности экономики впервые остро был поставлен вопрос о снижении зависимости Ливии от иностранной рабочей силы, составлявшей значительную часть всех работавших в стране. Был намечен курс на постепенное сокращение доли иностранных рабочих в экономике. В течение 1984 г. начали осуществляться меры по уменьшению численности иностранцев, занятых в портах и в коммунальном секторе. В ряде кампаний, в частности, по озеленению, по призыву М. Каддафи и при его личном участии стали активно использоваться "народные инициативы", то есть добровольный труд ливийских граждан, прежде всего учащихся средних школ и студентов.

Выступая на сессиях местных народных комитетов и конце 1983 — начале 1984 г., М. Каддафи призывал ливийцев принимать более активное участие в совершенствовании хозяйственного механизма и в производительном труде, подчеркнув, что довольно большая часть ливийцев по-прежнему не участвует в производительной деятельности. Активное участие лидера ливийской революции в сессиях первичных и местных

народных конгрессов в 1983–1984 гг. было не случайным. Это связано со стремлением ливийского руководства активизировать деятельность органов "прямого народовластия" с тем, чтобы они стали подлинными центрами политической жизни и активным звеном принятия важнейших государственных актов.

Хотя решения по-прежнему принимали окончательное законодательное оформление на сессиях ВНК, они проходили все более основательную "прокатку" на первичных народных собраниях, причем от того, как реагировали на них последние, в значительной мере стало зависеть, выносились ли те или иные проекты на очередную сессию ВНК. Так, в течение 1984 г. активно обсуждались вопросы совершенствования народного образования. Следует отметить, что к этому времени были достигнуты значительные успехи в области просвещения. Уже к середине 1970-х годов начальным образованием были охвачены практически 100 % ливийских детей, включая и девочек. В начале 1980-х годов началось продвижение к всеобщему охвату детей неполным средним образованием.

В 1984 г. на рассмотрение первичных народных конгрессов была выдвинута идея о передаче начального образования детей непосредственно в семью, к чему призывал Каддафи. Однако, это не получило одобрение первичных народных конгрессов, и, соответственно, не было выдвинуто на другой, более высокий уровень.

Наибольшей активностью отличался 1985 г. — год "исправительных мер", Выступая 4 января 1985 г., Каддафи подверг критике "импортную политику". "Имеется два типа товаров, — сказал Каддафи. — Первый тип — это такие товары как, например, сахар и чай, без импорта которых не обойтись. Второй же тип — это товары, которые можно производить у себя и отказаться от их закупки за рубежом, благодаря чему сэкономить значительные средства" 16. Ко "второму" типу товаров Каддафи отнес продовольствие, в первую очередь молочные продукты, мясо, рыбу, а также те стройматериалы, сырье для которых имеется в Ливии. Он предложил ввозить в Ливию только те виды сырья для ливийских заводов и фабрик, которыми страна не располагает, и выделить на это в 1985 г. около 449 млн. лив. динаров.

Самым важным, что было предложено, был переход на путь самообеспечения и отказа от роскоши и излишеств через претворение в жизнь лозунга "джамахиризации".

Под "джамахиризацией", пояснял Каддафи, понимается взаимозаменяемость членов общества в различных сферах общественной деятельности. "Подобная взаимозаменяемость, по

Каддафи, приведет к увеличению производства и продолжению наращивания его темпов, позволит каждому ливийцу освоить различные специальности". "Джамахиризация"— это качественно новый "скачок" в развитии", — сказал он.

Каддафи призвал к созданию так называемых "джамахирийских кварталов". В таких кварталах население овладевает требуемыми специальностями, организует производство различных видов продукции и переходит на частичное самообеспечение". Джамахирийский квартал, — подчеркнул Каддафи, — это маленькая Джамахирия в масштабах города, объекта, района, муниципалитета". Он потребовал, чтобы все города превратились из скопления потребителей в города-производители. "Этим самым будет создаваться передовое общество производителей, а не потребителей, как сейчас". Конечно, для ливийских условий это было нереально, пахло массовым обобществлением при отсутствии необходимых на это сил и средств, но волюнтаризм Каддафи уже некому было остановить. Каддафи предложил принять законопроект, предусматривающий предоставление права всем ливийским гражданам приобретать акции государственных предприятий и, таким образом, становиться их совладельцами, получая долю прибыли. Он коснулся проблемы окупаемости государственных заводов и частных фирм и подчеркнул необходимость возвращения затраченных на их строительство средств в государственную казну, поставил вопрос о полной подотчетности этих предприятий перед народом и комитетами.

Эта программа получила название "Курс экономии и опоры на собственные силы".

6 мая 1985 г. на внеочередной сессии ВНК Каддафи развил некоторые положения "нового экономического курса". "Народным собраниям низовых комитетов, — сказал он, — следовало бы обсудить главные направления плана развития, затрагивающие интересы всего народа, такие как создание кооперативов по возделыванию зерновых культур. Народ, который кормится из-за моря, не свободен. Отсюда следует, что мы должны освободиться от сиюминутных потребностей и больше думать о строительстве заводов, которые бы работали на местном сырье…".

Неотложные меры, предложенные Каддафи, стали предметом общего заседания основных (первичных, базовых) народных собраний (ОНС), народных комитетов, профессиональных союзов и объединений и Всеобщего народного конгресса Десятого созыва, проходившего в период с 26 февраля по 2 марта 1985 г. Там были высказаны следующие предложения по "оздоровлению экономики": обеспечить занятость учащихся; сократить

численность служащих, работающих в административном аппарате и направить их на работу в сферу производства; сократить число иностранных рабочих; свести до минимума ассигнования на поездки за границу; пересмотреть программу "всеобщей мобилизации"; уделить больше внимания сбыту сельскохозяйственной продукции.

Было признано целесообразным: усилить внимание к развитию сельского хозяйства; улучшить труд и быт сельскохозяйственных рабочих; расселить жителей по производственному принципу; улучшить систему отчетности о проведенных расходах; предусмотреть строительство складских помещений для хранения продукции лесного хозяйства и промышленности; увеличить число мелких предприятий по оказанию услуг населению; расширить сеть мелких предприятий; взять под особый контроль потребление; оказать помощь кооперативным союзам; рассмотреть проблему ценообразования.

ОНС обсудили проект бюджета развития на 1985 г. и постановили утвердить его в размере 1 млрд. 700 млн. лив. дин. и административный бюджет в размере 1 млрд. 200 млн. лив. динаров.

Очень бурно обсуждался торговый бюджет. Общая сумма, выделенная на закупку товаров за границей, составила 1 млрд. 518 млн. лив. дин. Было решено: ввозить только те товары, которые нельзя производить местной промышленностью; отдавать предпочтение продовольственным товарам, лекарствам, медицинскому оборудованию; развивать компании и промышленные предприятия, использующие местные ресурсы; уделять особое внимание сельскохозяйственному производству, стимулировать развитие животноводства и уменьшить импорт его продуктов; расширять строительство ремонтных мастерских и организовать производство запасных частей в достаточном количестве; контролировать импорт из братских стран, имеющих торговые договоры с Джамахирией.

Для "ускорения претворения в жизнь" лозунга "дом для того, кто в нем живет", ОНС рекомендовали разработать положение о "типовом доме" и постановили запретить использование жилого фонда для административных помещений, а также принять меры к размещению различных производственных учреждений в специальных производственно-административных зданиях.

Для претворения в жизнь лозунга "джамахиризация" ОНС высказались за разработку законопроекта об образцовых районах и о преобразовании поселений городского типа в "производительные города и поселки", где:

а) определять промышленные и сельскохозяйственные

предприятия вокруг поселков для направления туда жителей с целью увеличения их производственного потенциала и самообеспечения;

б) объединить ремесленников и мастеровых в производственные кооперативы;

в) поощрять миграцию из городов в сельские районы, предоставляя необходимые услуги имеющим земельные участки для возвращения на эти участки с сохранением их основной работы;

г) ориентировать семьи на надомные работы по согласованию с местным предприятиями;

д) перераспределить сельскохозяйственные фермы, используемые с низкой эффективностью из-за недобросовестности их владельцев, отдавая предпочтение имеющим ограниченные доходы.

Было утверждено деление страны на три сельскохозяйственные зоны: береговая полоса; орошаемые и богарные земли; внутренние области и оазисы — с определением размеров лесной собственности в каждой из них и земель, пригодных для земледелия. ОНС призвали административные органы поддерживать крестьянство путем предоставления ему субсидий, соблюдать принцип наследования, исключить из распределения пастбища и земли, занятые под зерновые; перевести на выращивание зерновых площади, малопригодные для других культур, и распределять земли только после их освоения, согласно очередности, отдавая предпочтение ливийцам, объединившимся в сельхозкооперативы.

Десятая сессия ВНК, закончившаяся 2 марта 1985 г., обсудила и приняла 20 законодательных актов — главным образом экономического характера.

В отличие от прошлых лет в прессе были опубликованы результаты раздельного голосования (в процентах) по каждому из законов.

В эти годы происходили определенные изменения в официальной идеологии. Постепенно приглушалась критика марксизма. Хотя в "Зеленой книге" и в издававшихся в течение конца 1970-х— первой половине 1980-х годов пояснениях к ней, такая критика продолжала иметь место, в выступлениях лидера ливийской революции она звучала все реже, сводясь главным образом к критике действительно имевших место застойных явлений в социалистических странах.

Осенью 1985 г., выступая по системе телесвязи перед участниками научно-политического коллоквиума в Париже, посвященного опыту Джамахирии, М. Каддафи впервые заявил о

том, что его "третья теория" является продолжением других прогрессивных социалистических учений, в том числе марксизма. В этом же выступлении он подчеркивал близость джамахирийской политической системы с системой Советов в СССР.

Последующие два года оказались временем суровых испытаний за всю послереволюционную историю.

В конце 1985 г. правящие круги США пришли к выводу, что ливийское руководство не только политически и экономически, но и идеологически сближается с СССР и Восточной Европой. Чтобы помешать этому, администрация США решила предпринять усилия по изменению режима в СНЛАД, включая возможность физического устранения М. Каддафи.

В начале 1986 г. в стране складывалась непростая обстановка. Шла подготовка к выборам в народные комитеты, окружные и муниципальные народные конгрессы, а затем и в ВНК. В связи с этим вновь подняла голос оппозиция. В США и на Западе надеялись, что такая обстановка может привести к взрыву трайбализма, вызвать разногласия в руководстве страны, тем более, что все это происходило на фоне экономических трудностей, связанных с падением доходов от продажи нефти.

Однако, несмотря на сложности, выборы прошли нормально, изменения в расстановке сил находились в русле устремлений руководства. Состоявшаяся в конце февраля — начале марта 1986 г. сессия ВНК закрепила эти изменения. Генеральным секретарем ВНК были избраны М.У. Омар, секретарем ВНКОМ — О. Мунтасер.

После этого американская администрация прибегла к прямым актам агрессии против СНЛАД. В конце марта были спровоцированы вооруженные инциденты у ливийских берегов с обстрелом ливийского побережья. 15 апреля авиация США произвела атаку на столицу г. Триполи с бомбардировкой ряда объектов, включая резиденцию М. Каддафи. При этом США рассчитывали на то, что эти акты могут послужить сигналом для выступления контрреволюционной оппозиции. Делался и прямой расчет на то, что в ходе бомбардировки мог быть убит лидер ливийской революции.

Эти расчеты не оправдались. Хотя в ходе бомбардировки пострадала семья М. Каддафи, сам ливийский лидер не пострадал. Эти акции США вызвали такую волну консолидации населения вокруг М. Каддафи, при которой любое выступление оппозиции стало невозможным, поскольку было бы однозначно воспринято подавляющей частью народа как предательство его интересов. В этой ситуации и экономические трудности стали

восприниматься совершенно иначе, чем до американской агрессии. Весь 1986 г. прошел под знаком укрепления и углубления патриотических настроений в стране. Одновременно летом 1986 г. ливийцам удалось найти дополнительные рынки для сбыта нефти в Европе, куда они начали поставлять ежесуточно 96 тыс. т.

Тем не менее, по утверждению журнала "World Oil", экспортные доходы Ливии в 1986 г. остались низкими, на уровне 5 млрд. долл. По сравнению с 1980 г. они упали в четыре с лишним раза. Это вынуждало "затягивать ремни". Инвестиционный бюджет на 1986 г. был определен на сумму 1,7 млрд. лив. динаров (около 5,8 млрд. долл.) бюджет развития —1364 млн. лив. дин. (около 4,6 млрд. долл.), что, конечно, хватало только на то, чтобы свести концы с концами. Экономическое положение страны еще более ухудшилось, и у революционного руководства не оставалось ничего другого, как прибегнуть к "реанимации" частного сектора.

26 марта 1987 г. Каддафи заявил, что, хотя "частная предпринимательская деятельность и имеет элементы эксплуатации, в сложившейся ситуации она становится необходимостью, особенно в сфере обслуживания". Он объявил о том, что в СНЛАД вновь разрешается иметь собственные кафе, рестораны, отели, небольшие магазины "без эксплуатации чужого труда". Одновременно Каддафи призвал к созданию семейных ферм в сельских местностях, а также к переходу на семейные подряды в государственных сельскохозяйственных фермах. Он обратился с призывом создать кооперативы рабочих на промышленных предприятиях и поднять тем самым производительность труда. Одновременно из тюрем были выпущены все заключенные, кроме рецидивистов и "шпионов". Ревкомам запрещалось впредь арестовывать людей. В июле 1987 г. ВНК создал секретариат по делам революционной ориентации Джамахирии, взявший под свой контроль работу "необузданных радикалов" из революционных комитетов. Всем ливийцам было разрешено свободно выезжать за рубеж. Число секретариатов было сокращено вдвое. В то же время число фирм, получивших коммерческую самостоятельность, увеличилось в несколько раз. Признание многоукладное™ ливийского общества явилось отражением конструктивного развития всей модели ливийской системы народовластия. Государственный сектор остался ведущим, но наряду с ним был реанимирован частный сектор, созданы смешанные компании и предприятия, новый импульс был придан кооперативному предпринимательству. Это значительно оживило хозяйственную деятельность в стране,

подняло социальную активность трудящихся Ливийской Джамахирии.

Большое значение для стабилизации обстановки внутри страны имело прекращение войны с Чадом. Решение ливийского правительства было воспринято народом позитивно. Вслед за этим началось бурное сближение со странами-соседями — Алжиром и Тунисом.

1 сентября 1988 г. были предприняты новые шаги по пути "либерализации". Было объявлено об упразднении всех государственных импортно-экспортных компаний, что дало возможность фирмам, занятым в сфере производства, напрямую выходить на мировой рынок.

Политическое воздействие реформ в Ливийской Джамахирии оказалось сильнее экономических результатов. Ливийцы снова заулыбались, что за годы "после бума" было редкостью. Торговцы, вчерашние "паразиты", которых ревкомовцы подвергали публичным экзекуциям, вновь стали равноправными гражданами страны. Пожалуй, в 1987 г. Ливия перевернула самую трудную страницу своей послереволюционной истории.

Глава V
Ливийская оппозиция

Несмотря на недовольства внутри страны "революционным курсом" Каддафи и ухудшением экономического положения, оппозиция внутри страны так и не сумела ни организоваться, ни нанести правящей элите серьезных ударов. Она затаилась в ожидании, когда кто-то (например, военные) свергнет Каддафи или попытается хотя бы заменить его.

Под "кто-то" в Ливии подразумевали еще и внешнюю оппозицию. Первыми оппозиционными группировками за рубежом стали созданные в 1976 г. Хуни и Мохейши "Национальный ливийский союз" и "Ливийское национальное демократическое движение" во главе с бывшим издателем газеты "Аль-Майдан" Фаделем Масудом. В 1979 г. они объединились, но подняться до уровня организаторов и вдохновителей борьбы против режима Каддафи так и не смогли.

Ливийская оппозиция за рубежом оказалась слишком разобщенной. К ней к 1987 г. себя причисляли более десятка "движений", не считая некоторых "независимых" деятелей. Главную роль в оппозиционных группировках играли лидеры, участвовавшие в свержении короля Идриса или в революции на первом ее этапе, то есть преследовавшие в борьбе с Каддафи амбициозные личные цели. С ними на равных развили деятельность и исламские фундаменталисты.

За рубежом вышел ряд исследований, посвященных деятельности ливийской оппозиции. Наиболее полно, на наш взгляд, это сделали А. Лайсетт и Д. Бланди, издавшие в 1987 г. в Лондоне монографию "Каддафи и ливийская революция", в которую вошли материалы бесед авторов с бывшими ливийскими политическими, общественными и военными деятелями, а также многие документы. О деятельности за рубежом противников М. Каддафи писали также американка Л. Андерсон, испанские ученые С. Мер-вин и М. Бальк, французский востоковед Ф. Бюрга, швед Л.

Меллер-Расмусен и др.

По их данным, если их обобщить, за пределами Ливии были известны следующие оппозиционному режиму М.Каддафи группировки.

Национальный фронт спасения Ливии (НФСЛ). Основан в октябре 1981 г. в Хартуме Мухаммедом Юсефом Могарефом, экономистом, ушедшим с поста посла в Индии в 1980 г. в знак

протеста против волны покушений на представителей ливийской оппозиции в Европе.

Согласно учредительному манифесту, Фронт "открыт для всех ливийцев, независимо от возраста, идеологии и политической принадлежности". Первыми его членами стали деятели, принадлежавшие к Исламской ассоциации Ливии, а позднее представители монархических (например, Сейф ан-Наср), торговых и дипломатических (например, Азиз Омар Шаниб, посол в Иордании до 1983 г.) кругов. До соглашения в Уджде в 1984 г. (между Триполи и Рабатом) НФСЛ пользовался поддержкой марокканцев, но не они, а Саудовская Аравия оказывала основную финансовую помощь Фронту (посредником выступал Муста-фа бен Халим, бывший премьер-министр при короле Идрисе, который позже входил в число приближенных саудовского монарха).

После свержения Нимейри НФСЛ перебазировался из Судана в Ирак, где он располагал радиостанцией, ведшей передачи на Ливию, и тренировочными лагерями.

Организация взяла на себя ответственность за нападение на казармы в Баб эль-Азизия в мае 1984 г., названное операцией "Бадр". Нападение потерпело неудачу, но, как сказал Али Бусак, ответственный за службу информации Фронта, "оно позволило привлечь на сторону оппозиции некоторых военнослужащих и установить связь с гражданской оппозицией, которая впервые взялась за оружие. Каддафи понял, что оппозиция полна решимости свергнуть его, что само по себе для нее уже было успехом".

Фронт располагал шестью представительствами (тремя в арабских и тремя в западных странах). Каждые 45 дней он публиковал отчеты о своей деятельности.

Фронт часто обвиняли в том, что он финансируется ЦРУ США, а его членов — "в оппортунизме".

"Ливийский национально-демократический союз". Образован в результате объединения "Ливийского национально-демократического движения", созданного в 1976 г. Фаделем Масудом, и "Ливийского национального союза" Мохейши и Хуни.

Лидер группировки Махмуд Маграби был премьер-министром при Каддафи с сентября 1969 г. до января 1970 г. Затем он был назначен послом в Англию и стал невозвращенцем в 1977 г. Маграби окружил себя группой интеллигентов, которые, в отличие от других, считали, что Каддафи осуществил не только государственный переворот, но и "насильственную" революцию. Союз утверждал, что выступает против насилия и не имеет вооруженных формирований.

"Вместо подготовки 200–300 бойцов, которые не могут идти в счет по сравнению с армией Каддафи, мы предпочитаем вербовать сторонников среди военных", — сказал Мухаммед Бусир, один из руководителей Союза.

"Ливийское национальное движение". Основано адвокатом Имраном Бутрусом в 1979 г. Местопребывание — Ирак. Теоретическая платформа "движения" была близка к идеологии партии Баас. Движение издавало журнал "Саут ат-Талиа" ("Голос авангарда"). Возглавлял его Мухаммед Сука р.

"Ливийская организация освобождения". Создана в 1982 г. в Каире Абдель Хамидом Бакушем— премьер-министром при короле Идрисе. Бакуш дважды арестовывался при режиме Каддафи. Ему удалось бежать из Ливии, после чего он обосновался в Каире. Две попытки Каддафи ликвидировать Бакуша (в 1984 и 1985 гг.) потерпели неудачу. По-видимому, эта организация не была многочисленной. Один из ее членов заявил, что он борется за "демократию, свободу и социальную справедливость" и является поборником "исламской демократии" без коммунистов.

"Ливийская национальная партия". Основана Баширом Рабти, бывшим премьером Федерации арабских республик (Ливия, Сирия и Египет) в 1983 г.

Деятельность этой партии ограничивалась в основном пропагандистской войной против режима Каддафи. Один из членов партии Мустафа аль-Барки обосновал необходимость переходного пятилетнего этапа (после свержения Каддафи), чтобы подготовить страну к введению демократической системы правления. Он утверждал, что внутри страны среди учащихся действуют два интегристских движения: "Революционный совет народа Аллаха" и "Движение 7 апреля". Под влиянием "Интегристов", по их мнению, находился НФСЛ, но НФСЛ квалифицировал такое заявление "искажением фактов". Согласно другим источникам, Могареф использовал молодых интегристов в авантюристической атаке на казарму Баб аль-Азизия в 1984 г.

На Западе считали, что для ливийской оппозиции с 1982 г. наступили хорошие времена. Однако на самом деле это было не так. Идеологические споры и конфликты между отдельными деятелями вызывали расколы. Отсутствие сильного лидера, способного объединить вокруг себя различные движения, приводило к соперничеству между их руководителями. Как сказал Абдель Монейм аль-Хуни, бывший член СРК, "не может быть единства, пока центры оппозиции не находятся в одном месте".

Отражались на деятельности ливийских оппозиционеров политика и трудности различных арабских стран. Ирак не

предоставлял им помощи до начала войны с Ираном, несмотря на значительное число проиракских баасистов среди оппозиции. Саудовская Аравия, наоборот, постоянно оказывала финансовую поддержку. После 1986 г. Марокко обвиняли в том, что оно "продало" Мохейши и других оппозиционных деятелей ливийскому режиму после договоренности о сближении между Марокко и Ливией. Как утверждали представители Национального фронта спасения Ливии, Каддафи применит этот прием и к оппозиционерам в других странах, но этого больше не повторилось.

"Ливийское национальное движение борьбы". Возникло в 1981 году под названием "Ливийская национальная армия спасения". Один из ее членов заявил: "У нас нет базы, но основная часть нашей организации действует внутри страны". Это движение, состоявшее преимущественно из бывших военных, придерживалось методов вооруженной борьбы, почему Каддафи считал его наиболее опасным.

"Буркан" ("Вулкан"). Тайная организация. Взяла на себя ответственность за убийство Амина Тигази, ливийского представителя в Риме, в январе 1984 г. Как утверждали некоторые оппозиционные источники, "Буркан" проводил операцию совместно с палестинцами и иракцами. Полагали, что она использовала в качестве прикрытия другие группировки, например, "Ливийское национальное движение борьбы".

"Ливийский демократический фронт". Создан в США в 1980 г., представлял собой небольшую группировку "прогрессистов", называвших себя марксистами. Имел периодический орган "Аль-Ватан". Добивался объединения с "Ливийским национально-демократическим союзом", но безуспешно.

"Ливийский конституционный союз". Основан в 1981 г. В 1983 г., когда умер король, члены этого союза, монархисты, призвали к соблюдению конституции 1952 г. Организация была крайне немногочисленной.

"Всеобщая организация ливийских студентов". Располагала секциями в США, Англии, ФРГ, Италии, Греции, Египте. Численность и лидеры так и остались неизвестны.

"Интегристы". Ассоциация, близкая к "Братьям-мусульманам", не претендовала на ведущую роль в политике. "Фанатики иранского типа", — так писали об "интегристах" С. Мервин и М. Бальк.

Чтобы стать эффективной, вся оппозиция должна была бы сосредоточиться в любой соседней с Ливией стране. Однако, Египет, испытывавший серьезные политические и экономические

проблемы, предоставлял лишь убежище. Судан, Алжир, Тунис, значительно улучшившие свои отношения с Ливией, отказывали даже в этом. Что касается Чада, то он мог бы быть базой для ливийской оппозиции, но для этого надо было заручиться французской поддержкой, а Париж на это не шел.

"В нашей ситуации отражаются противоречия в арабском мире", — признал Аль-Хуни. "Иностранные государства склонны использовать нас, не желая в действительности оказывать нам помощь". "Различными путями, — рассказывал Мухаммед Могареф, лидер "Национального фронта спасения Ливии", — израильская "Моссад" предлагала свое сотрудничество в свержении Каддафи. Однако мы категорически отвергли это предложение, как и другие". Французские службы, по-видимому, помогали Махмуду Маграби, руководителю "Ливийского национального демократического союза", в организации его движения — хотя тот опроверг это сообщение — и были замешаны в неудачном мятеже в Тобруке. США предложили свою помощь "Ливийскому национальному демократическому союзу" в момент его создания, но с условиями. Предложение было отвергнуто. Союз оказался весьма щепетильным в вопросе о своей независимости.

Американская бомбардировка Бенгази и Триполи в 1986 г. была осуждена всеми ливийскими оппозиционными организациями, но с некоторыми нюансами. Если большинство их квалифицировало ее как "террористический акт", то член "Ливийской организации освобождения" заявил, что в принципе он против, но готов одобрить такую акцию, если она сможет дестабилизировать режим…".

В итоге, по мнению Могарефа, "американская бомбардировка приободрила оппозицию в том смысле, что она ослабила Каддафи, но в тоже время осложнила ситуацию. Теперь, если бы была предпринята какая-либо акция против Каддафи, можно было бы подумать, что она была организована американцами". Поэтому Л. Андерсон, профессор Колумбийского университета и специалист по Ливии, которая до бомбардировки предсказывала свержение Каддафи, заявила в 1986 г., что отстранение полковника от власти "менее вероятно".

Хотя некоторые оптимистически настроенные представители оппозиции заявляли, что дни Каддафи сочтены, его свержение не казалось неизбежным. По мнению Хуни, "бомбардировка США способствовала усилению его власти".

"Любые перемены могут исходить только от армии. Внешняя оппозиция не способна вмешаться без поддержки вооруженных сил. Отсутствие у военных достаточного количества боеприпасов

— единственная причина отсрочки падения режима Каддафи", — полагал Могареф, утверждавший, что племя Каддафи контролирует все склады и ничего оттуда нельзя вынести без его личного согласия. Придя к власти с помощью армии, Каддафи никогда не доверял ей. Теперь вооруженные силы контролируются еще и революционными комитетами".

Хотя оппозиционеры не имели между собой ничего общего, кроме основной цели — ликвидировать Каддафи, они расходились не только относительно будущей стратегии, но и в вопросах тактики. Некоторые группировки хотели восстановления монархии и конституции 1951 г., другие — установления республики западного образца, а исламские интегристы — республики по хомейнистскому образцу. Некоторые были против насилия, другие за использование его; одни желали заручиться поддержкой западных государств, другие выступали против.

В сентябре 1981 г. было объявлено о проведении в Хартуме конференции всех оппозиционных группировок для создания правительства в изгнании. Однако инициатива потерпела неудачу.

Из оппозиционных лидеров самыми крупными к концу XX в. признавались трое.

Мухаммед Юсеф Могареф — лидер НФСЛ. В оппозицию перешел в 1980 г. Пять его братьев сидели в тюрьме в Ливии. Сам он был заочно приговорен к смертной казни и на него было совершено несколько покушений. Чтобы выжить, постоянно перемещался между Лондоном, Нью-Йорком, Каиром и Хартумом. В свое время получал большую помощь от Нимейри. По утверждению Могарефа, многие офицеры ливийской армии имели контакты с руководимой им организацией. Они поддерживали стремление НФСЛ учредить парламентскую республику, санкционированную конституцией, утвержденной на референдуме.

Ради достижения этой цели Могареф не останавливался и перед использованием вооруженной борьбы. В апреле 1984 г., вскоре после убийства женщины-полицейского перед зданием ливийского посольства в Лондоне, оппозиция заявила: "Наступило время действовать". И 8 мая 1984 г. группа повстанцев атаковала казарму Баб аль-Азизия — штаб квартиру Главного военного командования Ливии.

Могареф, находившийся в Лондоне, взял на себя ответственность за эту акцию. Он заявил: "Нападение было запланировано изнутри и совершено ливийцами, единственную связь которых с заграницей представляем мы. Нападавшие входили в группу "Дело спасения", представлявшее военное крыло

"Национального фронта спасения Ливии". Официальный Триполи, конечно, все отрицал, приписав ответственность за нападение террористам.

Абдель Хамид Бакуш — бывший премьер-министр короля Идриса, лидер "Организации освобождения Ливии". Он попытался осуществить государственный переворот в июле 1970 г., но, потерпев неудачу, бежал в Египет. Бакуш был наиболее авторитетным деятелем оппозиции, поддерживавшим идею восстановления монархии. Однако в тактическом плане он выступил с инициативой сформирования единого оппозиционного фронта ради свержения Каддафи. "Каким будет государственный строй, народ определит сам", — заявил он. Но остальные лидеры оппозиции не ответили на это: монархический строй в Ливии восстановить так и не удалось. Бакуш не имел собственных военных отрядов ("милиции") и не предпринимал военных акций против ливийского режима. Он понимал, что не представляет серьезной опасности для Каддафи, но испытал четыре покушения на свою жизнь.

Бакуш делал ставку на растущие разногласия в армии, призывал к экономической блокаде Ливии со стороны Запада, что, по его мнению, "более эффективно в борьбе с Каддафи, чем военные операции Рейгана". Но Бакуш — либерал по убеждениям и потому мало кто согласился бы на то, чтобы он вернулся к власти. Он был "не тот" и представлял "вчерашний день" Ливии.

По мнению ливийских эмигрантов в Каире, подлинным кандидатом на пост руководителя страны "после Каддафи" мог бы быть Абдель Монейм аль-Хуни. Он окончательно перешел на сторону противников революционного руководства, трижды испытал попытки покушения на свою жизнь. Многие утверждали, что именно Хуни мог бы объединить оппозицию, разбросанную в различных столицах мира.

Однако, Л. Меллер-Расмусен из копенгагенского журнала "Информасион", считал, что самыми опасными для Каддафи были исламские оппозиционные группировки. По его мнению, поддерживаемому французским востоковедом Ф. Бюрга радикальные мусульмане выступали против Каддафи по трем причинам: они против политики "социализации", тотального политического контроля ("политической унификации") правящего режима над мечетями, и, наконец, что кажется парадоксальным, против религиозного фундаментализма Каддафи. Последнее состояло в том, что Каддафи выступал за отказ от собрания преданий о высказываниях и поступках пророка Мухаммеда, составляющих важную часть основы традиционного ислама, и утверждают, что ливийцы должны разрабатывать исламские

законы исключительно на базе Корана. Это вызвало протест большинства консервативного исламского духовенства, и оно прервало "диалог" с режимом Ливии.

Ф. Бюрга писал, что деятельность оппозиции тревожила Каддафи. В октябре 1986 г. один из членов революционных комитетов был убит в Бенгази группой, называвшей себя "Хезболлах", подобно радикальному крылу шиитов в Ливане. Вслед за этим власти закрыли все 48 исламских институтов страны, которые они расценили центром опасной оппозиции. "Революционные комитеты усиливают контроль над мечетями и их чересчур верующими прихожанами, — заключил Бюрга. — Политическое разочарование, культурный вакуум, дезорганизация экономики с каждым днем создают новые предпосылки внутренней напряженности".

Однако, несмотря на значительное осложнение внутриполитической обстановки в Ливии и размывание социальной базы режима, условия для прихода к власти умеренного или тем более прозападного правительства в Ливии практически отсутствовали. Политический капитал М. Каддафи в Ливии остается значительным. Более 60 % населения страны — это молодежь, которая воспитывалась на идеях и речах М. Каддафи. Она составляет главную опору режима. Вероятность того, что М. Каддафи добровольно передаст власть кому-либо из своего окружения тоже исключена. Об этом он заявил на заседании ВНК 19 декабря 1985 г., отметив, что "у пророка Мухаммеда не было заместителей. Ошибкой Г.А. Насера было то, что его заместителем являлся Садат, изменивший линии Насера после прихода к власти и признавший сионистского врага".

По нашему мнению, шансы прихода к власти представителей внешней оппозиции равны нулю. Если что-то и произойдет в Ливии, то только внутри страны — путем политических комбинаций или физического устранения Каддафи.

Такой же точки зрения придерживаются почти все исследователи, следящие за деятельностью ливийской оппозиции. Большинство зарубежных оппонентов Каддафи, считает Л. Андерсон, скорее позируют фотокорреспондентам и устраивают шумные споры между собой, чем ведут настоящую политическую борьбу. А это не объединяет, а разъединяет их и потому делает всю их борьбу бессмысленной. Примерно те же выводы сделали А. Лайсетт и Д. Бланди, Ф. Бюрга, Л. Харрис и др.

В 1992 г. США готовили план свержения режима М. Каддафи. Об этом значительно позже обстоятельно написал в своей статье "Arabie" Тохмал Кохме. Ее перевод появился в сборнике

"Элементы" в 2000 г. (на философском интернет-портале "Арктогея").

Бывший премьер-министр Ливии Абд аль-Хамид аль-Бакуш, известный своими либеральными взглядами, в 2002 г. опубликовал статью в лондонской газете "Аль-Хайат" о необходимости реформ в арабском мире. Вот некоторые ее тезисы.

"История подсказывает нам, что проблемы и кризисы естественны для всех народов и наций, ведь жизнь состоит из череды проблем и путей их разрешения.

Однако в то время как западные цивилизации находят индивидуальное решение для каждой проблемы и постоянно работают над новыми решениями, безжалостно нажимая на все болезненные точки, мы продолжаем скрывать наши недостатки и недооценивать наши проблемы.

…Мы ведем себя так, как будто наших собственных недостатков не существует, пока нам удается скрывать их за льстящим нам дымом древней арабо-исламской цивилизации, основанной на высших ценностях, единственные руины которой — проповеди в мечетях и статьи в газетах.

Так мы превратились в народ, обитающий у огромных развалин прошлого. Мы стали народом, который гордится своим умением скрыть недостатки и кризисы, и радуется при виде недостатков и изъянов в развитых странах Запада. Мы стали беспомощным народом, празднующим победу во время поражения, гордящимся своими достижениями, когда нужно отдавать отчет в провалах, и прикрывающим недостатки фальшивым совершенством…

Все те, кто в прошлом призывал к панарабизму, были уверены, что этот проект можно осуществить, повторяя лозунги и девизы, но они не понимали, что это невозможно, пока нет свободы личности. Мы не можем высказать собственное мнение даже в связи с выбором районного шейха или мухтара. Все разговоры об объединении арабов бессмысленны так же, как и попытка перейти реку до того, как построен мост. Мы уверены, что можем добиться лучших результатов, не прилагая усилий. Эта уверенность подтолкнула нас к конфликту с Америкой. Поэтому мы приложили все усилия, чтобы наказать ее, не имея элементарных возможностей для этого. Так же как мы поступили с еврейским государством.

Мы воюем с Израилем в течении 50 лет, вооруженные острыми словами и обидными насмешками, не понимая того, что для начала мы должны были бы выставить на свет свои собственные недостатки и попробовать стать достойным

противником, способным вести войну против Израиля.

Мы являемся нацией, лишившей саму себя единственного шанса избавиться от иллюзий и химер. Мы прихорашиваемся сами для себя, используя огромное количество пудры, чтобы скрыть наши изъяны, не понимая того, что внешними изменениями не отделаться. Мы предпочитаем смотреть на западную цивилизацию с презрением, как на гадкого утенка, чтобы сказать самим себе, что эта цивилизация недостойна учиться у нее, ведь она не больше, чем культура гамбургера, коррупции и преступности…". Комментарии, как видим, излишни.

Ливийская организация "Сражающаяся исламская группа" (СИГ) объявила о намерении "бороться за свержение режима в Триполи". В заявлении экстремистов, опубликованном в Интернете, опровергаются "заявления ливийских властей о намерении СИГ сложить оружие и ее готовности к диалогу с ними". Они подтвердили свое стремление к созданию в Ливии исламского государства.

СИГ была создана в 90-е годы прошлого века в Афганистане "ливийскими афганцами", сражавшимися вместе с "муджахедами" против ограниченного контингента советских войск. В Джамахирии периодически происходили волнения, в которых участвовали члены фундаменталистских группировок, прошедшие "афганскую школу".

Экономическая открытость и политическая готовность Ливии к активному участию в международной жизни и диалогу с мировым сообществом предоставляют сегодня ливийским властям возможность вывести страну из застоя, выгодно обратить ее природные богатства на пользу собственному народу и остальному миру, реализовать свои амбициозные планы и устремления. Однако курс Муаммара Каддафи на демократические преобразования не только привлекает внимание иностранных политиков и бизнесменов, но и предоставляет все более обширное поле для деятельности его противникам, представителям оппозиции в изгнании. Их критика в адрес бессменного лидера ливийской революции становится все более частой, тут же подхватывается и значительно усиленная разносится по всему миру средствами массовой информации.

Естественно, что такое серьезное событие, как первая конференция ливийских оппозиционеров в изгнании, состоявшаяся в Лондоне в июне 2005 г. и фактически положившая начало объединению диссидентов в Национальный конгресс ливийской оппозиции (НКЛО), не осталось незамеченным ни мировыми СМИ, ни ливийским режимом. Высший народный

комитет Джамахирии выступил с критикой "тех ливийцев, которые живут за границей и сговариваются против своей страны, получая поддержку от зарубежных государств и разведок". Более того, впервые в истории отношений с Саудовской Аравией Ливия выступила с обвинениями в адрес этой страны за то, что она участвовала в организации и финансировании указанного форума и продолжает спонсировать ливийскую оппозицию.

Саудовская Аравия, однако, отклонила все обвинения со стороны Ливии. "Источник в саудовском посольстве в Великобритании отверг утверждения, согласно которым Королевство финансировало или каким-либо другим образом поддерживало этот конгресс ливийской оппозиции", — сообщило саудовское информационное агентство. Эр-Рияд "предан принципу невмешательства во внутренние дела других стран", добавил источник.

Мировая пресса подхватила этот скандал, сыграв в определенной степени на руку оппозиционерам, которые решили не останавливаться на достигнутом. Все там же, на Туманном Альбионе, представители ливийского диссидентского движения провели 29 декабря 2005 г. очередную конференцию, где в ряду первоочередных задач назвали необходимость привлечь к ответственности виновных в "массовом убийстве в Абу-Слиме".

Как отмечает ливийская оппозиция, трагедия произошла в июне 1996 г. В то время в тюрьме "Абу-Слим" содержались тысячи политических заключенных. Однажды часть из них вступила в словесные препирательства с охранниками, которые переросли в столкновение и в конце концов вылились в настоящую бойню. В результате погибло более тысячи заключенных. Согласно сообщению некоего Ахмеда Шаффи, уцелевшего после этого столкновения и проживающего сейчас в Лондоне, раненых добивали подоспевшие на место события военные. Тела погибших были вывезены на авторефрижераторах в неизвестном направлении и больше их никто не выдел. Трагедия редко упоминается в мировых СМИ.

"Нам потребовалось несколько лет тяжелого труда, чтобы собрать доказательства, найти и объединить свидетелей этого преступления против человечности", — заявил один из руководителей НКЛО Фараг Абу Аша. По его словам, оппозиция ведет переговоры с международными правозащитными организациями и установила контакт со специализированными органами ООН. "Наша цель — тщательное и открытое международное расследование этого массового убийства и наказание виновных", — подчеркнул Абу Аша.

Национальный конгресс ливийской оппозиции во все

возрастающей степени становится организацией, объединяющей некогда разбросанных по всему миру, но главным образом в Европе, диссидентов. В его состав вошли крупнейшие оппозиционные группы, за исключением разве ливийских "Братьев-мусульман" и сторонников принца Мохаммеда Хасана Реды ас-Сенусси, наследника монархии в Ливии, разрушенной Муаммаром Каддафи 1 сентября 1969 г.

В НКЛО можно встретить уже имевших большой опыт представителей Национального фронта спасения Ливии (НФСЛ), созданного в 1981 г., и Демократического патриотического объединения, основанного годом позднее бывшим министром иностранных дел Мансуром аль-Ке-хья. Более молодые движения' также вливаются в ряды Конгресса — Республиканское объединение за демократию и социальное равенство, созданное в 2002 г. Фарагом Абу Аша, Ливийский конгресс амазигов, образованный в 2000 г. Салемом Кеннаном. Идеи и принципы НКЛО близки также и независимым интеллигентам, таким как Махмуд Шеммам, главный редактор арабского издания журнала "Newsweek".

Все они поддерживают три основных пункта программы Конгресса: отстранение от власти Муаммара Каддафи, создание национального переходного правительства, которое будет действовать в течение одного года, и, наконец, строительство демократического и плюралистического государства "на развалинах абсолютизма, замаскированного под народную демократию".

Главный акцент в методах борьбы на настоящем этапе руководители НКЛО делают на гражданское неповиновение и народное восстание. Одновременно они не сбрасывают со счетов и возможность организации переворота или путча, следуя путем Национального фронта спасения Ливии. Возглавляемое 62-летним Брахимом Сахадом, это движение, одно из наиболее многочисленных в составе НКЛО, пользуется симпатиями в военных кругах и уже предпринимало попытки сбросить Каддафи в 1985 и 1993 г.

Между тем, поддержка и помощь, оказываемые Конгрессу иностранными спонсорами, в последнее время заметно ослабли. США, поддерживавшие в течение многих лет тесные связи с НФСЛ, озабочены сейчас своими нефтяными интересами в Ливии и пока занимают позицию сто-

роннего наблюдателя. Саудовской Аравии, которая только что восстановила отношения с ливийским режимом (12 декабря 2005 г. в Эр-Рияд вернулся посол Джамахирии Мохаммед Сайд аль-Кашатт), также не выгодна сейчас какая-либо конфронтация.

Однако, по мнению ливийских диссидентов, в международных отношениях реализм часто идет в ногу, как это сейчас принято говорить, с двойными стандартами. Поэтому они намерены продолжать свою деятельность и добиваться поставленных целей.

Политические лозунги Каддафи, импонировавшие массам в первые годы после свержения монархического режима и потому поддержанные ими, постепенно превратились в амбициозные догмы, не учитывавшие ливийских реалий, а неукротимое упрямство Каддафи в претворении своих теоретических концепций в жизнь "любой ценой" усугубило его личное положение и авторитет как лидера, поскольку реформы, навязанные "сверху", были терпимы во времена "бума", но оказались неконструктивными с закатом "нефтяного бума", примерно с 1982 г., когда начался и "отлив" революции. База режима стала постепенно сужаться в 1990-е годы, а вся внутриполитическая обстановка для Революционного руководства угрожала взрывом.

Надо отдать должное Каддафи и поддерживавшим его ливийским лидерам: они объективно и прагматично оценили ситуацию, отказались от многих своих догм, и после марта 1987 г. пошли по пути коренной ломки своих же представлений о будущем Ливии, по специфическому пути через пустыню ливийской действительности.

В свое время В.И. Ленин писал, что "есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить, для закрепления менее значительных преобразований". Эти слова можно отнести и к Ливии конца 1970-х — начала 1980-х годов, когда преобразования, в основном "сверху", носили характер демонстрации практической действенности "третьей" теории М. Каддафи и уходили нередко "дальше" того, что могла "осилить" ливийская революция. Это не могло не вызвать "волнообразности" ее развития, с одной стороны, и трудности в оценке ее механизма и диалектики, — с другой.

Джамахирийский период ливийской новейшей истории мы условно разделили на два периода:

1. "Переходный период" от республики к режиму "народовластия" (1977–1979), характеризовавшийся поляризацией ливийского общества и борьбой между сторонниками социалистического и приверженцами капиталистического путей развития.

2. Период "революционного руководства", когда основное внимание было сконцентрировано на создании нового общества под знаменем "народовластия" (с 1979 г.) путем проведения

внутри страны радикальных преобразований, что постепенно меняло характер и направление ливийской революции в сторону антикапиталистической ориентации, но и создало определенные трудности из-за левоэкстремистских ошибок Каддафи.

В конце 1980-х годов у ливийского руководства проявилось намерение к национальному примирению, к восстановлению частного сектора, к признанию многоукладности, к перестройке всей модели "народовластия". Но оно оставалось слишком уверенным в правоте своей "третьей теории", в плену идей "исламского социализма" и в своей незаменимости.

Годы "джамахиризации" были годами нескончаемого эксперимента по установлению в стране абсолютного народовластия (а точнее — революционного абсолютизма). Вся политическая власть сосредоточилась в руках революционных комитетов, ставших основной опорой режима и потеснивших на этой стезе даже армию. Вся исполнительная власть перешла в руки "народных комитетов", постепенно размывших гегемонию министерств и других государственных учреждений. Вместо парламента законодательным органом стал Всеобщий Народный Конгресс как высший выразитель непредставительной формы демократии. Радикализм революционного руководства во главе с Каддафи, казалось, был безбрежным: все и вся обобществлялось, передавалось народу, сокрушалась торговля и частная собственность. Наибольший размах эти мероприятия получили в 1981–1987 гг., совпавшие по времени с сокращением получения прибылей от нефти, с "отливом" нефтяного бума.

Неподготовленность к опережающим развитие страны радикальным реформам, торопливость в их осуществлении ввергли "великую Джамахирию" в пучину политических и социально-экономических потрясений. Государственный сектор, на который была сделана основная ставка, стал пробуксовывать, народ — роптать, оппозиция поднимать голову. Признаком грядущих осложнений стало нападение оппозиционных элементов на резиденцию Каддафи в военном лагере Баб аль-Азизия в центре Триполи в 1984 г. и удар по той же резиденции ВВС США в 1986 г.

В этой обстановке революционное руководство, по-видимому, поняло, что в своем левом экстремизме оно зашло слишком далеко, что терпение ливийского народа небеспредельно. С марта 1987 г. оно отступило, наметился резкий "откат" в другую сторону: начал восстанавливаться в правах частный сектор, последовал роспуск армии и полиции и даже государственных предприятий.

Глава VI
Уровень жизни при Каддафи

Социальная политика ливийского руководства

1 июня 1979 г. в Ливии была опубликована, третья часть "Зеленой книги" М. Каддафи, посвященная социальным проблемам развития общества. В ней М. Каддафи выдвинул тезис, будто двигателем человеческой истории является социальный фактор и потому национально-освободительная борьба, по его мнению, представляет собой также и социальные движения, которые будут продолжаться до полного освобождения одной социальной группы от господства другой. На основе этого тезиса Каддафи сделал вывод, что мир переживает сейчас необычный период — период побед национализма.

"Гармония внутри каждой нации, — говорится в третьей части "Зеленой книги", — может быть обеспечена только наличием единой веры, единой религии. Тогда "социальный" фактор совпадет с религиозным и будет достигнуто единство общества.", Важнейшим рычагом этой гармонии Каддафи считает семью, а не государство, представляющее собой "искусственную политическую, экономическую или военную систему, не имеющую никакого отношения к человечеству". Процветающее общество, утверждает ливийский лидер, это такое общество, где индивидуум развивается в семье естественным путем, наподобие развития индивидуумов в природе, "иначе рано или поздно такое общество гибнет".

Вместе с тем в понятие семьи Каддафи вносит "широкое толкование". "Племя, — пишет он, — это та же семья, но увеличившаяся вследствие роста потомства. То есть племя — это большая семья. Нация — это племя, но разросшееся в результате увеличения потомства, или это — большое племя. Мир — это нация, но нация, разделившаяся на множество наций. Значит, мир — это большая нация". Как правильно подметили Л.Р. Полонская и А.Х. Вафа, в данном случае "Каддафи во многом фиксировал положение вещей, действительно существующее в современной Ливии, где традиционные племенные связи нередко оказываются сильнее общенациональных".

"Прогрессирующая, производящая и цивилизованная нация, — рассуждает Каддафи, — полезна для всего мира, но ее политико-национальная структура может придти в упадок, если

будет низведена до социального уровня, то есть до уровня семьи или племени". В этом, по мнению Каддафи, главная причина того, что в прошлом великие державы появлялись, процветали, а затем исчезали. Игнорирование национальной связи между группами людей, создание политического режима, противоречащего их социальному положению, представляет собой временное образование, которое рано или поздно развалится в силу действия социального фактора и национального движения каждой нации.

Здесь, по мнению Л.Р. Полонской и А.Х. Вафы, Каддафи механически смешивает исторический и этнический подход к оценке истории, и это делает его выводы внутренне противоречивыми: с одной стороны, национализм объявляется движущей силой общества, с другой он "уступает" традиционному племенному сознанию.

Каддафи считает себя сторонником "полной свободы". Он рассматривает образование, науку, искусство, спорт как формы диктата над человеком. Обязательное образование, по Каддафи, это "принудительное насаждение невежества в массах", навязывание чуждой музыки и искусства — насилие, расширение сети спортивных клубов — "инструмент социальной монополизации", то есть орудие диктатуры. В то же время каждый человек, по мнению Каддафи, обладает естественным правом на знание без диктата, поэтому, по Каддафи, "все методы обучения, распространенные в мире, должны быть ликвидированы всемирной культурной революцией, освобождающей сознание народа от фанатизма и преднамеренной трансформации склонностей, понятий и умственного уровня человека". Тот, кто строит свою жизнь сам, то есть производит блага, считает Каддафи, не нуждается в созерцании жизни, которую ему преподносят артисты на театральных подмостках или спортсмены на стадионах. Образование, наука, искусство, спорт, как виды социальной активности, по мнению Каддафи, должны стать массовыми, а не отдаваться на откуп каким-либо замкнутым группам или личностям, которые пока монополизировали эти блага и пожинают плоды. Разумным надо считать обратное, когда зрителями на стадионах или в театрах будет меньшинство, которое немощно или нерадиво, и потому неспособно "играть героические роли в жизни".

Как видим, даже взятые нами только некоторые социальные аспекты теории Каддафи представляют собой пеструю смесь различных немарксистских теорий социализма, на что обратили внимание не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, еще в 1974 г. Р. Ферст в книге "Ливия.

Спорная революция" писала, что "для племенного общества, ввергнутого в эпоху нефтяной технологии, не кажется странным применение заповедей Аравии VII века к современным проблемам". Р. Ферст имела в виду слабые социальные ростки, появившиеся в то время в тезисах "третьей" теории молодого ливийского лидера. В третьей части "Зеленой книги" эти "ростки" получили дальнейшее развитие, и Каддафи прикладывал немало усилий, чтобы пересадить их на почву нового общества, которое он решил построить в Ливии. С другой стороны, невозможно не видеть, что за годы революции в Ливии уже сложилось определенное несоответствие между провозглашением социальной революции, составляющим прогрессивную часть программы Каддафи, и наиболее архаичной формой мировоззрения — исламским фанатизмом, что Р. Ферст характеризовала как "непреодолимый анахронизм и странное смешение во времени".

Теория теорией, но на практике, несмотря на давление радикалов, реформе не были подвергнуты вплоть до конца века ни наука, ни система образования, ни спорт, хотя, как правильно подметил живущий в США ливийский социолог Сами Хаджар, именно социальные аспекты "третьей" теории М. Каддафи наиболее шумно пропагандируются в Ливии. На наш взгляд, замедленное по сравнению с другими, претворение в жизнь социальных постулатов Каддафи — свидетельство определенной осторожности ливийского лидера, который, провозгласив свои социальные лозунги и по-современному интерпретируя многие догмы исламского фундаментализма, претворял их в жизнь по мере созревания подходящих условий, явно не желая усугублять конфронтацию с консервативной исламской и племенной элитой.

Вместе с тем нельзя не согласиться и с Л.К. Харрис, считающей, что "путь к социализму через социальную справедливость", который предложил Каддафи, это "путь не к единству нации, а путь к единению сторонников социальной концепции ливийского лидера и призыв к борьбе с его противниками… Автор идеи утопического общества, где религия объединяет его, — это типичный мусульманский идеалист, претендующий на роль современного пророка". Конечно, в социальной концепции Каддафи политологические ноты превалируют, но заметно и другое: основные идеи концепции внедрялись на практике довольно осторожно. И даже, несмотря на это, то, что было сделано в Ливии в социальной области, было громадным шагом перед именно в социальной сфере. Преобразования хоть как-то всколыхнули ливийское общество хотя и привели не к гармонии, о которой мечтал Каддафи, а к

борьбе различных социальных групп. В этой борьбе столкнулись две противоположные линии, две тенденции национально-освободительного процесса: буржуазно-реформистская, ориентирующаяся на мировой капитализм, и революционная, с ее попытками найти свой путь развития. В этом, как представляется, и крылись "тайные пружины" социальных процессов, происходивших в Джамахирии.

Законы, принятые за годы революции

До революции социальные отношения в стране определялись рядом законодательных актов того времени, например, Гражданским и Коммерческим кодексами 1953 г. После 1969 г. эти документы продолжают иметь силу постольку, поскольку "не противоречат положениям более позднего законодательства" (подобные формулировки содержатся в большинстве законов 1970—1980-х годов). Важное значение сохранили, например, закон 1957 г. о социальном страховании и закон 1967 г. о пенсиях вместе с дополнившими эти законы исполнительскими инструкциями.

11 декабря 1969 г. Совет революционного командования принял конституционную декларацию, которая сформулировала социально-экономическую политику нового руководства Ливии: "Государство будет стремиться к освобождению экономики от иностранного господства и влияния и превращению ее в подлинно национальную, продуктивную экономику, основанную на общественной и частной собственности, принадлежащей всему народу и отдельным гражданам" (ст. 7). В декларации (ст. 9) отмечалось, что в целях экономического развития государство будет использовать "сотрудничество государственного и частного секторов". Включение в текст конституционного акта таких формулировок явилось отражением антифеодальных взглядов пришедшей к власти национальной демократии, представлявшей интересы части трудящихся и мелкой буржуазии.

В годы, последовавшие за свержением монархии, в стране были приняты новые законы по социальному обеспечению и по другим, тесно связанным с ним вопросам. В их числе Трудовой кодекс 1970 г., Закон № 72 от 1973 г. о социальном обеспечении, Закон № 43 о пенсиях военнослужащим от 1974 г., Закон № 55 от 1976 г. о гражданской службе, Закон № 93 от 1976 г. о мерах по технике безопасности и др. В первые годы после революции принципиальная роль отводилась борьбе за практическую реализацию тех положений королевского законодательства,

которые принимались под давлением национально-патриотических сил и были направлены на улучшение положения ливийцев и укрепление их позиций в экономике, но до 1969 г. не выполнялись в полном объеме. Так, упомянутый выше Закон о социальном страховании (1957) был опубликован в 1972 г. с дополнениями, внесенными в 1962–1970 гг.

С конца 1970-х годов в связи с упразднением Совета революционного командования и преобразованием республиканского режима в режим народовластия (Джамахирии) в Ливии отчетливо появилась новая тенденция, а именно усиление влияния "третьей" теории М. Каддафи на регулирование общественных отношений и форсирование создания "социально-однородного общества".

В январе 1980 г. на основе решений пятой сессии ВНК Секретариат социального обеспечения Высшего Народного Комитета издал Закон № 13 о социальном обеспечении. В июне того же года он принял текст Примечания к Закону № 13.

Если перечень видов социального обеспечения был заимствован из Закона 1973 г. почти без изменений, то порядок, размеры и условия выплаты пособий в Законе № 13 серьезно отличались от предусматривавшихся в прежнем законодательстве. Пенсии по старости выплачиваются не с 60, а с 65 лет для мужчин и с 60 лет для женщин. Однако, в новом законе, в отличие от прежнего, не предусмотрен 55-летний пенсионный возраст при непрерывном 20-летнем трудовом стаже на вредном производстве. Отмена этого положения мотивировалась тем, что Закон о мерах по технике безопасности от 1976 г. предусматривал широкий круг мероприятий по созданию безопасных условий на производстве. В этом документе закреплены обязанности работодателей организовывать производство таким образом, чтобы труд был безопасным и не наносил вред здоровью; обеспечивать врачебную помощь лицам, здоровью которых нанесен ущерб на производстве; издавать внутренние правила по технике безопасности на предприятиях, где трудится более 10 человек; оплачивать все расходы по технике безопасности и т. д.

Иначе определяется и размер пенсии по старости. Прежде он составлял 20 % средней заработной платы работающего пенсионера, но не менее нижнего предела 150 динаров. Теперь же размер пенсии составляет не менее 80 % минимальной заработной платы и не более 80 % средней заработной платы, на основании которой выплачивается пенсия. Выплата, пенсионных отчислений из заработной платы прекращается с того момента, как работающий обеспечит себе право на получение пенсии в

максимальном размере.

Минимальная пенсия выплачивается лицам, не имеющим права на другие виды пособий, нетрудоспособным, вдовам, сиротам, если они не имеют и не могут иметь какого-либо иного дохода, равного или превышающего сумму основной пенсии. Размер обеспечения в соответствии с новым законом изменился и составляет не 30, а 40 динаров в месяц. Решение о повышении минимального размера заработной платы было принято еще в январе 1975 г., затем был издан декрет генсекретаря ВНК от 1 января 1976 г. о дополнительных надбавках и заработной плате ливийских рабочих в связи с созданием семьи (вступление в брак, рождение ребенка). Теперь ст. 42 Закона № 13 от 1980 г. запретила отмену или уменьшение назначенных пособий, кроме тех случаев, когда это предусмотрено самим Законом, а ст. 43 того же Закона освободила от налогов и любых сборов все виды пособий, выплачиваемых по линии социального обеспечения.

С принятием Закона № 13 от 1980 г. значительные изменения произошли в организационно-административной структуре социального обеспечения. Начало ее формированию было положено еще Законом от 1957 г., статья 5 которого предусматривала создание Института национального социального страхования (ИНАС). По закону 1973 г. был создан Высший Совет социального обеспечения, в который вошли руководители ведущих ведомств. Совет в наиболее общем виде определял стратегию государства в социальной сфере. Контроль за его работой был поручен министру по делам молодежи и социальным вопросам. Финансовыми вопросами стал заниматься Фонд социального обеспечения, созданный при Секретариате социального обеспечения ВНК. На уровне муниципалитетов начали действовать муниципальные народные комитеты социального обеспечения, подчиненные ВНК.

Несколько раньше, в 1979 г., был принят Закон об экономических преступлениях, который в понятие общественной собственности включил "собственность государственных и общественных организаций, частных организаций, имеющих общественную ценность, а также предприятия, где реализован девиз "партнеры, а не наемные рабочие". После 1980 г. был принят еще ряд законов, из которых, на наш взгляд, наиболее важными являются законы 1984 г. о национальных меньшинствах и правах личности и закон № 9 (1985 г.) о кооперативах.

Закон № 13 от 1980 г., базировавшийся в основном на ранее принятых документах, внес определенные коррективы в систему социального обеспечения. Они отразили стремление ливийского руководства расширить социальную базу режима, и стали

фактором дальнейшего укрепления системы "народовластия".

Изменения в социальной сфере

Ко времени завоевания независимости в 1951 г. Ливия была одной из беднейших стран мира с валовым национальным продуктом (ВНП) на душу населения около 40 долларов, 78 % ливийцев были неграмотными. Последовавшие затем открытие и разработка крупнейших месторождений нефти выдвинули страну в число наиболее динамично развивавшихся государств.

Социальные перемены, происходившие в Ливии с тех пор, прежде всего существенно сказались на росте численности населения. Первая перепись, проведенная в 1954 г., зарегистрировала 1,089 млн. жителей страны. К 1964 г. их число увеличилось до 1,564 млн.(или на 43,7 %), по переписи 1973 г. составило 2,251 млн. (то есть возросло еще на 46,5 %), а по переписи 1979 г. достигло 3,25 млн. чел. Среднегодовой прирост населения стабильно держался на уровне 3,7 %, однако распределялось оно крайне неравномерно, — в основном на плодородной прибрежной равнине. Занимая менее 10 % территории Ливии, эта равнина концентрирует 92 % всего населения, а его плотность достигает здесь местами 200 человек на 1 кв. км. На юге же страны, особенно в Феззане, плотность населения повсеместно составляет менее 1 человека на кв. км. К концу XX века население Ливии превысило 5 млн. чел.

С разработкой нефтяных месторождений и ростом деловой активности наблюдалось интенсивное перемещение населения из сельской местности в города. В 1981 г. городское население составляло 59,6 % жителей страны, сельское— 40,4 %. С 1954 по 1973 гг. наиболее высокие темпы роста численности населения наблюдались в округах Триполи и Бенгази. В Триполи численность населения возросла на 169 % и достигла 820 тыс. чел. Третий по величине город Мисурата (46 тыс. чел.) по переписи 1973 г. стал крупнейшим из восьми городов с числом жителей от 20 до 50 тыс.: Мисурата, Эз-Завия, Дерна, Эль-Бейда, Аджабия, Тобрук, Себха и Эль-Мардж.

В связи с недостатком местной рабочей силы (в Ливии нет безработицы) страна была вынуждена привлекать значительное число иностранных рабочих. В 1964 г. их было всего 17 тыс. чел., в 1975 г. их число увеличилось до 223 тыс., в,1980 г. — до 280 тыс. (39,9 % от всех занятых). Согласно другим данным, в 1980 г. в СНЛАД насчитывалось 518 тыс. иностранцев, а в 1982 г. — 569 тыс., или 18 % всего населения страны. Среди

иностранных рабочих 3/4 составляли выходцы из арабских стран, преимущественно из Египта. 80 % всего пришлого населения проживало при этом в городах, причем в Триполи и Бенгази до 68 %.

Общая численность рабочей силы в стране на начало 1982 г. составляла.871,4 тыс. чел., включая иностранцев. Нехватка квалифицированных национальных кадров заставляла покрывать 55 % потребностей национальной экономики за счет привлечения зарубежных специалистов, на оплату труда которых расходовалось около 10 % валового национального дохода. В условиях, когда этот доход вплоть до 1982 г. превышал 20 млрд. долл. ежегодно, ливийцы могли позволять себе роскошь тратить на эти цели около 2 млрд. долл. Но после 1982 г., когда доходы от нефти упали, для них это стало проблемой.

За первое десятилетие революционных преобразований в стране было открыто 220 библиотек и читален, 25 центров по распространению знаний, около 20 национальных культурных центров и 40 спортивных клубов.

В то же время резкое возрастание доходов, не подкрепленных реальным трудом, привело к усилению негативных социальных проявлений, характерных для традиционного и переходного обществ.

Большое распространение получили кумовство и протекционизм. Тема коррупции, казнокрадства, взяточничества не сходила со страниц ливийской печати. Подобные явления охватили весь государственный аппарат, проникли в армию и даже ревкомы, одной из основных обязанностей которых, как отмечал М. Каддафи в момент их создания, "является полное искоренение "дореволюционных болезней": протекционизма, взяточничества и посредничества". "Аз-Захф аль-Ахдар" 2 декабря 1983 г. в статье под заголовком "Прекратить злоупотребления" с возмущением писала: "Среди нас есть такие, кто, будучи отмечен доверием народных масс, расхищает общественное добро, подрывая тем самым это доверие. Они ни в чем не испытывают недостатка — ни в превосходных сигаретах, ни в роскошных автомобилях, ни в детской одежде, ни в пастеризованном молоке. Чего еще не хватает, например, директору магазина, который желает построить скромненький дворец на берегу моря, или солдатам, которые на своих боевых машинах возят собственных овец и верблюдов? Некоторые продают товары по повышенным ценам, вывозят валюту за границу, стремятся получить образование и лечиться за рубежом, хотя и то и другое зачастую можно успешно делать здесь, в Джамахирии. Говорят, что ревкомы призваны устранить перечисленные негативные явления.

Однако то, что сейчас делают нынешние члены ревкомов, не соответствует положениям, отраженным в их "зеленом удостоверении". У них — самые современные машины, роскошные виллы. Это подрывает их авторитет среди народных масс".

Сходные процессы наблюдались и в ливийской деревне. Сама программа аграрной реформы, полностью субсидируемая государством, с самого начала предусматривала создание семейных фермерских хозяйств по австралийскому образцу. В социальном плане осуществление этой программы породило класс мелкотоварных производителей.

В начале же 1980 г. в ливийской печати появился ряд статей с критикой такого явления как "неофеодализм". Этот факт признал в своем выступлении в Триполи 22 декабря 1983 г. и Каддафи, отметив существование в деревне лиц, имеющих стада овец, численностью 4–5 тыс. голов. Естественно, что обслуживание крупных хозяйств невозможно без применения наемной рабочей силы. Однако, чтобы не спорить с теорией Каддафи, к этому привлекаются иностранные рабочие, а не ливийцы.

С 1982 г. экономическое положение начало ухудшаться. Сокращение доходов от нефти до 8–9 млрд. долл. в 1985 г. (оценка западных экспертов), сопровождалась примерно четырехкратным уменьшением расходов на импорт, по сравнению с 1980 г., и это не замедлило сказаться на жизненном уровне населения. Многие виды товаров исчезли, количество других резко сократилось. Начались перебои в снабжении яйцами, сливочным и растительными маслом, молоком, рисом, птицей, мясом, появились многочасовые очереди, в том числе и за хлебом.

Все это негативным образом отразилось на положении трудящихся. Начался рост цен (в среднем на 14–15 % ежегодно). Постепенно стал обесцениваться ливийский динар (на "черном рынке" в 1987 г. он обменивался с американским долларом 1:1, в то время как в 1962 г. один доллар равнялся 0,29 лив. дин.), появилась "двойная бухгалтерия" (цены, публикуемые на товары и цены фактические к 1987 г. стали соотноситься как 1:2). В Ливии на прилавках магазинов еще в начале 1980-х годов можно было купить абсолютно все, а некоторые товары, например, сахар, стоили вообще копейки (5 пиастров за 1 кг). Ливия, где революционное руководство ввело государственные дотации на 40 видов товаров первой необходимости и из-за этого они были дешевле, чем в любой другой арабской стране, вдруг ощутила и недостаток средств, и недостаток товаров, и скудость своего повседневного рациона. Многие магазины просто закрыли.

Власти вынуждены были сократить число иностранных специалистов вдвое: в 1987 г. их осталось около 250 тыс. человек. Оклады иностранным специалистам были урезаны до 300 лив. дин. в месяц, им было запрещено переводить за рубеж часть своего заработка, как это они делали раньше. Вместо иностранных специалистов ливийское руководство решило активнее привлечь национальные кадры, что было поручено секретариату по делам университетов, созданному в 1984 г. В распоряжение этого секретариата были переданы все профессиональные центры подготовки (40 % всех обучающихся ливийцев), технические училища и факультеты (35 % обучающихся). Ревкомы объявили еще одну "войну бюрократии", ввели институт "народных инспекторов", стали считать "позором питаться импортным продовольствием". Но собственные заводы давали только 15 % запланированной пищевой продукции (кадров стало еще больше не хватать), и существенных сдвигов к лучшему не виделось, так как доходы от нефти продолжали падать, а к использованию внутренних ресурсов ливийцы оказались неготовыми — слишком мало у них было собственных сил.

Многие ливийцы, конечно, были обескуражены тем, что пришлось "затягивать пояса" и заговорить об экономии средств, но на улицах вместе с тем не раз пришлось слышать повторение слов Каддафи о том, что "Ливия жила пять тысяч лет без нефти и проживет еще столько же".

С 1987 г. в стране начала приниматься принципиально новая серия политических и экономических мер, вплоть до восстановления в правах частного сектора и пересмотра общей стратегии развития Ливии. Эта стратегия была основана на том неоспоримом факте, что нефтяные потенции страны остаются надежными (достоверные запасы нефти в 1990-х годах были оценены в 3,2 млрд. т, газа — 623 млрд., кубометров, чего при добыче в рамках квоты ОПЕК хватит надолго), и то, что построено, рано или поздно будет введено в строй на полную мощность.

Британские специалисты Д. Бланди и Э. Лайсетт, неоднократно посещавшие Ливию, признают "крупными" такие достижения революционного режима в социальной области, как повышение реального благосостояния основной массы населения, организация современных систем бесплатного образования и здравоохранения, существенное сглаживание материального неравенства между низшими и высшими категориями экономически активных ливийских граждан, о чем свидетельствует, в частности, сокращение до пятикратного

разрыва между минимальными и максимальными годовыми личными доходами в пределах 6 — 30 тыс. фунтов стерлингов, значительно более узких по сравнению с большинством развивающихся и развитых капиталистических стран.

С изложенными оценками нельзя не согласиться. В Ливии в период после свержения монархии, действительно, произошли позитивные и убедительные социальные сдвиги, не сравнимые с той нищетой и бесправием, в которых большинство ливийцев находилось в течение первой половины XX века. На социальное развитие страны повлияли внутренние радикальные политические преобразования и внешний — "нефтяной" фактор, давшие решающий толчок процессу глубинных социальных перемен, разморозивших почти застывшее ливийское общество.

Ливия добывала нефть примерно в пределах квоты, определенной ей ОПЕК, которая в 1985 г. составляла 990 тыс. баррелей в день. Добычу можно было бы и увеличить, но к концу лета 1985 г. почти все бартерные соглашения Ливии были заморожены, так как страны-импортеры бартерной нефти, цены на которую были установлены на уровне справочной официальной цены ОПЕК, несли убытки до 15 % и поэтому приостановили действие этих соглашений.

Трудности со сбытом нефти привели к падению прибылей (в 1985 г. было получено не более 9 млрд. долл.), а с ними и к отрицательному платежному балансу (в 1985 г. он был сведен с дефицитом в 1,5 млрд. долл.), что вынудило, начиная с 1985 г., принять дополнительные меры экономии.

Во-первых, была сокращена импортная программа, в том числе ввоз молочных продуктов, моющих средств, что вызвало перебои в снабжении населения этими видами товаров.

Во-вторых, были приняты решительные меры по сокращению в Ливии численности иностранной рабочей силы. (Постановление на этот счет было принято еще в 1983 г., но не выполнялось). В августе 1985 г. из страны было выслано более 30 тыс. рабочих из Туниса, Египта, Мавритании, Нигера, что немедленно и негативно отразилось на состоянии некоторых отраслей экономики и сферы обслуживания: резко сократилось, например, производство хлебобулочных изделий, поднялись цены на продукцию частных фермерских хозяйств, где раньше работали иностранцы, и т. д.

В-третьих, руководство обратилось к населению страны с призывом изыскать внутренние резервы для налаживания производства некоторых, ранее импортировавшихся товаров вплоть до открытия под государственным контролем мелких частных заводов. Однако, это реализовалось медленно из-за

бюрократических проволочек.

В-четвертых, был ужесточен контроль за переводами и аккредитивами отраслевых комитетов и повышена роль Центрального банка Ливии по контролю за расходованием валютных средств. Все крупные переводы иностранным компаниям стали производиться только с санкции специально созданного экономического консультативного совета при революционном руководстве. Расходование средств лидер ливийской революции фактически взял под свой личный контроль.

В-пятых, было заморожено сооружение около 350 проектов, в основном строительство жилья и объектов инфраструктуры, выполнявшихся фирмами Турции, Индии, Южной Кореи.

И, наконец, сократив число контрактов, ливийцы попытались вызвать конкурентную борьбу среди оставшихся компаний и на этой основе стремились диктовать иностранным контрагентам свои условия. Была также усложнена процедура инкассации выставляемых иностранными фирмами счетов, что образовало "замкнутый круг" проволочек с платежами. Ливийская сторона стала добиваться использования фирменных кредитов на беспроцентных и льготных условиях, а развитие отношений с отдельными государствами ставить в зависимость от предоставления ими рассрочек, переносов платежей, кредитов с длительным сроком погашения и низкой процентной ставкой и т. д., что привело к свертыванию внешних связей с ведущими контрагентами капиталистического мира.

Глава VII
Муаммар Каддафи и запад

Конфронтация с Соединенными Штатами

Соединенные Штаты Америки боролись за влияние в Ливии на протяжении всего XIX и, пожалуй, XX веков. За 10 лет до свержения королевского режима ЦРУ США подготовило специальное исследование по Ливии для Комитета по изучению программы военной помощи, в котором, в частности, подчеркивалось: "Ливия служит буфером между Ближним Востоком и Магрибом и, по меньшей мере, может заслонить последний от арабского национализма, исходящего из Каира. Пока Ливия остается дружественной Западу, Запад может контролировать южное побережье и часть Восточного Средиземноморья".

Американцам казалось, что они прочно осели в этой стране, и потому приход к власти в Ливии военных, а затем их меры по ликвидации военного присутствия США и по ограничению деятельности нефтяных концернов вызвали за океаном нескрываемое раздражение.

Антиливийская кампания в США впервые достигла наибольшего накала в конце 1973 г., когда в Триполи приняли решение приостановить экспорт нефти и всех видов нефтепродуктов в США в знак протеста против поддержки за океаном израильской агрессии 1973 г. против соседних арабских стран.

Тогда-то в американской печати и появились наиболее резкие подстрекательские заявления в адрес Ливии вплоть до призывов к военному вмешательству, чтобы "гарантировать поставки нефти", как писала об этом газета "Christian Science Monitor". Пресса, конгрессмены, госдепартамент, нефтяные компании буквально задыхались от злобы, утверждая, будто Ливия "угрожает мировой экономике" или "душит индустриальный мир".

То был "первый пик" напряженности между США и Ливией. Конечно же Ливия никому не угрожала и никого не душила. Угрожали, наоборот, Ливии, и в первую очередь Соединенные Штаты, по интересам которых наносился удар.

США никак не хотели смириться с потерей Ливии и развернули против революционного режима настоящую войну. В 1975 г. Белый дом ограничил экспорт американской

промышленной продукции в Ливию. В 1977 г. США блокировали продажу Ливии гражданских транспортных самолетов, производившихся в Италии по американской лицензии. В августе 1979 г. Вашингтон организовал провокационные маневры у ливийских берегов, что вызвало взрыв антиамериканских настроений по всей стране. В декабре 1979 г. демонстранты сожгли посольство США в Триполи, что повлекло за собой решение Вашингтона о временном закрытии в одностороннем порядке дипломатического представительства США в СНЛАД. В мае 1980 г, американские дипломаты покинули Триполи и одновременно из Вашингтона были высланы несколько ливийских дипломатов.

На 1981 г. пришелся "второй пик" напряженности в отношениях между двумя странами. США обвинили Ливию в "поддержке международного терроризма" и под этим предлогом закрыли народное бюро (посольство) СНЛАД в Вашингтоне. Одновременно в мае 1981 г. стало известно о разработке американской администрацией "секретного плана" по использованию ряда арабских стран для свержения режима М. Каддафи. В августе 1981 г. США провели провокационные учения 6-го флота в заливе Сидра у побережья, Ливии. 19 августа принимавшие участие в учениях восемь американских истребителей сбили два ливийских самолета, несших патрульную службу, по поводу чего СНЛАД обратилась с жалобой в Совет Безопасности ООН. В конце 1981 г. в США была поднята шумная кампания о якобы имевшей место засылке в эту страну группы ливийских террористов, намеревавшихся совершить покушение на президента Р. Рейгана. ЦРУ использовало эту кампанию, чтобы в декабре 1981 г. обсудить в своей штаб-квартире планы убийства М. Каддафи, что стало главной целью в серии тайных операций Центрального разведывательного управления США за границей. В том же месяце Р. Рейган рекомендовал американским техническим специалистам покинуть Ливию, что было началом свертывания деятельности американских нефтекомпаний в СНЛАД. В декабре же 1981 г. на территории Египта был проведен первый этап маневров "Брайт стар", имевший четкую антиливийскую направленность.

В феврале 1982 г. американские военные самолеты нарушили воздушное пространство Ливии, приблизившись на расстояние 80 км к городу Бенгази. В марте 6-й флот США вновь провел провокационные маневры в непосредственной близости от побережья СНЛАД. В марте же Вашингтон объявил эмбарго на импорт ливийской нефти и поставки в СНЛАД американского нефтяного оборудования, что по существу свернуло

экономические связи между двумя странами.

В 1982–1983 гг. Ливия предпринимала активные усилия для снятия эффекта экономического бойкота США. С этой целью был принят ряд мер по налаживанию отношений с западноевропейскими странами, в частности с Францией, Италией, ФРГ, Австрией. Одним из наиболее удачных шагов в этом направлении явился визит М. Каддафи в Вену в марте 1982 г., в результате которого существенно увеличился объем ливийско-австрийской торговли. Нехватка нефтяного оборудования и специалистов была частично замещена другими европейскими странами.

Между тем война Вашингтона против Триполи продолжалась. В июле 1984 г. самолеты ВМС США неоднократно вторгались в воздушное пространство Ливии, совершали провокационные полеты вблизи прибрежных городов Эль-Бейда, Бенгази, Сирт. В сентябре 6-й флот США провел широкомасштабные учения и маневры военных кораблей у территориальных вод Ливии. В ноябре 1984 г. ЦРУ подготовило доклад "Об оценке уязвимости Ливии", в котором предложило осуществить против СНЛАД широкую программу "политических, экономических и полувоенных мер".

В октябре 1985 г. исполнительным указом президента США был введен запрет на импорт нефтепродуктов из Ливии. В ноябре того же года администрация США санкционировала очередную тайную операцию ЦРУ с целью свержения режима М. Каддафи в Ливии.

В январе 1986 г. президент Р. Рейган объявил о введении новых санкций против СНЛАД: были запрещены все экономические и торговые связи американских госучреждений, частных фирм и отдельных лиц с этой страной; находящимся на ливийской территории американским гражданам было приказано покинуть ее под угрозой тюремного заключения или штрафа.

15 апреля 1986 г. 15 истребителей бомбардировщиков палубной авиации 6-го флота и 18 переброшенных с американских баз в Англии бомбардировщиков F-III нанесли серию ударов по Триполи, Бенгази, Тархуне, другим городам СНЛАД. Сотни зданий оказались разрушенными, включая резиденцию М. Каддафи, среди мирных жителей имелось большое число убитых и раненых.

Террористическая акция США вызвала возмущение во всем мире. Она была осуждена в Совете Безопасности ООН, куда Ливия обратилась с жалобой. "Советское правительство решительно осуждает агрессивную, разбойничью акцию США против Ливии-члена ООН, требует незамедлительно положить ей конец. В

противном случае в Советском Союзе вынуждены будут сделать более далеко идущие выводы", — говорилось в Заявлении Советского правительства, опубликованном 16 апреля 1986 г.

"Третий пик" напряженности в 1986 г. стал самым опасным. США подвергли Ливию и весь мир психологическому "прессингу", предприняв против СНЛАД военные акции. "Ливия вооружает и обучает партизанские организации или оказывает какое-то влияние на ультралевых и террористов"— писала в августе 1986 г. газета "Washington Post", опубликовав в качестве подтверждения отчет о докладе госдепартамента США с перечислением 32 стран Центральной и Южной Америки, куда якобы протянулись "щупальца М. Каддафи". В антиливийскую кампанию включился Рейган. "Действия правительства Ливии, — заявил он, — продолжают представлять собой необычную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов".

В октябре 1986 г. в США разразился политический скандал, когда газета "Washington Post" назвала антиливийскую кампанию Белого дома (и публиковавшийся доклад госдепартамента США о 32 странах, куда протянулись "нити" из СНЛАД), провокационной. Газета сообщила, что еще 14 августа 1986 г. на секретном совещании со своими помощниками Р. Рейган утвердил "секретную директиву совета национальной безопасности, предусматривавшую распространение Центральным разведывательным управлением фальшивой информации о Каддафи". Это делалось путем проталкивания антиливийских материалов ЦРУ в иностранные органы печати. Госсекретарь Дж. Шульц поспешил заявить, что не видит в этом ничего зазорного, так как администрация США имеет право "вводить противника в заблуждение".

И в то же время, по нашему мнению, "война с Каддафи" велась не на голом месте: его политические просчеты были использованы в полной мере, причем просчеты, связанные, в первую очередь, с его левым радикализмом. Саморазоблачение американцев, негативная реакция миро вой общественности на преступные акции США, стойкость ливийского режима несколько охладили пыл Вашингтона — к концу 1986 г. "третий пик" пошел на убыль, В 1987 г. наметилось стремление сторон найти взаимоприемлемый компромисс, что явилось отражением позитивных перемен, происшедших на международной арене во второй половине 1980-х годов. Однако в 1990-е годы в отношениях между двумя странами начался еще один кризис.

Выделенные нами "пики" напряженности в отношениях между СНЛАД и США в основном совпадают с "периодизацией

конфликтности", которую дал Р.Е. Халей в монографии "Каддафи и Соединенные Штаты с 1969 г.". По его мнению, наиболее сложными для руководства обеих стран были периоды 1969–1973, 1973–1980 гг. и все восьмидесятые годы. Среди проблем, обострившихся американо-ливийские отношения, RE. Халей назвал взаимные обвинения в террористической деятельности, ливийско-чадский конфликт, инциденты в районе залива Большой Сирт, "дипломатическую войну" и усиление советского влияния в Ливии. Хотя Р.Е. Халей и попытался "обелить" действия вашингтонской администрации, он признал, что Ливия оказалась для Вашингтона "крепким орешком" и не уступила давлению США, а США не поступились своими стратегическими региональными и коммерческими интересами и фактически сделали перманентной свою "силовую стратегию" в отношении СНЛАД.

Международный терроризм

Ливийское руководство неоднократно заявляло, что оно не причастно к международному терроризму. В то же время западные спецслужбы и некоторые ультрареакционные международные организации проводили провокационные террористические акты, пытаясь приписать их Каддафи или тем, кого Каддафи, якобы, обучил, снабдил деньгами, послал на "фронт борьбы с империализмом и сионизмом". Цель этих действий не вызывала сомнений — восстановить мировое общественное мнение против Каддафи. Эту цель, кстати, не скрывали участники конференции, проведенной в 1984 г. совместно центром стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета и Университетом национальной обороны США. В докладе "Сети международного терроризма", подготовленном Ю. Александером и Р. Куцинским, имелся целый раздел о причастности Ливии к террористическим актам.

Особенно богатым был в этом отношении 1986 г. Приведем несколько фактов. 15 апреля 1986 г. в Бейруте заявила о себе подпольная группа под названием "Арабские вооруженные бригады". Ее представитель сообщил по телефону редакциям ряда газет, что группа приняла решение похищать и уничтожать американских, французских и английских граждан в ливанской столице. Руководство ливанских сил безопасности предположило, что организация является одной из проливийских групп, появившихся с началом кризиса в ливийско-американских

отношениях. 31 августа в Каире высший суд приговорил пятерых египтян к каторжным работам от 5 до 25 лет за то, что осужденные "вступили в контакт с разведслужбой Ливийской Джамахирии с целью создания нелегальной группы и осуществления подрывных акций, в том числе взрывов".

В сентябре 1986 г. в Карачи террористами был захвачен самолет компании "Пан-Американ", на борту которого якобы находилось большое число офицеров и сотрудников ЦРУ США. Ответственность за захват взяли на себя: ранее неизвестная группа, объявившаяся в Никозии и назвавшаяся "Ливийские революционные ячейки" (постпредство Ливии в ООН 5 сентября заявило, что "СНЛАД не имеет никакого отношения к происшедшему"); мусульманская группировка "Джунудалла" ("Солдаты Аллаха"), объявившая об этом в Бейруте. Сами же угонщики самолета заявили, что принадлежат к группировке "Палестинские коммандос".

О причастности к нападению на синагогу в Стамбуле в конце августа 1986 г. объявили: "Палестинская организация мщения" (в Никосии), "Исламское сопротивление" (в Бейруте), "Аль-Джихад аль-Ислами" (в Афинах), "Международный сражающийся фронт" (в Бейруте), "Северо-арабское единство" (в Анкаре).

В течение сентября 1986 г. Париж сотрясли взрывы, которые всякий раз приписывались неким арабским террористическим группам или организациям. В Вашингтоне госсекретарь Шульц утверждал, что ливийцы, якобы, организовали диверсии против 30 посольств США во всем мире.

Создавалось впечатление, что кто-то инспирировал действия террористов, вдруг одновременно проводивших свои кровавые операции в разных районах мира, чтобы объявить, что эти акции организовали арабы, а то и лично Каддафи. Причину появления целой серии антикаддафиевских публикаций вскрыли американские политобозреватели Дон Обердорфер и Джордж Уилсон из газеты "Washington Post". По их утверждению, США развернули психологическую войну против М. Каддафи на основе разработанного в Белом доме в августе 1986 г. плана, целью которого было запугать ливийского лидера и спровоцировать его на опрометчивые поступки.

Этот американский план, как выяснилось, был предложен госсекретарем Дж. Шульцем и директором ЦРУ У. Кейси после получения разведывательного донесения (впоследствии оказавшегося сомнительным) о том, что на встрече с южнойеменскими руководящими деятелями в начале июля 1986 г. Каддафи будто бы вел себя крайне неуравновешенно. По-видимому, в американских руководящих кругах появилась

надежда вывести Каддафи из психического состояния путем приписывания ему всех террористических актов, происходящих в мире. "Запугать Каддафи, заставить его отреагировать и придать смелость возможным противникам Ливии, побудив их действовать — вот чего хотели Соединенные Штаты", — утверждала "Washington Post",

Отчетливо просматривались в 1986–1987 гг. попытки США создать "объединенный фронт" против Каддафи, прежде всего в Европе. Однако, Старый Свет отмежевывался от США в их войне против Каддафи, хотя некоторые силы поддерживали Вашингтон. 14 апреля 1986 г. на совещании по политическому сотрудничеству в Гааге французский министр иностранных дел, например, заявил: "Франция полагает, что в том случае, если ливийское правительство приведет в исполнение угрозы, высказанные им в адрес южноевропейских стран, и, в частности, Италии и Испании, европейские государства должны согласовать надлежащие ответные меры".

М. Тэтчер поддержала санкции США против Ливии. В ФРГ заведующий внешнеполитическим отделом ведомства федерального канцлера ФРГ Х. Тельчик дал интервью журналу "Newsweek": "Мы одинаково заинтересованы в борьбе с терроризмом, где бы он ни проявлялся. Европейское сообщество согласилось ввести ряд мер против Ливии. Большинство членов ливийской миссии в ФРГ были вынуждены покинуть страну, а мы сократили численность персонала нашего посольства в Триполи. Из-за финансовых проблем Ливии мы не делаем новых инвестиций в этой стране и не заключаем с ней торговых сделок…"

Непримиримые действия Каддафи на международной арене были расценены Западом как экстремистские и террористические и повлекли за собой ответные действия против СНЛАД. Именно на основе такой оценки для политического комитета НАТО был подготовлен доклад члена комиссии по вопросам обороны Британской палаты общин Брюса Джорджа, содержание которого было опубликовано 16 ноября 1986 г. газетой "New York Times". Вывод был однозначен — необходимо принять против Ливии совместные политические и экономические санкции всеми странами-участниками НАТО. По-видимому план был принят, так как во второй половине 1980-х годов в "войне против СКЛАД" приняли участие не только США, но и Франция, ФРГ, Италия, Великобритания, некоторые другие западноевропейские страны, что свидетельствовало об их намерении "покончить с режимом Каддафи", ставшим для них опасным не столько в военном отношении, сколько в политическом: Ливия подавала пример

другим странам, которые вели такую же упорную борьбу за свою независимость.

Вместе с тем на Западе раздались и трезвые голоса. Так Л.К. Харрис в статье "Бесперспективность американской ливийской политики", опубликованной в лондонском журнале "Middle East international" в октябре 1986 г. писала, что Вашингтон ошибочно полагает, будто любой ливийский руководитель, который встанет у власти вместо Каддафи, будет "приемлемым" для американцев. Новый глава ливийского государства оказался бы еще в большей зависимости от противников США, в то время как Каддафи, по мнению автора, не представляет "стратегической угрозы для США или их союзников", а проводит независимую политику в интересах своей страны и на основе собственных политических принципов. Именно поэтому, сделала заключение Харрис, утверждение администрации США об успехах своей политики в отношении Ливии является необоснованным.

С бесспорными выводами Л. Харрис солидаризовались британские исследователи Д. Бланди и Э. Лайсет, издавшие в 1987 г. монографию "Каддафи и ливийская революция". Они утверждали, что вашингтонская администрация решилась на вооруженное нападение и физическое устранение ливийского лидера, даже вопреки рекомендациям ЦРУ, доказывавшего, что "опрокинуть Каддафи силой не удастся и что насилие чревато превращением его в героя Арабского мира". По мнению авторов монографии, игнорирование Вашингтоном аргументов ЦРУ было связано "гораздо более с американской внутренней политикой, чем с угрозой, исходящей от Ливии", поскольку "надо было продемонстрировать мощь, а не беспомощность перед терроризмом" и в качестве мишени избрали Ливию.

Д. Бланди и Э. Лайсет, ссылаясь на заявления бывшего канцлера Австрии Б. Крайского, имевшего близкие отношения с Каддафи, сделали вывод, что "с Каддафи можно вести переговоры и договориться". Для подтверждения этого тезиса они привели пример успешных переговоров между президентом Франции Ф. Миттераном и Каддафи, состоявшихся в 1984 г. при посредничестве Крайского и завершившихся соглашением о разъединении войск Франции и Ливии в Чаде. Даже израильская Моссад, утверждали Д. Бланди и Э. Лайсет, не раз оценивала политику Каддафи не как безрассудную, а, напротив, как избирательную и тщательно выверенную.

Американский разбой

"Американский разбой" у берегов Ливии в 1986 г. превзошел все' мыслимые и немыслимые международные рамки. С 1981 по 1986 г. США провели у ливийского побережья 18 военных учений и маневров, при этом с августа 1981 г. до весны 1986 г. произошло восемь столкновений сторон в заливе Сидра.

26 января 1986 г. для подтверждения ливийского суверенитета на воды залива ливийский лидер М. Каддафи вышел в залив Сидра на патрульном судне. В это время с 24 по 31 января проходили первые маневры кораблей 6-го флота США у берегов Ливии в том году. Самолеты, базировавшиеся на авианосцах, нарушали границы суверенного государства, вели разведку. 4 февраля истребители ВВС Израиля перехватили в воздухе и вынудили совершить посадку ливийский пассажирский самолет, использовав для этого данные кораблей 6-го флота. 12–15 февраля была проведена вторая военно-морская демонстрация США в этом районе, 14–16 марта — третьи учения 6-го флота США у побережья СНЛАД, а 19–21 марта — четвертая демонстрация США своей военно-морской мощи. К середине марта 1986 г. ВМС США сконцентрировали приблизительно 30 военных кораблей в центральной части Средиземного моря, в том числе два авианосца — "Саратога", "Корал Си" и ракетный крейсер "Йорктаун". 20 марта в Средиземное море вошел третий авианосец ВМС США "Америка" и линейный корабль "Айова".

Пятые учения кораблей 6-го флота США 23–28 марта вылились в нанесение ракетно-бомбовых ударов по городу Сирт и близлежащим населенным пунктам. Эти налеты выполнялись в условиях подавляющего превосходства американцев в силах и средствах.

Военная акция, в официальных документах получившая кодовое наименование "Огонь в прерии", была проведена 24–25 марта 1986 г. Тщательно готовясь к этой акции, американцы уже к середине марта в центральной части Средиземного моря развернули авианосцы, на борту которых находилось более 300 самолетов, из них почти половина — ударные. В составе соединения находились и многоцелевые атомные подводные лодки. В районе постоянно маневрировали 5 десантных кораблей с морскими пехотинцами на борту. Всеми силами управлял командующий 6-м флотом США с борта штабного корабля "Коронадо". Аппаратура спутниковой связи этого корабля позволяла поддерживать непрерывную связь не только с кораблями 6-го флота, но и с Пентагоном, и даже с президентом США.

В ночь с 24 на 25 марта американцы в порту Бенгази высокоточными кассетными бомбами повредили десантный

корабль. Корабль получил повреждения, но, укрывшись рядом с нейтральным судном, избежал гибели и вечером вернулся в Бенгази. Американская авиация с авианосца "Саратога" нанесла также удар по двум радиолокационным станциям, находившимся в районе г. Сирт.

На рассвете 25 марта американские корабли отошли в центральную часть Средиземного моря.

По данным Пентагона, американские самолеты совершили 1546 самолето-вылетов и 5 раз применяли оружие по целям.

ПВО Ливии, по американским данным, осуществили пуск 12 зенитных ракет. По ливийским данным, им удалось предположительно сбить 3 штурмовика, американцы признали повреждение только одного истребителя F-14A.

Не удовлетворившись результатами операции "Огонь в прериях", администрация США провела вторую операцию "Эльдорадо Каньон", имевшую целью прямое уничтожение лидера Ливии М. Каддафи. Поводом к развязыванию боевых действий послужил взрыв 5 апреля, произведенный якобы ливийскими террористами на дискотеке в Западном Берлине. Более 250 человек, в том числе 50 американских военнослужащих, были ранены, сержант армии США и молодая девушка убиты. Вашингтон предъявил Триполи ультиматум — в случае невыдачи виновных Ливия будет подвергнута бомбардировке. 10 апреля в американской печати появились сообщения, что администрация Рейгана, возможно, готовит повторный удар по Ливии, для этого в район залива Сидра перемещаются два авианосца. Ливийцы также готовились к конфронтации. Еще 4 апреля американская газета "Washington Post" сообщила, что Ливия предпринимает усилия по принятию на боевое дежурство зенитных ракет SA-5 к середине апреля, новые ракеты развертываются уже и на позициях в Бенгази.

Операция "Эльдорадо Каньон" была проведена в ночь с 14 на 15 апреля. В ней участвовало около 100 самолетов ВВС и ВМС из состава 60-го авианосного ударного соединения и 3-й воздушной армии ВВС США, дислоцировавшихся на аэродромах Великобритании. Для удара наметили пять целей, из которых три располагались в районе Триполи: казармы Баб-Аль-Азизия, база подготовки боевых пловцов Сиди Билала и военный сектор аэропорта Триполи, и две — в районе Бенгази: казармы Аль-Джамахария-Баррас и аэродром "Бенина". Как и предыдущий, этот налет предполагалось осуществить в темное время суток, действуя по принципу внезапности.

В 2.00 13 истребителей-бомбардировщиков F-111F атаковали объекты в Триполи. В столице было разрушены 4, повреждены до

80 зданий, в том числе — посольство Франции и 3 самолета Ил-76. Огнем ливийских зенитных установок "Шилка" был сбит один F-111F (2 пилота) и еще один поврежден. В 4.30—4.35 и 5.30—6.00 удары по Триполи нанесла палубная авиация 6-го флота США. Им удалось уничтожить или повредить 9 целей. По ливийским данным, огнем ПВО сбиты 5–6 целей.

В 2.00 палубная авиация 60-го оперативного соединения при поддержке 12 самолетов ф/А-18 нанесла главный удар по объектам Бенгази. В городе были серьезно повреждены и разрушены 4 здания, уничтожены 5 самолетов, 4 вертолета, еще 4 самолета и вертолет были повреждены. Всего погибло около 35 и ранено более 130 человек. Второй удар был нанесен в 3.40—3.45. Ливийцы в ходе боевых действий потеряли 4 зенитно-ракетных дивизиона.

По мнению американских экспертов, цели операции были достигнуты, всем объектам был причинен серьезный ущерб, на аэродромах уничтожено и повреждено 17 истребителей, 10 транспортных самолетов и вертолетов. У американцев 1 истребитель был сбит и 1 — поврежден.

13 июня 1986 г. американские должностные лица сообщили, что позиции зенитных ракет в Сирте, которые бомбили самолеты американского флота в ходе авиационных ударов, вновь функционируют со всеми 12 пусковыми установками, готовыми вести огонь. Вторая часть ракет, в Бенгази, была поставлена на дежурство частично. Операции США против Ливии продолжались. Осенью 1986 г. агентство Рейтер, ссылаясь на материал американской газеты "Джорнэл", сообщило, что летом 1986 г. американские коммандос произвели несколько высадок на побережье Ливии с подводных лодок в районе залива Сидра с целью вывода из строя коммуникационных линий. Представители Пентагона отказались от комментариев.

Президент США назвал налет на Ливию "акцией самообороны". Начиналась она из Англии. 18 самолетов F-111 взлетели вечером 14 апреля с одной из американских баз на территории Соединенного Королевства и взяли курс на Ливию. От Англии до Триполи по прямой набирается не больше 2,5 тыс. километров. Но самолеты, как известно, по прямой не летают. Добавим тысячу-полторы, получится 4 тыс. километров да плюс путь назад. Итого: 8 тыс. километров. При максимальной дальности полета в 5 тыс. километров F-111 не могли рассчитывать на спокойное возвращение после выполнения задания, без дозаправки. На обратном пути их встретили самолеты-заправщики КС-10.

Значительно позже, чем F-111, с палубы авианосцев

"Америка" и "Корал Си" взлетели 15 палубных штурмовиков А-б "Интрудер". Их подлетное время до целей составляло несколько десятков минут — дозаправка в воздухе не требовалась. С ними проблем было мало, если не считать двух сбитых. Трудности, причем дипломатического характера, появились с самолетами F-111.

Почти сразу после налета на ливийские города в Вашингтоне в Овальном кабинете Белого дома 15 апреля состоялась пресс-конференция министра обороны США Каспара Уаинбергера и государственного секретаря Джорджа Шульца. Насколько циничной и лицемерной была оценка произошедшего не только по отношению к ливийцам, но и к своим союзникам по НАТО можно судить из некоторых выдержек из нее.

"Шульц: Президент только что описал акт самообороны, предпринятый Соединенными Штатами. Эта операция была соразмерна постоянному, явному, последовательному и широкомасштабному использованию террора против американцев и других, практикуемого Ливией под руководством Каддафи. Как указал президент, мы — и, конечно, особенно европейцы — должны помнить, что снисходительное отношение и умиротворение агрессии в историческом плане ведут лишь к новым агрессиям.

В случае с Каддафи мы на протяжении ряда лет были свидетелями дальнейшего расширения масштабов использования террора, особенно в последние месяцы… Это была эскалация со стороны Каддафи, которая повлекла за собой акт самообороны со стороны Соединенных Штатов. При этих обстоятельствах президент решил, что пора действовать, и принял меры. Министр Уайнбергер более конкретно расскажет, в чем заключалась эта операция.

Уайнбергер: Примерно в 7 часов вечера по восточному поясному времени подразделения 3-й воздушной армии атаковали объекты в Западной Ливии, и в то же время самолеты А-б с авианосцев "Америка" и "Корал Бич" нанесли удары по объектам в Восточной Ливии. Объектами в Западной зоне были военный аэродром поблизости от Триполи, казармы "Азизия", являющиеся штабом и центром управления ливийскими террористическими действиями, и Сиди-Белаль, учебный район, включая объект для обеспечения моряков-водолазов для террористических актов за Западе. На Востоке такими объектами были казармы "Джамахирия" (запасной командный центр на случай, если что-нибудь произойдет с казармами "Азизия") и авиационная база "Бенина", с которой могли бы быть предприняты силами ПВО оборонительные акции.

…Все самолеты авиации ВМС вернулись, не понеся никаких потерь. Все F-111, за исключением одного, целы и возвращаются. Пока еще не известно, что случилось с одним самолетом. Они вернутся на свои базы примерно в 2 часа ночи по восточному поясному времени.

Судя по оценкам, в настоящий момент ущерб, причиненный бомбами, ограничен; мы пока еще не получили исчерпывающих донесений, но знаем, что авиационная база в Бенине закрыта. Им не удалось поднять в воздух какие-либо самолеты, они остались без огней, без РЛС, без связи в результате нашего нападения. Мы получим самые исчерпывающие донесения, когда F-111 вернутся на свои базы рано утром, и тогда мы будем располагать более точными оценками ущерба, причиненного бомбардировкой.

Нападение было предпринято в точном соответствии с планами и, как указал президент, продемонстрировало высокое мастерство как в навигационном, так и в организационном аспектах. Операция была трудной с профессиональной точки зрения и была осуществлена весьма эффективно. К указанному времени мы должны получить исчерпывающие донесения об ущербе, причиненном бомбами. Все объекты имели отношение к террористической деятельности… Мы исходили из того, что постараемся свести к минимуму любой ущерб для близлежащих гражданских и других объектов, что мы полностью примем в расчет безопасность пилотов в качестве важнейшего соображения, и что эти объекты… имеют четкие очертания, которые смогут быть отражены на экранах РЛС, так что их нельзя будет спутать с другими целями.

Вопрос: Была ли, сэр, предпринята попытка добраться до самого Каддафи?

Уайнбергер: Нет, не была.

Дональдсон: По сообщениям, кое-кто из его семьи ранен.

Уайнбергер: Мы ничего не знаем об этих сообщениях. Их источник — ливийское радио.

Вопрос: Сколько людей, по вашему мнению, убито?

Уайнбергер: Мы понятия не имеем о том, что мы кого-то убили.

Вопрос: Г-н министр, считаете ли Вы, что этот самолет F-111 сбит?

Уайнбергер: У нас нет никаких свидетельств этого. Просто о нем пока ничего не известно.

Вопрос: Но если он не сбит, чем другим можно объяснить то, что о нем ничего не известно?

Уайнбергер: Ну, объяснений множество. Возможны какие-то неполадки с радиосвязью. Возможно, он отправился на другую

базу из-за этих неполадок. Быть может, что-то случилось с ним самим, скажем, какой-то взрыв. Но нет никаких свидетельств того, что он сбит, что он стал жертвой огня противника или чего-то в этом роде.

Вопрос: Сообщалось также, сэр, что вы разбомбили часть французского посольства в Ливии. Известно ли Вам об этом, что-нибудь?

Уайнбергер: Нет, по-моему, это практически невозможно.

Вопрос: Одобрила ли г-жа Тэтчер вылет F-111 с территории Англии?…

Уайнбергер: Да, разрешение было дано… Вопрос: Не могли бы Вы сказать нам, сколько самолетов участвовало в этом?

Уайнбергер: Первоначально планировалось использовать примерно 18 F-111. Кроме того, было приблизительно 15 A-6 и A-7 и вспомогательных самолетов, таких, как бензозаправщики E-2C, истребители прикрытия и самолеты, выполнявшие некоторые другие задания, которые вылетели одновременно… Я не располагаю точной цифрой… Вот маршрут, по которому следовали F-111 с баз в Англии в Милденхолле, Лейпкенхите и в Аппер-Хайфорде; а бензозаправщики следовали вот этим маршрутом, и они проделали путь в общей сложности 2800 морских миль…

Вопрос: Считаете ли Вы, что тем самым мы свели счеты с Ливией, сэр? В какой степени, по Вашему мнению, это сводит счеты с Ливией?

Шульц: Речь не идет о сведении счетов. Речь идет о борьбе против терроризма, о том, чтобы заявить террористам, что им придется расплачиваться за содеянное ими. Если повысить такую плату, возникнет фактор, который со временем должен сыграть роль сдерживающего, и именно в этом заключается первоочередная цель — защитить нас как в ближайшем будущем, так и в будущем более отдаленном.

Вопрос: Какие шаги предпринимаются сейчас, после этого нападения, чтобы повысить уровень обеспечения безопасности посольств Соединенных Штатов за рубежом, особенно на Ближнем Востоке?

Шульц: Все наши посольства, разумеется, предупреждены. Мы располагаем докладами и уведомлениями, в нашем распоряжении много доказательств попыток Ливии совершить нападения — речь идет о нападениях на примерно 30 наших посольств…

Вопрос: Г-н государственный секретарь, если мы располагали столь вескими доказательствами и столь солидными разведывательными данными об этом — особенно если учесть

сказанное сегодня вечером представителем Белого дома и президентом, — то почему мы не смогли предотвратить эту акцию в Берлине, зная, что распоряжение о ней отдано за день до этого?

Шульц: Нам было известно, что они распорядились о проведении акции в Берлине. Берлин — большой город… Нам… удалось не допустить ряда террористических акций. Но в этом случае нам не удалось выявить эту конкретную дискотеку и вовремя убрать оттуда людей.

Уайнбергер: По словам генерала Роджерса, донесение об этом конкретном объекте и о том, что он потенциально опасен, опоздали всего на 15 минут.

Вопрос: Поскольку сирийское правительство обещало поддерживать ливийское правительство в этом кризисе, готовимся ли мы также теперь к каким-то террористическим акциям, инспирированным сирийцами против Соединенных Штатов?

Шульц: Мы готовы на случай любых террористических актов против Соединенных Штатов. Мы наладили сотрудничество с другими странами и встревожены терроризмом, направленным против других, в не меньшей степени, чем терроризмом, направленным против нас самих…

Вопрос: Г-н государственный секретарь, почему мы оказались в одиночестве среди союзников, за исключением, по-видимому, только Маргарет Тэтчер? Почему европейское экономическое сообщество предостерегает нас от ответных мер, если доказательства, которыми мы располагаем, неопровержимы?

Шульц: В отношении наших союзников можно сказать, что среди них есть самые различные мнения, и я бы отметил, что беседы со множеством из них в последнее время выявили заметные различия во мнениях среди этих правительств. В принципе, я считаю, что произошли сдвиги в сторону более четкого сознания того, что именно представляет собой Каддафи, что он делает, и постепенное приближение к выводу о необходимости что-то предпринять в этой связи. Сегодня заседают министры иностранных дел государств европейского сообщества. Они не были уведомлены о том, что мы собираемся делать, хотя некоторые из этих правительств знали о наших планах; безусловно, о них знали англичане. Фактически они активизировали свое осуждение Ливии… Так что какой-то сдвиг есть. Но, как Вы уже сказали, они пока не разделяют нашей уверенности в том, что акции такого года продиктованы необходимостью.

Вопрос: Г-н государственный секретарь, министр Уайнбергер,

я смотрю на маршрут, проделанный самолетами, и думаю: не обходный ли это путь, не попытка ли это избежать пролета над территорией союзников, что могло бы…

Уайнбергер: Безусловно, располагай мы разрешением лететь прямо, мы бы не заставляли наших пилотов следовать таким длинным путем. Но, учитывая маршруты, находившиеся в нашем распоряжении, мы вылетели из Англии и достигли Ливии. С оперативной точки зрения для пилотов было бы безопаснее и заняло бы меньше времени, если бы маршрут был прямым…

Вопрос: Государственный секретарь Шульц, какой ущерб в чисто оперативном плане причиняет это Каддафи и террористическим операциям? На какое время это заставит его притихнуть? Я имею в виду: причинен ли какой-то действительный ущерб, или же речь идет о психологическом ударе, который Вы рассчитываете нанести?

Шульц: Мы пока не располагаем оценками реально причиненного ущерба. Но мы получим их и будем более точно знать, что произошло. Мы стараемся уменьшить его способность осуществлять террористические акции, и я уверен, что в какой-то степени это сделано. Мы также показали ему и другим ливийцам…что за террористическую деятельность по всему миру придется платить определенную цену. И они теперь это знают.

Вопрос: Г-н государственный секретарь, была ли поддержка со стороны Тэтчер безоговорочной, или же она чем-то оговорила свою готовность позволить этим самолетам…

Уайнбергер: Нет, у г-жи Тэтчер, безусловно, было множество вопросов и тревог, они были высказаны, на них был дан ответ, после чего было дано разрешение сделать то, что было сделано. Вопрос: Судя по дополнительным сообщениям, в Триполи пострадало французское посольство?

Уайнбергер: Я не думаю… вряд ли это точные сообщения, если учесть характер объектов и характер использованных боеприпасов".

Буквально на следующий день, 16 апреля, один из членов экипажа самолета-заправщика КС-10, переполненный сознанием собственной значимости, нарушив все предписания командования, дал интервью корреспонденту английского информационного агентства "Press Association". По его словам, за два дня до "операции" его с коллегами перебросили на базу в Милденхолле и до последнего момента не сообщали о предстоящих действиях. Задание получили накануне вылета. Его самолет шесть раз дозаправлял в воздухе F-111. "Я разговаривал с пилотами бомбардировщиков, — сказал английскому журналисту герой-заправщик, — и те не скрывали, что успешно справились с

заданием. Это было самое потрясающее событие в моей жизни. Именно для таких дел мы и обучены… Единственное, чем наши парни разочарованы, это тем, что Каддафи остался жив. Первый вопрос, который я задал пилотам по возвращении самолетов, был: "Удалось ли вам разделаться с ним?".

От Англии до Ливии дорога длинная. Чтобы срезать путь, американские летчики решили пролететь над Францией и Испанией. Правда, ни та, ни другая страна такого разрешения не давали, но их и не спросили. Дело было ночью, и американские пилоты решили не беспокоить ни французов, ни испанцев и полетели без спроса прямо через юг Франции и Пиренейский полуостров. На всякий случай спустились как можно ниже, чтобы не шокировать радары своих союзников по НАТО.

Французы, как выяснилось, спали не все в ту памятную ночь и засекли пролет американцев, доложили, как положено, по команде и, возможно, готовы были забыть пикантный с точки зрения военного и международного этикета инцидент. Но некстати подала голос французская пресса. Сатирический еженедельник "Le Canard enchaine" написал: "Американцы жестоко посмеялись над французским и испанским правительствами. Таково мнение многих французских офицеров, заявляющих о своей прекрасной осведомленности о том, что бомбардировщики ВВС США не обогнули Пиренейский полуостров, а срезали путь и пересекли Пиренеи с запада на восток. Таким образом, эти самолеты пролетели над французской и испанской территорией, не имея на то разрешения ни от Парижа, ни от Мадрида. Полет проходил ночью, на минимальной высоте. Используя рельеф местности и совершенное оборудование, самолеты не попали в зону действия французских и испанских радиолокационных систем".

Вообще-то этот факт доходчиво и наглядно объясняет, кто в натовском союзе равных партнеров равный, а кто — главный. Еще США успели слегка подставить Кипр, посадив на английские базы острова свою авиацию, перекрашенную под английскую, с турецких аэродромов. Об этом факте вообще мало кто знает, а кто знает, молчит — от стыда (Кипру должно быть совестно), от наглости (Штаты и Турция демонстративно никого не боялись уже тогда), от позора (флаг английских ВВС стал вдруг не гордостью, а ширмой — несолидно).

Глава VIII
Отношения с Россией

Россия как правопреемница СССР была признана Ливией в конце 1991 г. Одновременно были признаны самостоятельными другие республики распавшегося Советского Союза. Но ливийцы чтят историю.

Советский Союз вложил немало сил в борьбу за то, чтобы Ливия после окончания Второй мировой войны получила независимость. Однако, феодально-аристократическая верхушка и западные державы, хозяйничавшие в стране до революции, всячески препятствовали развитию советско-ливийских связей. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены лишь в сентябре 1955 г., посольство СССР в Триполи открыто 11 января 1956 г., ливийское посольство в Москве 22 сентября 1962 г. 30 мая 1963 г. было подписано первое торговое соглашение между двумя странами. С марта 1964 г. СССР начал участвовать в ежегодной Международной торгово-промышленной ярмарке в Триполи. Но при королевском режиме советско-ливийские связи носили ограниченный характер.

После победы сентябрьской революции начали вырисовываться новые перспективы. В марте 1970 г. высокопоставленная ливийская делегация посетила Москву, В ходе визита было подписано первое в истории революционной Ливии соглашение о научно-техническом сотрудничестве с СССР. В том же году, когда английское правительство объявило о намерении конфисковывать нефть за национализацию активов "British Petroleum", Советский Союз осуществил крупные закупки ливийской нефти, предотвратив тем самым английский бойкот.

В марте 1972 г. состоялся визит ливийской правительственной делегации во главе с членом СРК А. Джеллудом в СССР. В ходе этого визита были подписаны соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и о торговле между двумя странами. Эти соглашения стали основой развития широкомасштабных экономических связей между СССР и Ливией.

В то же время политические отношения между двумя странами в тот период развивались неровно. Одной из главных причин этого были идеологические расхождения, серьезные различия во взглядах на политические процессы в развивающемся и, в частности, в арабском мире. Отчасти это объяснялось и тем, что ливийские руководители с подозрением относились ко всему,

что исходило из ненациональной почвы, в особенности от развитых стран, независимо от их социально-политических систем. Несомненное влияние на их воззрения в тот период оказывала и китайская теория о "двух сверхдержавах", в соответствии с которой на одну доску ставилась политика СССР и США. Однако постепенно советско-ливийские политические контакты начали размораживаться. Последовала серия взаимных визитов лидеров двух стран. В мае 1975 г. в Ливии находилась советская правительственная делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным.

Визит А.Н. Косыгина сыграл большую роль и в жизни советской колонии в Триполи. Ливийские власти отменили установленную для посольства СССР квоту на количество дипломатического и технического персонала (Квота была введена с 1969 г. только для посольств США, Великобритании, Франции и СССР и ограничивала число дипломатов до 8 персон и число техперсонала до 7 человек), а также предоставили земельный участок для строительства нового здания посольства СССР.

В декабре 1976 г. состоялся визит М. Каддафи в СССР.

23 апреля 1977 г. в Ливии было учреждено общество дружбы с Советским Союзом.

Такое же общество было создано в СССР. В ноябре 1977 г. ливийская делегация во главе с Х. Хмейди участвовала в торжествах по случаю 60-летия Октябрьской социалистической революции. В феврале 1978 г. состоялся визит А. Джеллуда в Советский Союз. В октябре 1979 г. в Ливии успешно прошла неделя дружбы с Советским Союзом, за полгода перед этим неделя дружбы с Ливией была проведена в СССР. Ежегодное проведение "недель дружбы" стало доброй традицией.

В апреле 1981 г. М. Каддафи вновь посетил СССР. В 1981 и 1982 гг. в Москву приезжал А. Джеллуд.

В декабре 1982 г. ливийская делегация во главе с генеральным секретарем ВНК М.З. Раджабом принимала участие в торжествах, посвященных 60-летию образования СССР.

Во время визита (16–18 марта 1983 г.) ливийской делегации во главе с А.С. Джеллудом и А.Б.Ю. Джабером состоялся широкий обмен мнениями по важнейшим проблемам международной политики, в ходе которого было отмечено, что по большинству вопросов СССР и СНЛАД выступают с общих или весьма близких позиций.

Новым шагом на пути дальнейшего развития отношений стал визит М. Каддафи в СССР 10–14 октября 1985 г., во время которого был подписан протокол о политических консультациях между СССР и СНЛАД и консульская конвенция. Делегаты ВНК

СНЛАД во главе с А.А. Джеллудом были гостями XXVII съезда КПСС, а А.Б.Ю. Джабер возглавлял ливийскую делегацию на торжествах в Москве в ноябре 1987 г. по случаю 70-летия Октября.

Бурное развитие советско-ливийских контактов на высшем уровне вызвало на Западе немало комментариев, в которых договаривались даже до того, будто "ливийский плацдарм перешел в руки Советов". Ю. Бодянский, например, утверждал, что СССР готовил удар по Египту с территории Ливии. Р. Педжак развил тезис о "вытеснении западного влияния из ливийской армии". Вместе с тем высказывались и более взвешенные оценки.

Так, Р.Б. Джон, отмечая совпадение точек зрения лидеров СССР и СНЛАД по многим международным вопросам, обратил внимание на их "идеологическую несовместимость". По мнению Р.Б. Джона, именно этот факт объясняет, почему советско-ливийское сотрудничество было ограничено сферой торгово-экономических связей и медленно продвигалось в сторону идеологического сближения.

Действительно, превалирующими в советско-ливийских отношениях были экономические связи, наша заинтересованность в Ливии прежде всего как в партнере, платившем твердой валютой.

С 1974 г. ежегодно заседала двусторонняя советско-ливийская комиссия по вопросам развития экономического и научно-технического сотрудничества, а также торговли. На основе обязательств по соглашению 1972 г. Советский Союз приступил к оказанию содействия Ливии в выполнении ее экономических планов.

Первый объект сотрудничества — линия электропередачи протяженностью 190 км— был сдан в эксплуатацию 26 августа 1979 г. Сооружались другие линии ЛЭП, которые вошли в единую энергосистему Ливии.

В 1982 г. было завершено строительство газопровода Мерса-эль-Брега — Мисурата протяженностью 570 км, который связал газовые месторождения Ливии с новым промышленным районом вокруг Мисураты.

Советский Союз оказал СНЛАД техническое содействие в разработке генеральной схемы развития газовой промышленности до 2000 г.

В 1977–1981 гг. в Ливии работала советская почвенно-экологическая экспедиция, которая провела геоботанические и почвенные исследования на площади 3,5 млн. га. На основе проделанной работы были составлены соответствующие карты. В 1985 г. в Триполи был подписан еще один протокол о

расширении сотрудничества в области сельского хозяйства.

Наши специалисты оказывали содействие в развитии таких областей, как металлургия и нефтехимия, вели буровые работы на нефть, участвовали в сооружении двух заводов по производству азотных удобрений, в строительстве ряда учебных центров, в разведке полезных ископаемых в СНЛАД, трудились в области метеорологии, мелиорации, землеустройства, в медицинском обслуживании населения, в изучении проблем планирования и др.

Во время визита М. Каддафи в Москву в октябре 1985 г. была подписана долгосрочная программа развития экономического, научно-технического и торгового сотрудничества между СССР и СНЛАД. Официально отношения между СССР и СНЛАД строились на принципах невмешательства во внутренние дела, уважения независимости и национального суверенитета, взаимной выгоды, недопустимости использования силы или угрозы ее применения в двусторонних отношениях.

В то же время мирные усилия СССР на международной арене и на Ближнем Востоке, особенно в период обострений, связанных с кувейтским кризисом, в Триполи расценили как "уступку Западу". На встрече с советскими журналистами, состоявшейся в январе 1991 г., М. Каддафи позволил себе обрушиться на Москву за то, что она "потеряла уверенность в себе, хотя и обладает военным потенциалом, в десятки раз превышающим потенциал США". По его мнению, Москве надо "не уступать", а "вернуть себе былую глобальную роль", чтобы, как и прежде, во времена "холодной войны", под защитным зонтиком Москвы могли бы уютно себя чувствовать друзья России перед "терроризмом США". Но, несмотря ни на что, подчеркнул М. Каддафи, "мы верим в русских и дорожим дружбой с ними". Ливийский лидер выразил надежду на развитие торгово-экономического и других видов сотрудничества с традиционным арабским партнером, которым в Триполи считали СССР.

В 1996 г. глава Ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи призвал российскую сторону возобновить в прежних масштабах экономическое сотрудничество и предложил возвести на своей территории несколько крупных объектов на общую сумму в 10–11 млрд. долл. В ответ Борис Ельцин направил в адрес Каддафи послание, из которого следовало, что и в Москве готовы "вернуться в Ливию.

В октябре 1997 г. Москва официально заявила, что готова начать полномасштабные переговоры с Триполи на экспертном уровне о реконструкции центра атомных исследований "Таджура", сооружении станции космической связи, строительстве железной

дороги и подземного метро.

Возглавлявший нашу часть российско-ливийской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству министр РФ по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу заявил, что отношения между двумя странами, наконец, выходят из кризисного состояния. Он сказал, что Россия более не собирается терять свои позиции на ливийском рынке, где "мы крепко стояли на ногах в течение последних четырех десятилетий".

В 1998 г. было объявлено, что ливийцы намерены интенсивно развивать поисковую работу в нефтяной области и привлечь новые инвестиции в этот сектор экономики. В частности, к 2005 г. были осуществлены следующие проекты: развитие нефтеперегонных заводов в городах Завия, Тобрук и Рас-Лануф; строительство нового нефтеперегонного завода в городе Себха; развитие поисковых газовых работ и нефтяных полей. Общая стоимость инвестиций в сектор экономики составила 4,587 млрд. долл.

Ливийцы начали также готовиться к освоению воздушных трасс после отмены санкций. В частности, ливийская авиакомпания решила приобрести 25 самолетов типа "Аэробус" на сумму 2,5 млрд. долл. Одновременно был построен центр по обслуживанию самолетов и центр по подготовке летных кадров. Заключены контракты на ремонт и переоборудование аэродромов для возобновления их нормальной деятельности.

В Джамахирии снова вспомнили о проектах строительства железных дорог. Особенно в этом нуждаются южные районы страны, откуда на север, к металлургическому комбинату в Мисурате, подвозится железная руда и где вообще дорожная инфраструктура развита слабо. Был рассмотрен проект строительства железной дороги на участке Рас-Джейр Исмаит—аль-Хейша Шатти — Себха.

По всем вышеназванным проектам ливийские власти предложили нам, россиянам, контракты, которые дали бы работу 25 000 наших соотечественников. Об этом автор опубликовал статью в газете "Труд" 17.09.1998. Последовали письма с предложениями о сотрудничестве с ливийцами. В частности, свои услуги предложила воронежское проектно-изыскательское предприятие "Путь", направившее 23 сентября 1998 г. соответствующие факсы в адрес посла Ливии в РФ, в московские инстанции и даже автору этих строк. Увы! На этом все и кончилось. Москва ждала отмены санкций ООН, но не использовала свое право "вето" в Совете Безопасности. Триполи, со своей стороны, тоже ждал отмены санкций, но и одновременно искал партнеров. Нашел их, но не в московских кабинетах…

Военные связи между Ливией и СССР, а позднее с Россией, развивались неравномерно. В годы королевского режима эти связи отсутствовали, при посольствах обеих стран даже не было аппаратов военных атташе. После свержения монархии фактически на сотрудничество с СССР новых ливийских руководителей толкнул Вашингтон, грубо высказавший недовольство крупными сделками, заключенными его партнерами по НАТО — Францией, Италией, ФРГ, Грецией — на поставку оружия для режима Каддафи. США демонстративно отказали Ливии в просьбе поставить систему ПВО, военно-транспортные самолеты и обучить военных летчиков и вынудили своих партнеров сделать то же самое.

Тогда-то и началось зондирование, а затем развитие военного сотрудничества с Москвой. Через полгода после переворота, 3 марта 1970 г. во время пребывания Джеллуда и Харруби в Москве было подписано первое соглашение о сотрудничестве в военной области. А о продолжении этого сотрудничества шла речь в Каире между М. Каддафи и А.Н. Косыгиным после похорон Г.А. Насера 3 сентября 1970 г. Через два года А. Джеллуд подписал еще одно соглашение с Москвой о военно-техническом сотрудничестве. Оно было уточнено и расширено в 1975 г. во время визита в Ливию предсовмина СССР А.Н. Косыгина.

С середины 1970-х годов в Ливию потоком пошла советская военная техника, туда направились тысячи наших военных специалистов. Всем этим стали заниматься аппараты по связи с военным командованием, открытые одновременно в Триполи и в Москве. В Триполи также начали функционировать представительство Главного инженерного управления ГКЭС, координировавшего поставку боевой техники, и Главного технического управления ГКЭС, занимавшегося сооружением на территории Ливии объектов военной инфраструктуры. В тот период бурного военного сближения Ливию посетили все видные советские военачальники.

Важной вехой в развитии военного сотрудничества и в определении его масштабов стал визит в Ливию в 1978 г. начальника Генерального штаба маршала Советского Союза Николая Васильевича Огаркова. Его сопровождала большая группа высших офицеров. Делегацию принимал М. Каддафи, другие члены СРК. Н.В. Огарков и сопровождавшие его лица присутствовали на показательных танковых и морских учениях, на запусках ракет и других образцов военной техники, поставленных из СССР. Наша страна стала самым крупным военным партнером Ливии: в 1979–1983 гг., например, из 12,095 млрд. долл., на которые Джамахирия закупила оружия за

рубежом, на долю СССР пришлась почти половина средств (5,8 млрд. долл.), вторую же часть поделили Чехословакия, Франция, Италия, ФРГ и другие страны.

Перестройка в СССР, начавшаяся во второй половине 1980-х годов, последовавшие за этим сближение Москвы и Вашингтона, распад Варшавского Договора, а за ним и всего Советского Союза были болезненно восприняты ливийским руководством. "Пошел процесс" отката не только политического, но и военного сотрудничества с Москвой. Ливийские власти отправляли сотнями, а то и тысячами наших специалистов из страны еще до принятия санкций против Триполи в связи с "делом Локерби". Последний же наш военный специалист покинул ливийскую территорию к середине 1992 г., после известной резолюции СБ ООН о блокаде СНЛАД.

Объем советских военных поставок постмонархической Ливии в 1969–1991 гг. составил около 20 млрд. долл., и он оплачивался не только валютой (более 1 млрд. долл. ежегодно), но и встречными поставками нефти. Задолженность в 3 млрд. долл. была позже также компенсирована.

В заключение следует заметить, что в 1990-е годы Джамахирия почти в одиночку воевала с США и смогла выстоять. Москва же, которой Вашингтон обещал "златые горы", не только не получила их, но и растеряла своих давних союзников в Арабском мире и тоже осталась одна. А найти-то надо было всего-навсего мужество в себе самих, чтобы вспомнить и воскресить исторические дружеские связи с Арабским миром, в том числе и с Ливией, и открыть в отношениях с ним "новую страницу".

Между тем, когда Россия в марте 1992 г. проголосовала в Совете Безопасности за антиливийские санкции в том виде, в каком они были предложены западными державами, она сама нанесла удар по этим интересам. Фактически с помощью санкций нас заставили в одночасье уйти из Ливии. В то же время на продажу Ливией своей нефти, которую закупают прежде всего западноевропейские страны, санкции распространены не были.

29 августа 1994 г., в канун 25-летия СНЛАД, на российском телевидении был показан документальный фильм "Под голубым небом Ливии". Фильм был результатом творческой поездки в Ливию в конце июля 1994 г. группы российских творческих работников, среди которых был и автор этих строк. Нас хорошо и радушно принимали, не обмолвившись ни одним упреком, что Россия поддержала санкции СБ ООН и оказалась соучастником блокады. 2 сентября 1994 г. на конференции, организованной в Москве Союзом писателей России по случаю 25-й годовщины ливийской революции, я поделился с собравшимися, а там были

представители более 20 общественных организаций, впечатлениями о поездке в Джамахирию и присутствовавшие в зале ливийцы увидели, что и в России у них есть искренние друзья…

Отметим для объективности, что ливийской проблемой занималась не только парламентская группа Госдумы по взаимодействию с арабскими странами, но и отдельные партии.

К сожалению, все потуги воздействовать на российские госструктуры, принимающие решения, оказались тщетными. Фактически были заблокированы и инициативы Парламентской группы РФ по взаимодействию с арабскими странами, и инициативы научных и общественных кругов, добивавшихся пересмотра позиции Москвы относительно антиливийских санкций СБ ООН. Представитель России в СБ ООН так и не решился использовать "право вето", и это — одна из самых печальных страниц в истории российско-ливийских отношений в XX веке…

И последнее. В конце декабря 2008 г. в статье Муаммара Каддафи, которую опубликовала американская газета "The Washington Times", он писал о том, что НАТО представляет угрозу не только для Ливии, но и для России. Расширение НАТО Каддафи назвал не только попыткой создать защиту, но и "заполнить политический вакуум, появившийся после распада Советского Союза". По его словам, со стороны бывших советских республик это была "мания независимости". По мнению Каддафи, "из-за решения Запада разместить элементы системы ПРО в Восточной Европе началась новая гонка вооружений". При этом ливийский лидер подчеркивает, что "неправильное толкование Западом реакции России на расширение НАТО стало предвестником совершенных в последнее время стратегических ошибок — таких, как вторжение в Ирак — которые были предприняты на основе ложной информации и наивного и недальновидного анализа". В этой связи он задается вопросом о том, "ожидал ли Запад на самом деле, что "мания независимости" остановится на прозападном Косово и не достигнет Абхазии и Южной Осетии?".

Он напоминает, что "Россия — это не Советский Союз, мир продвинулся вперед к сотрудничеству, а не к шантажу". Руководитель Ливии призывает Запад "вовремя услышать этот звонок".

Эпилог

На Арабском Востоке немного лидеров, о которых отзывались бы так противоречиво, как о лидере ливийской революции полковнике Муаммаре Каддафи. Сын бедуина он стал одним из тех, кто подготовил и поднял восстание в стране, где монархический режим не только не жалел средств на поддержание своей безопасности, но и, казалось, надежно охранялся американскими, английскими, французскими и итальянскими колонизаторами, чувствовавшими себя в Ливии как дома. На "обломках самовластья", свергнутого в 1969 г., М. Каддафи поклялся превратить свою отсталую, обремененную средневековыми пережитками родину в свободное, независимое, процветающее государство масс, которое он, добившись поставленной цели, назвал в 1977 г. "Джамахирией".

Фактически после свержения монархии, благодаря радикалистским усилиям революционного руководства, ливийская политическая структура претерпела невиданную в арабском мире эволюцию от элитарной кланово-феодальной системы через республику к "прямому народовластию".

И наряду с этим, несмотря на активное формирование институтов джамахирийской системы и широкие социально-экономические преобразования, нельзя было не обратить внимания на признаки относительной устойчивости ряда ливийских традиционных общественных структур, что значительно сдерживало процессы национальной консолидации, к которой призывали лидеры революции. На первых порах они явно недооценили живучесть региональных (провинциальных) кланово-племенных и этнических особенностей, стойкость пережитков кровно-родственных отношений на всех уровнях и в большинстве сфер социальной организации страны. Эти признаки в основном существовали в скрытых формах, и, видимо, поэтому их роль была мало изучена и исследователями новейшей истории Ливии. Между тем, влияние местных традиций проявилось уже на начальных этапах разработки М. Каддафи своей "третьей" теории. Сознавая, что режим нуждался в поддержке племен, Каддафи учел "анахроническое самосознание бедуинов и заложил его в основу своей политической теории".

Социально-экономическая структура Ливии подверглась двойному изменению: сначала на основе "Национальной хартии" Г.А. Насера, затем уже в свете установок "третьей теории" Каддафи. Относительно быстрая замена насеризма, по нашему мнению, была связана с тем неоспоримым фактом, что ливийское

общество значительно отличалось от египетского: для него были характерны внутренняя сегментация (уклад жизни населения прибрежной полосы отличался от уклада жизни берберов пустыни); почти независимо друг от друга развивались исторически сложившиеся области, объединенные названием "Ливия" — Триполитания, Киренаика, Феззан; шла непримиримая борьба кланов за власть, и страна нуждалась в "сильной руке", чтобы покончить с местничеством; оно испытывало нараставшее давление иностранцев (европейцев и арабов-неливийцев) в экономической области и находилось под сильнейшим влиянием исламских фундаменталистов.

По существу Каддафи начал с главного: он объявил себя сторонником продолжения "перманентной революции" пророка Мухаммеда в новых условиях, когда "рутинному" традиционализму, изжившему себя, требовалось вдохнуть "новый импульс". На этой основе Каддафи объявил сенуситские мусульманские приходы (завии) главными виновниками социально-экономического застоя и в течение 1970-х годов распустил их. "Исламской улице", по которой призывали идти фундаменталисты, Каддафи предложил социальный партикуляризм, к чему исторически были склонны ливийцы, и это в какой-то степени импонировало им в создавшейся для них новой ситуации после свержения монархии.

Особенно значительно отличалось от египетского ливийское городское общество. Только 6,25 % всего населения страны можно было в 1973 г. отнести к классу эксплуататоров. Да и то это были в основном мелкие собственники или лавочники, среди которых всего лишь 6 % семей использовали наемный труд пяти и менее ливийцев. В сельском хозяйстве, где сенуситы десятилетиями поощряли коллективное землепользование и где сложившуюся структуру начали ломать только итальянские колонизаторы с 1930-х годов, передав часть земель в частное владение и создав таким образом группу крупных латифундистов. Только 3 % всех сельскохозяйственных угодий занимали крупные собственники, владевшие от 50 до 100 га земли.

Это означало, что и в городе, и в деревне лишь незначительная часть ливийцев была эксплуататорской по отношению к своим согражданам, зато около 30 % экономически активного населения страны составляли арабы-неливийцы, причем две трети рабочих нефтяной промышленности и 40 % занятых в других отраслях экономики были иностранцы, а 10 % самих ливийцев являлись служащими в административном аппарате.

Фактически ливийское общество в 1970-х годах почти не

имело своей крупной финансовой или промышленной элиты, так же как малочисленна была и прослойка среднего бизнеса, занимавшегося в основном внутренней коммерцией. По численности все вместе они не превышали 1 % населения, большинство же частного сектора составляло приезжие коммерсанты. Революционное руководство, преобразуя общество, по существу расчищало дорогу национальным кланам, но оно мало влияло на качественные изменения внутри самого ливийского общества, особенно на его социализацию или пролетаризацию: скорее устранялись завалы на пути развития национального капитализма в стране.

Эти социально-экономические процессы были характерны для очень узкой, но наиболее развитой прибрежной полосы, где сосредоточено более 90 % всего населения страны. Остальная территория находилась в руках тех, кто жил в бедуинских палатках. На необъятных просторах пустыни и в оазисах пропагандировался лозунг Каддафи о том. что вся земля принадлежит Всевышнему и никому другому, и потому каждый верующий может обрабатывать столько земли, сколько ему это под силу. На языке жителей пустыни это переводилось как обещание не трогать бедуинских обычаев, а, значит, не трогать и берберскую элиту, что устраивало и центральные власти, и местные бедуинские кланы, и племенных вождей.

На начальном этапе существования нового режима бедуинские лидеры поэтому заняли нейтральную позицию, пристально наблюдая, как Каддафи и его сторонники укрепляли свою власть, расправившись сначала с представителями "старой" королевской знати, поднявшими бунт в Феззане, а затем и с военными группировками либералов, попытавшимися заменить леворадикальную часть СРК у руля управления страной.

Важной составной частью джамахирийской системы стала сеть революционных комитетов. Первоначально им отводилась пропагандистская и просветительская роль, но постепенно они стали выполнять функцию органов принуждения и безопасности на предприятиях, в учебных заведениях и в вооруженных силах. Революционные комитеты к началу 1980-х годов стали для Каддафи основным средством поддержки режима и борьбы с внутренней оппозицией.

Радикалы из ревкомов, как наиболее воинственные представители промежуточных слоев, претендовавшие на "место под солнцем" весьма ретиво захотели стать частью новой элиты. Но им не хотели уступать своих позиций и вожди племен, представители которых составляли революционное руководство.

Падение цен на нефть в начале 1980-х годов дало импульс

более серьезным процессам базисного характера, что не замедлило сказаться на всем характере эволюции новой социальной интеграции, так ярко проявившийся в развитии капитализма в Ливии после 1969 г. Несмотря на имевшиеся достижения, экономика Ливии оказалась в тупиковом положении буквально через пять лет после "нефтяного бума". В условиях сокращения валютных поступлений и импорта, когда основной упор был сделан на внутренние силы, государственный сектор, монопольно владевший средствами производства и распределения, воочию продемонстрировал свои ограниченные потенции. На примере Ливии, осуществившей в 1980-х годах радикальными средствами монополизацию государственного сектора в ущерб всем остальным, была доказана невозможность эффективного строительства не только социализма каддафиевского, но и капитализма периферийного, даже такого, как ливийский.

Каддафи вовремя определил это и начал трансформировать свой "субъективный социализм", то есть радикальное обобществление средств производства, вспять — в концепцию многоукладности, восстановившую капиталистическую собственность в условиях тупиковой ситуации, сложившейся после "нефтяного бума" к концу 1980-х годов.

Такая амплитуда колебаний была связана с тем, что ливийское государство выступало как капиталистическое в рамках международного разделения труда, но как некапиталистическое с точки зрения социально-экономического развития. Она свидетельствует, на наш взгляд, не столько о понимании ливийским руководством разрыва между теорией и практикой, сколько о его повышенном внимании к складывавшейся в стране политической и социально-экономической конъюнктуре, которую оно весьма оперативно и прагматично учитывало.

К началу 1990-х годов революционное руководство добилось своих первоочередных целей: было ликвидировано засилье феодалов, финансистов, иностранного капитала, сломаны во многом социальные стены, создана модель общества, опирающегося на государственный капитализм, на привилегированные группы — бюрократию, офицерство, ревкомы, знать лояльных племен. Но дело в том, что "самостоятельность и самодеятельность" масс так и остались иллюзорными надеждами на "новое отношение к труду". После свержения монархии был проведен целый ряд "революций сверху", но даже радикальные мероприятия не препятствовали обогащению отдельных личностей и целых социальных групп, то есть они, эти

"революции", не прервали развитие капитализма в стране, а, значит, и не способствовали развитию Ливии в каком-то "третьем" направлении, отличном от капиталистического или социалистического.

С принятием в 1987 г. решения о восстановлении частного сектора лидеры СНЛАД несколько изменили стратегию внутреннего развития: они окончательно пресекли развитие капитализма на неоколониалистской основе и развили его на национальной основе с помощью государства…

Теперь зададимся вопросом: "Каково место М. Каддафи, этого сахарского политического самородка, в ливийской истории и философии последних двух столетий?"

Совершенно неоспоримо можно выделить два главных этапа завоевания доверия обитателей пустыни: первый — это сенуситский религиозно-политический аскетизм, основанный на суннизме и суфизме, и второй — сменивший сенуситов — каддафизм, взявший за основу народовластие, как государственность, и "прямую демократию", как базу джамахирийской формы правления с сохранением исламских религиозных догм.

Выделим среди сенуситов главного из них — Али ас-Сенуси, основателя братства, не ливийца, но предложившего обитателям Ливийской пустыни свой путь к свободе и свою стратегию действий в своих сочинениях. Через сто лет, когда сенуситы выполнили то, что наметили, и обосновали сначала эмират в Киренаике, а затем Соединенное королевство всей Ливии, они постепенно сами стали анахронизмом для обновленного ими же общества и были отвергнуты.

Многие из тех, кто пишет об идеологии Муаммара Каддафи, указывают на сходство и возможное заимствование некоторых идей у сенуситского братства XIX в. В самом деле, для обоих характерно неприятие западного влияния и необходимость возвращения к аскетическому исламу. Независимо друг от друга оба по-своему интерпретируют и догмы ислама.

Сенуситы были известны своей оппозицией французской и итальянской колонизациям в Центральной Сахаре и Ливии, начавшейся примерно с 1900 г., за что в тогдашних европейских кругах их назвали фанатиками и религиозными мракобесами. Так же как современные радикал-националисты, такие как Каддафи, удостаиваются примерно такой же оценки.

Эволюция взглядов М. Каддафи тоже вполне объяснима, если взять ее на сенуситском примере. Сначала при использовании силы при перевороте 1969 г. он отдал дань уважения таким великим сенуситам, как Ахмед аш-Шериф и Омар аль-Мухтар, и в

то же время закрыл все завии, хотя деятельность ордена после итальянского разгрома изменилась и восстановленные скорее номинально завии после получения независимости фактически не имели реального влияния 8. Потом Каддафи сделал все возможное, чтобы выбросить сенусизм как религиозное братство и политическую силу из новейшей ливийской истории, возможно сознавая, что повторяет отчасти путь, пройденный сенуситами.

В отличие от Каддафи король Идрис изначально сохранял доктринальную базу своего суфийского режима, традиции бедуинов, права кланов, свободу племен. Бедуин Каддафи, возглавив в 27 лет антимонархическую революцию (Идрис тоже в 27 лет стал эмиром Киренаики), обратился не к исламу, а к насеризму, и уже потом, столкнувшись с ливийской действительностью, начал искать для соотечественников приемлемую теорию, назвав ее "третьей", отличной от западного либерализма и коммунистического диктата, развивая фактически те мотивы сенусизма, которые не были пригодными сразу после свержения королевского режима, но оказались востребованными, когда власть народа в Ливии, в его воображении, восторжествовала.

Придя к власти, Каддафи быстро учел, что некоторые догмы раннего ислама могут быть "по-новому" прочитаны при исполнении той роли, которую он взял на себя после победы революции 1969 г. Уже в 1973 г. Каддафи почувствовал, какое преимущество он получит, если "шари'а" увидит, что революционная власть намерена соблюдать традиции в духе иджтихада. Именно в этом и состоял его призыв к учреждению народной демократии и строительству арабского социализма, или "иштиракии" (от араб, иштирак — соучастие в труде). По Каддафи, это соответствовало "умме" пророка Мухаммеда, "единственного" социализма, основанного на естественных законах, по которым жила и до сих пор живет бедуинская ливийская пустыня. В его "Зеленой книге" эти "естественные" законы были восстановлены, а социализм приравнен к социальному равновесию. То есть неписанные законы "улицы" (шари'а) и высокопоставленной знати (мадхабс) неким образом уравнялись. Об этом Каддафи заявил несколько позже в июле 1978 г., когда, участвуя в конференции улемов, он презентовал радикальную реинтерпретацию своих исламских терминов в дебатах по традиционному иджтихаду.

В борьбе за получение национальной независимости в прошлом веке ливийские лидеры вырабатывали свою модель государственности и национальной стратегии сначала на сенуситском толковании ислама. Это дало им возможность

сплотить народ и бороться против внешних поработителей под знаменами Ахмеда аш-Шерифа, затем Омара аль-Мухтара. В этой борьбе, изолированной и потому безнадежной, Ливии для победы не хватало внешнего признания, что и учел последний великий сенусит XX века — король Идрис. Он занялся созданием имиджа Ливии на международной арене и за кулисами мирового сообщества и преуспел в этом, добившись независимости для своих соотечественников политической, но прозападной игрой.

"Зеленая книга" М. Каддафи, по-новому разъяснившая ливийцам в XX в. исламские ценности, и появившаяся в XXI в. его "Белая книга", — обосновавшая создание арабо-израильского государства на территории современной Палестины, — по существу это "новое прочтение" и сенусизма, и каддафизма, еще одна попытка вывести безнадежно изолированную к концу XX в. Ливию на международную арену так, чтобы ее имидж стал приемлемым для мирового сообщества.

В XXI в. объяснение этому — нефть, а именно — интерес к ливийским нефтяным ресурсам, а уж потом к тем, кто этими ресурсами владеет. Запад вдруг увидел, что государство Муаммара Каддафи остается прежним, его берберско-суфийская основа не изменилась, хотя в Триполи и делают время от времени заявления, обернутые в некую идеологическую оболочку, называемую "третьей теорией".

Запад до Каддафи более века присматривался к сенусизму, воевал с ним, потом носил его на руках, но так и не обратил гордых ливийцев в свою веру. Тот же путь Запад прошел и с Каддафи, ненавидя и заигрывая с ним одновременно. И только через сорок лет революции были, наконец, найдены условия сосуществования с той же самобытной, как прежде, но теперь еще и богатой нефтью страной бедуинов, которую ее лидер М. Каддафи сделал Великой Социалистической Народной Арабской Джамахирией.

Постскриптум

Каддафи о величии и самобытности России

"Россия всегда была объектом любого западного расширения на восток. Западные армии всегда были нацелены на Россию.

Так, в начале XIX века Наполеон завоевал несколько европейских стран, прежде чем добраться до России, богатой углем, железом, нефтью и золотом.

Также поступил Гитлер во время Второй мировой войны, нацелив на Россию свое громадное войско с такой же целью.

Сегодня НАТО идет по стопам Наполеона и Гитлера, чтобы добраться до России. С этой целью НАТО использует вакуум, образовавшийся вследствие развала Советского Союза, и то, что было названо победой в "холодной войне" над восточным лагерем во главе с Советским Союзом. НАТО всерьез пытается включить в себя все бывшие советские республики, окружить Россию от Центральной Азии до Балтийского моря. До этого Североатлантический альянс принял в свои ряды большинство стран бывшего социалистического блока, находящихся вблизи российских границ. Это было воспринято Россией как опасная провокация и полное окружение. И это так на самом деле — после развала и уничтожения Югославии и присоединения к НАТО недостающего звена в натовской цели началось окружение России.

Россия — это сила, которую непросто блокировать, поработить и победить. Об этом говорит давняя и недавняя история. Россия обладает самым крупным в мире арсеналом ядерного оружия, насчитывающим 16 тыс. ядерных боеголовок, которые могут быть запущены из подземных шахт, с подводных лодок и с борта стратегических бомбардировщиков. Аналога этому нет у других стран. Этим мощнейшим ядерным потенциалом, или, как в России его называют, "ядерной триадой" (стратегические ракеты, стратегические бомбардировщики и ядерные подводные лодки), Россия компенсирует любой недостаток в своих обычных вооружениях, военной подготовке, мобилизации или стратегических приготовлениях.

Провоцирование и блокирование России представляют угрозу всеобщему миру и чреваты новой никому не нужной масштабной ядерной войной. Тем более что во многих случаях США исходили из заведомо ложной информации, глупых и наивных анализов и корыстных, несостоятельных мнений.

Думал ли Запад, поощряя независимость Косово, что лихорадка независимости докатится до Абхазии и Южной Осетии? Анализ ситуации, который привел к развязыванию американцами войны в Ираке, был основан на дезинформации и измышлениях. Эти данные предоставляли агенты, сбежавшие со своей родины и желавшие добиться расположения к себе со стороны американских спецслужб.

После распада Советского Союза уже нет никаких причин для существования и расширения НАТО. Кроме как если преследуется цель оккупации России и всего остального мира. США, как любая другая страна, имеют право на самооборону, на жизнь в мире. Их далекое географическое расположение между Атлантическим океаном на востоке. Тихим океаном на западе, Ледовитым — на севере и маленькими государствами Центральной и Южной Америки, не представляющими опасности с юга, — все это обеспечивает Соединенным Штатам возможность быть безопасной страной для эмигрантов, поселившихся вдали от конфликтов и притязаний континентов Старого Света.

Как глобальное государство, в основании и процветании которого участвовали все народы мира, США достойны того, чтобы на их территории размещалась сегодня штаб-квартира ООН и ее Совета Безопасности. Но США сегодня участвуют во всех агрессивных акциях в мире. И это представляет угрозу стабильности, безопасности мира и самим США. Америка должна вернуться к доктрине Монро", провозглашенной пятым американским президентом (1817–1825): "Не вмешиваться во внутренние проблемы и отношения с Европой, а европейские государства не должны продвигать свое колониальное влияние в сторону США". Нужно расширить эту доктрину, чтобы она включила в себя все государства мира.

Европа имеет право быть политической и военно-экономической силой, создать независимое политическое и военно-экономическое образование, быть новым полюсом в равновесии международных политических сил. Россия как историческая и возникающая сила должна также иметь свободу на создание своей экономической и военно-политической мощи, чтобы защитить себя.

Объединенная Европа вполне может не связывать себя с далекой Америкой, а быть стратегическим буфером между Америкой и Россией, а также между Европой и Америкой, извлекать пользу из богатств России — нефти, газа и так далее. Россия, а не американский континент является демографическим партнером Европы. Если бы Европа верно оценила свои интересы, она бы связала себя дружескими связями с Россией, а не с

Америкой. Возможно, причины тут имеют расовый характер или дело в статус-кво: имеется в виду подчиненность Европы американской оккупации после Второй мировой войны.

Мир должен помнить, что Россия не Советский Союз, это очень важная разница, на которую я обращаю внимание всего мира. Советский Союз был обширной империей, в которой жили исторические нации, и этот союз был им навязан. Советский Союз защищал идеологические догмы, в которые, как выяснилось теперь, не верили народы и даже руководители Кремля.

Сейчас Россия будет защищать не политическую, экономическую или философскую идеологию, она будет защищать русскую национальность, русскую нацию и само существование России. Когда рухнул Советский Союз, рухнула идеология, но не нации. Нации остались и даже приветствовали разрушение Союза и его идеологии. А что осталось сейчас? Осталась русская нация, разрушение которой недопустимо. Если это произойдет, то будет означать конец ее свободы, жизни и самого существования. Это вопрос не жизни, а смерти.

Недооценить эту ситуацию и не извлечь уроки из противостояния с Советским Союзом и его распада — это все равно что совершить самоубийство. Если те, кто осуществил прежний маневр, повторят его сегодня против России, то это будет губительно для них самих. Империалистическая политика против Советского Союза, давшая свои плоды, будет губительной, если станет использоваться против России.

Муаммар Каддафи"